

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.**

Томъ XII.

Изданіе В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МИНИАТЮРЫ.

Переводъ Б. В. К.

ХТ-11745

Москва. — 1911.

2007085854

Типографія В. М. Сабліна.

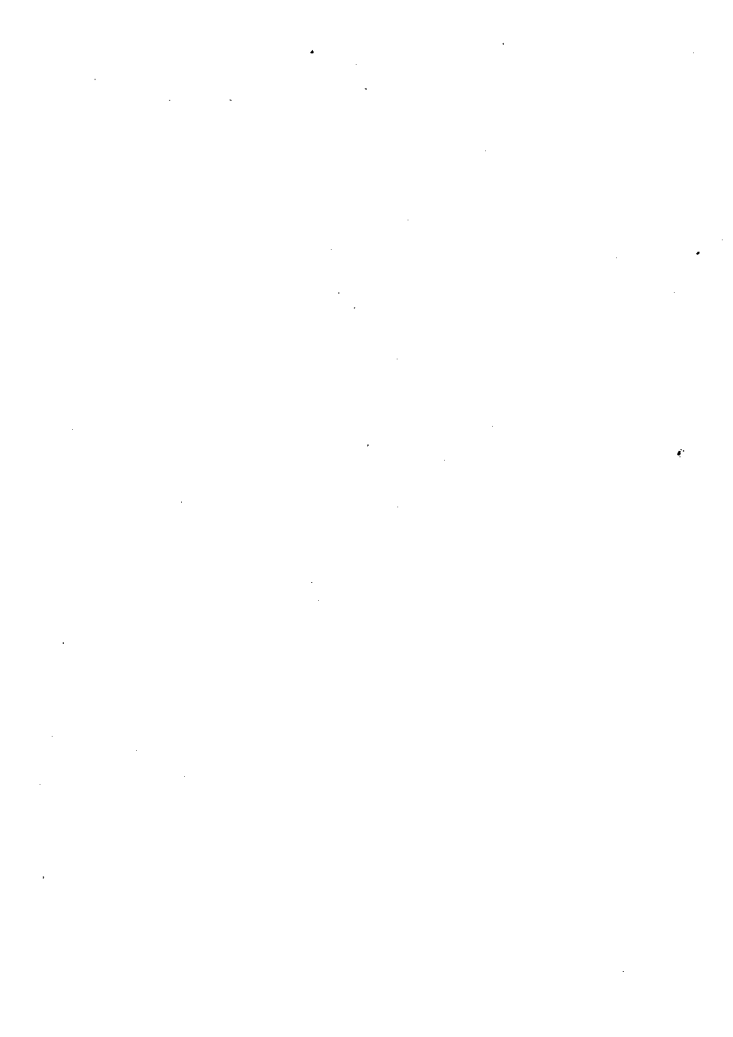
Москва, Петровка, дoмъ Обидиной. Телеф. 131-34.

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ Аѳинахъ	I
Флаккъ и Маронъ	61
Леонтополисъ	77
Агнець	83
Кровожадный звѣрь	93
Апостать	109
Атила	141
Рабство Египетское	159
Рабъ рабовъ Божіихъ	187
Измаиль	203
Тысячелѣтнее царство	213

ИСТОРИЧЕСКІЯ МИНІАТЮРЫ.

Въ Лѳинахъ.

Послѣ теплаго дня солнце стало садиться; рынокъ лежалъ почти въ тѣни. Тѣнь, поднимаясь выше, закрыла Акрополь, на которомъ еще сверкалъ щитъ Паллады, какъ оборонительный гербъ города.

У пестрой колоннады виднѣлась группа мужчинъ, собравшихся около бѣлой мраморной скамьи полукружія Гемисицілона; они, казалось, кого-то ожидали, чтобы сѣсть.

Среди нихъ были видные и красивые мужчины, но былъ также одинъ удивительно безобразный, къ которому остальные повидимому тѣснились. Его лицо могло бы быть лицомъ раба или сатира, и нѣкоторые аѣиняне находили въ этомъ лицѣ всѣ пороки и преступленія. Говорятъ, некрасивый человѣкъ отвѣтилъ на это: «Противъ чего же боролся Сократъ, если онъ ни пороченъ, ни преступникъ».

Это былъ именно Сократъ, извѣстный всему населенію Аѣинъ, какъ чужакъ, философствующій на улицахъ и площадяхъ, въ кабакахъ и веселыхъ домахъ. Онъ не избѣгалъ никакого общества и велъ интимное знакомство какъ съ Перикломъ, главой города, такъ и съ разнузданнымъ Алкивіадомъ; онъ садился къ столу мелкихъ торгашей и ремесленниковъ, пилъ съ моряками въ Пиреѣ, а самъ жилъ

со своей семьей въ пригородѣ Керамеикѣ. Когда спрашивали, почему Сократъ всегда въ пути, его друзья отвѣчали: «ему дома плохо». А когда его лучшіе друзья спрашивали, какъ можетъ онъ вести знакомство съ моряками и таможенными чиновниками, Сократъ отвѣчалъ: «Вѣдь это люди!»

Рядомъ съ философомъ, а когда онъ сидѣлъ, то за его стуломъ стоялъ юноша, обращающій на себя вниманіе своимъ большимъ лбомъ. Это былъ лучшій ученикъ Сократа, по имени Аристоклъ, получившій за свой лобъ прозвище Платона.

Ревниво оберегая мѣсто около учителя, стоялъ прекрасный Алкивиадъ.

Третій сряду былъ статный строгій трагикъ Эврипидъ. Спиной къ обществу, рисуя на песокѣ, сосредоточившись какъ за работой, стоялъ Фидій, «сотворившій Афинамъ боговъ».

У фонтана сидѣлъ человѣкъ, болтая ногами, шевеля безостановочно ртомъ, точно оттачивая свой языкъ для парированья ударовъ, его морщинистый лобъ поблекъ отъ бесплодной работы мысли, а глаза сторожили добычу какъ змѣя. Это былъ софистъ, резонеръ Протагоръ, который могъ за нѣсколько винныхъ ягодъ или оболковъ сдѣлать черное бѣлымъ. Его терпѣли въ этомъ блестящемъ обществѣ, потому что онъ давалъ объясненія и отвѣты; имъ пользовались, чтобы оживить разговоръ, натравливая его на Сократа, который всегда ловилъ его.

Наконецъ пришелъ тотъ, кого они ожидали. Это былъ глава города, который могъ бы быть царемъ, если бы въ Афинахъ не была уничтожена царская власть. Вѣщность

его была царственной, но выходъ безъ охраны былъ выходомъ простаго гражданина. Онъ управлялъ только благодаря своимъ личнымъ качествамъ: уму, силѣ воли, сдержанности и сознательности.

Послѣ привѣтствій, свидѣтельствовавшихъ, что они уже сегодня видѣлись, праздная вмѣстѣ избавленіе отъ персовъ, они сѣли на мраморное полукружіе, носившее названіе Гемидикліона.

Когда всѣ заняли мѣста, по обычаю сохранявшіяся за каждымъ, наступило молчаніе, необычное въ этомъ кругу, который старался съ заходомъ солнца собраться для духовной трапезы, безъ столовъ и чашъ, для единенія душъ, гдѣ разнужданность Алкивіада была только духовной.

Алкивіадъ, избалованный и нетерпѣливый, первый нарушилъ молчаніе.

— Мы отпраздновали Саламинскую битву, день избавленія отъ варваровъ и царя персидскаго, и, какъ вижу, устали.

— Не такъ устали, чтобы забыть день рожденія нашего друга Эврипида,—отвѣтилъ Периклъ,— потому что онъ, какъ извѣстно, видѣлъ день, когда солнце освѣтитъ Саламинскую битву.

— Онъ долженъ сдѣлать возліяніе вина, когда мы вернемся подъ крыши къ столу и чашамъ,—уклонился Алкивіадъ. Софистъ у фонтана получилъ уже матеріаль и могъ начать свою пряжу.

— Откуда вамъ извѣстно, что счастье заключается въ избавленіи отъ персидскаго царя? Почему вы знаете, счастливъ ли день Саламинской битвы для Эллады? Развѣ нашъ

великій Эсхиль не оплакивалъ горестный для персовъ день и не выказалъ имъ участія?

Ненавистно мнѣ имя твое, Саламинъ:
Со вздохомъ думаю о васъ, Аѳины!

— Стыдись, софисты! — прервалъ его Алкивиадъ.

Но Протагоръ наточилъ свой клювъ и продолжалъ:

— Я не говорю, что имя Саламина ненавистно, это говоритъ Эсхиль, а я, какъ извѣстно, не Эсхиль. Я также не утверждалъ, что стасте въ томъ, чтбы служить персидскому царю. Я только спросилъ, а кто спрашиваетъ, тотъ ничего не утверждаетъ. Не правда ли, Сократъ?

Учитель провелъ пальцами по своей длинной бородѣ и отвѣтилъ:

— Есть утвержденія прямыя и косвенныя; вопросъ можетъ быть косвеннымъ и коварнымъ утвержденіемъ. Протагоръ своимъ вопросомъ далъ коварное утвержденіе.

— Хорошо, Сократъ! — воскликнулъ Алкивиадъ, чтобы возбудить ихъ еще больше.

Периклъ продолжалъ:

— Итакъ Протагоръ утверждаетъ, что вы были бы счастливыѣ подъ властью персидскаго царя. Что намъ съ нимъ сдѣлать?

— Сбросить его въ колодезь, — крикнулъ Алкивиадъ.

— Я хочу пояснить! — протестовалъ софистъ.

— Обращайся къ черни! Тамъ ты будешь всегда правъ! — отрѣзалъ Алкивиадъ.

— Нельзя говорить чернь, если ты демократъ, Алкивиадъ! И нельзя цитировать Эсхила въ присутствіи Эврипида! Когда здѣсь Фидій, лучше говорить о его Пароено-

нѣ или объ Аѳинѣ, которой заходящее солнце золотитъ пеплумъ. Вѣжливость — приправа веселой жизни.

Такъ старался Периклъ дать разговору другое направленіе, но софистъ не допустилъ этого:

— Если статуя Аѳины Фидія должна заимствовать у солнца золото, то это *можетъ* служить доказательствомъ, что не хватило золота, отпущеннаго городомъ, что ощущается его недостатокъ. Не правда ли, Сократъ?—Учитель остановилъ протянутой рукой ропотъ недовольства и сказалъ:

— Надо сперва доказать, что статуя Фидія нуждается въ заимствованіи золота у солнца; но такъ какъ это не доказано, то сказанное о недостаткѣ золота не имѣетъ смысла. Впрочемъ, золота нельзя заимствовать у солнца. Это болтовня Протагора, не заслуживающая отвѣта. На этотъ вопросъ Фидій могъ бы отвѣтить: если ты сдѣлалъ ту Аѳину на Парѳенонѣ, сдѣлалъ ли ты Аѳину?

— Я сдѣлалъ ея изображеніе, — отвѣтилъ Фидій.

— Вѣрно! Ты сдѣлалъ ея изображеніе! Но по какому образцу?

— По моему внутреннему.

— Значитъ не по внѣшнему? Видѣлъ ли ты богиню своими очами?

— Не тѣлесными.

— Итакъ, она внѣ тебя или въ тебѣ?

— Если насъ никто не подслушиваетъ, то я скажу: если ея нѣтъ внѣ меня, то значить ея вообще нѣтъ.

Периклъ прервалъ его:

— Боги государства! Друзья, остерегайтесь!

Но Сократъ продолжалъ:

— Ты, Фидій, сдѣлалъ также Зевса Олимпійскаго, значитъ онъ тебя не создалъ!

— Боги государства! Остерегайтесь, друзья!—предупреждалъ Периклъ.

— На помощь, Протагоръ, Сократъ прижалъ меня, — жаловался Фидій.

— По-моему не Зевсъ сотворилъ человѣка, — отвѣтилъ софистъ, — это сдѣлалъ Прометей. Но Зевсъ одарилъ человѣка двумя вѣчными дарами: стыдливостью и чувствомъ справедливости.

— Въ такомъ случаѣ Протагоръ сотворенъ не Зевсомъ, ему не хватаетъ стыдливости и справедливости.

Это было сказано Алкивиадомъ. Тогда вмѣшался молчаливый трагикъ Эврипидъ.

— Позвольте мнѣ сказать о Зевсѣ и Прометѣѣ; и не считайте невѣжливымъ, если, говоря о богахъ, я приведу слова моего великаго учителя Эсхила.

Но Периклъ перебилъ его:

— Если мои глаза меня не обманываютъ, я только что замѣтилъ пару ушей за статуей Гермеса, а эти ослиныя уши могутъ принадлежать только знаменитому скорняку.

— Клеонъ!—вставилъ Алкивиадъ.

Но Эврипидъ продолжалъ:

— Какое мнѣ дѣло до скорняка, если я не боюсь боговъ государства? Боговъ, гибель которыхъ давно предсказана нашимъ Эсхиломъ. Развѣ его Прометей не говоритъ, что олимпіецъ будетъ сверженъ своимъ сыномъ, рожденнымъ отъ дѣвы? Развѣ онъ не говорилъ этого, Сократъ?

— Конечно: «Родить сына, который сильнѣе отца».

Но кто это будетъ и когда онъ родится, объ этомъ онъ не говорить.

— Ну, я думаю, что пришли послѣднія времена Зевса.

Опять послышался предостерегающій голосъ Перикла.

— Боги государства! Тише, друзья! Клеонъ подслушиваетъ!

— А я думаю, — сказалъ Алкивіадъ, что близокъ конецъ Аѳинъ. Пока мы праздновали Саламинскую битву, поднялись спартанцы и опустошили сѣверъ: Мегара, Локрида, Бѳотія и Фокида стоятъ уже на сторонѣ Спарты

— Намъ все это извѣстно, — защищался Периклъ, — но сейчасъ мы наслаждаемся миромъ, и нами послано триста кораблей въ море. Какъ ты думаешь, Сократъ, намъ угрожаетъ опасность?

— Я не смѣю вмѣшиваться въ дѣла государства, но если Аѳины будутъ въ опасности, я возьму свой щитъ и копье какъ прежде...

— Когда ты спасъ мою жизнь у Потидеи, — прибавилъ Алкивіадъ.

— Нѣтъ, опасность не тамъ, не въ Спартѣ; она здѣсь, дома. Демагоги замутили болото, и теперь у насъ чума въ Агорѣ и Пиреѣ.

— Чума въ Пиреѣ хуже всего, — сказалъ Протагоръ, — не правда ли, Алкивіадъ?

— Да, тамъ мои лучшія дѣвушки. Мои флейтщицы, которыя должны намъ сегодня прислуживать на пиру въ тавани. Но, во имя Геракла, здѣсь, я думаю, никто не боится смерти?

— Никто не боится, никто не желаетъ, — отвѣтилъ

Сократъ, — и если у тебя есть другія дѣвушки, это увеличитъ нашу радость.

— Эврипидъ не любитъ дѣвушекъ, — вставилъ Протагоръ.

— Ты лжешь, — сказалъ Эврипидъ. — Я люблю дѣвушекъ, но не женщинъ.

— Я тоже, но я люблю чужихъ женъ! — острилъ Алкивиадъ.

— Когда Алкивиадъ былъ моложе, онъ отнималъ мужей у женъ, теперь онъ отнимаетъ женъ у мужей!

Периклъ всталъ.

— Пойдемъ на пиръ, поищемъ стѣнъ для нашей бесѣды, стѣнъ безъ ушей! Поддержи меня, Фидій, я что-то усталъ!

Къ Сократу подошелъ Платонъ.

— Учитель, дай мнѣ нести твой плащъ, — просилъ онъ.

— Это моя почетная должность, юноша, — перебилъ его Алкивиадъ.

— Она была твоей, — сказалъ Сократъ; — теперь она Платона Широколобаго! Запомни имя. Оно происходитъ отъ Кодра, послѣдняго царя, отдавшаго свою жизнь за освобожденіе своего народа. Платонъ происходитъ отъ царскаго рода!

— А Алкивиадъ происходитъ изъ рода героевъ Алкмеонидовъ, такъ же какъ его дядя Периклъ: знатное общество!

— Но Фидій изъ рода боговъ — это еще выше.

— А я, по всей вѣроятности изъ рода титановъ, — добавилъ Протагоръ. — Я говорю, по всей вѣроятности, потому, что вообще мы знаемъ только то, что ничего не знаемъ. Не правда ли, Сократъ?

— Ты вообще знаешь только то, что болтаешь!

Они пошли по священной улицѣ и направились всѣ къ театру Діониса, вблизи котораго жилъ Алкивіадъ.

Демагогъ Клеонъ дѣйствительно незамѣтно подслушивалъ. Но это дѣлалъ и другой человѣкъ. У того была желтая кожа и черная борода; онъ, казалось, принадлежалъ къ ремесленному сословію. Когда блестящее общество удалилось, Клеонъ вышелъ, положилъ руку на плечо незнакомца и сказалъ:

— Ты слышалъ разговоръ?

— Конечно, слышалъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Можешь быть свидѣтелемъ.

— Я не могу быть свидѣтелемъ, я чужестранецъ.

— Но вѣдь ты слышалъ, какъ поносили боговъ государства?

— Я сиріецъ и знаю только единого истиннаго Бога. Ваши боги не мои.

— Ты значить еврей! Какъ тебя зовутъ?

— Я израильтянинъ изъ племени Левитовъ, и имя мое теперь Картафилъ.

— Значить финикіецъ?

— Нѣтъ, еврей. Мои праотцы пришли изъ земли Уръ въ Халдею, попали къ египтянамъ въ рабство, но были приведены Моисеемъ въ землю Ханаанскую, гдѣ при нашихъ царяхъ Давидъ и Соломонъ мы были могущественны.

— Не знаю!

— Двѣсти лѣтъ тому назадъ нашъ городъ Іерусалимъ былъ разрушенъ царемъ вавилонскимъ Навуходоносоромъ, и нашъ народъ отправленъ въ рабство въ Вавилонъ. Когда вавилонское царство было взято персидскимъ ца-

ремъ, мы попали подъ персидское иго и вздыхали при потомкѣ Ксеркса изъ Саламина, котораго мы называли Агасферомъ.

— Ваши враги — наши враги! Итакъ, другъ, какъ ты сюда пріѣхалъ?

— Когда ассирійцы хотѣли первый разъ отвести насъ въ рабство, бѣжали тѣ, кто могъ въ Родосъ, Критъ, на греческіе острова; изъ тѣхъ, которые были уведены, нѣкоторые были посланы къ сѣверу въ Мидію. Мои отцы пришли сюда изъ Мидіи, а я только что пріѣхалъ.

— Для меня твоя рѣчь темна, но я слышалъ, какъ прославляли вашъ народъ за то, что онъ вѣренъ богамъ государства.

— Богу! Есть одинъ только Богъ единый и истинный, сотворившій небо и землю и давшій намъ обѣтъ!

— Какой обѣтъ?

— Что нашъ родъ будетъ владѣть землей!

— Клянусь именемъ Геракла! Начало обѣщаетъ не мало!

— Въ этомъ наша вѣра, она поддержала насъ въ нашихъ странствованіяхъ по пустынѣ и во время рабства!

— Хочешь ты показать противъ этихъ богохульниковъ?

— Нѣтъ, Клеонъ, потому что вы идолопоклонники, а Сократъ и его друзья не вѣрятъ въ вашихъ идоловъ, и это имъ зачтется какъ справедливость. Да, мнѣ показалось, что Сократъ чтитъ скорѣе Единаго, Невидимаго, имя котораго нельзя назвать. Поэтому я не буду свидѣтельствовать противъ него.

— Ты на ихъ сторонѣ? Уходи тогда съ миромъ, но берегись. Иди!

— Богъ Авраама, Исаака и Иакова будетъ охранять меня, пока я и мой родъ охраняемъ его завѣты!

Клеонъ увидѣлъ въ колоннадѣ своего друга и товарища по ремеслу Анита, поэтому онъ отпустилъ непреклоннаго еврея, который поспѣшно скрылся въ аллеѣ сикоморъ, ведущей на рынокъ масла.

Анитъ, скорнякъ и государственный мужъ, подошелъ, громко читая написанную имъ рѣчь, которую онъ соби-
рался сказать:

— Аѣины или Спарта, вотъ спорный вопросъ...

Клеонъ подошелъ съ любопытствомъ и прервалъ его:

— Что это ты читаешь, Анитъ?

— Рѣчь.

— Я это слышалъ! Аѣины или Спарта. Власть народа или власть свиней! Народъ, дѣлающій самое тяжелое, обрабатывающій, производящій, лежитъ внизу какъ золото. Скоты, бездѣльники, богачи, знатные, самые легко-
вѣсные плаваютъ сверху какъ щепки и пробки. Аѣины — это власть народа, всегда такъ было, всегда такъ будетъ. Спарта — это власть свиней!

— Единовластiе, хочешь ты сказать, Клеонъ!

— Нѣтъ, свиней! Управление Аѣинъ плохо потому, что Периклъ, богатый человѣкъ, гордый какъ царь, сталъ во главѣ власти! Какъ можетъ онъ сочувствовать народу, если онъ никогда не былъ тамъ внизу? Какъ можетъ онъ разглядѣть сверху? Онъ сидитъ на крышѣ фронтона Парее-
нона и смотритъ на аѣинянъ какъ на муравьевъ, когда это львы съ отрѣзанными когтями и вырванными зубами.

Мы, Анитъ, рожденные внизу, выросшіе около скота и навоза, мы можемъ понимать нашихъ братьевъ въ поту;

мы, такъ сказать, узнаемъ ихъ по запаху. Но рыбакъ рыбака видитъ издалека; поэтому Спарта тяготѣеть къ Аѳинамъ, къ Периклу и его партіи. Периклъ присасывается къ себѣ Спарту, а мы гибнемъ...

Анись, ораторъ самъ, не любилъ чужого краснорѣчія, поэтому онъ рѣзко оборвалъ Клеона:

— Периклъ боленъ.

— Онъ боленъ?

— Да, у него горячка!

— Правда? Можетъ быть чума?

— Возможно!

Возраженіе Анита измѣнило ходъ мыслей Клеона, въ немъ зародилась новая надежда.

— А послѣ Перикла? — спросилъ онъ.

— Клеонъ, конечно.

— Почему бы нѣтъ? Человѣкъ изъ народа и за народъ, только не философы и не актеры. Такъ, значитъ Периклъ боленъ. Такъ, такъ. Послушай, Анись, а кто Никій?

— Знатный, вѣрящій въ оракуловъ...

— Не трогай оракуловъ! Я въ нихъ не вѣрю, но устойчивость государства требуетъ извѣстной однородности во всемъ, въ законахъ, нравахъ и религіи. Я стою поэтому за боговъ государства.

— Я тоже стою за боговъ государства, пока за нихъ стоитъ народъ!

Оба оратора утомили другъ друга. Клеонъ хотѣлъ обдумать въ одиночествѣ сказанное Анитомъ. Поэтому онъ бросилъ:

— Ты говоришь, Никій...

— Я пойду купаться, — перебилъ его Анить, — а то у меня будетъ ночью безсонница.

— А кто Алкивиадъ?

— Это предатель Эфіальта, который поведетъ персидскаго царя въ Фермопилы.

— Персидскій царь на востокъ, Спарта на югъ...

— Македонія на сѣверъ...

— А на востокъ новый Римъ!

— Со всѣхъ четырехъ сторонъ враги!

— Горе вамъ, Аѣины!

— Горе тебѣ, Эллада!

* * *

Гости собрались у Алкивиада, который сейчасъ же удался съ похвальнымъ намѣреніемъ доставить флейтщицъ. Вечеръ былъ теплый, поэтому столъ былъ накрытъ во дворѣ, окруженномъ портикомъ изъ коринѣскихъ колоннъ, среди которыхъ висѣли свѣтильники, освѣщая дворъ.

Это былъ легкій ужинъ съ вѣнками изъ плюща и чашами вина.

Аспазія, единственная женщина, заняла почетное мѣсто рядомъ съ Перикломъ. Она пришла раньше, въ сопровожденіи своихъ рабынь, и ожидала въ нетерпѣннн начала

состязанія ораторовъ. Но Перикль былъ угрюмъ и утомленъ. Сократъ лежалъ молча на спинѣ и смотрѣлъ вверхъ на звѣзды. Эврипидъ жевалъ деревянный прутъ и былъ не въ духѣ. Фидій мялъ хлѣбные шарикъ, принимавшіе подъ его пальцами формы звѣрей. Протагоръ шептался съ Платономъ, который держался съ юношеской застѣнчивостью вдали. Въ концѣ стола сидѣлъ скелетъ съ вѣнкомъ изъ розъ на бѣломъ лбу. Чтобы смягчить ужасъ присутствія непрощеннаго гостя, Алкивиадъ всунулъ ему луковницу между передними зубами и лилію въ руку; казалось, скелетъ ее нюхаетъ.

Когда молчаніе стало, наконецъ, тягостнымъ, Перикль превозмогъ свою вялость и сталъ говорить.

— Я поставлю для обмѣна мнѣній, — началъ онъ, — чтобы не поднимать спора, часто предлагаемый вопросъ о такъ называемомъ женоненавистничествѣ Эврипида. Что скажешь ты, Протагоръ?

— Нашъ другъ Эврипидъ былъ трижды женатъ и, — всякій разъ имѣлъ дѣтей. Онъ не можетъ быть поэтомъ женоненавистникомъ. Не правда ли, Сократъ?

— Эврипидъ, — отвѣтилъ Сократъ, — любитъ Аспазію, какъ и всѣ мы, поэтомъ онъ не можетъ быть женоненавистникомъ. Онъ любитъ, съ согласія Перикла, душевную красоту Аспазіи, поэтомъ онъ не женоненавистникъ. О красотѣ тѣла Аспазіи нельзя сказать много хорошаго, но намъ нѣтъ до него никакого дѣла! Хороша ли Аспазія, Фидій?

— Аспазія некрасива, но душа ея прекрасна и добра. Не правда ли, Перикль?

— Аспазія моя подруга и мать нашихъ дѣтей; Аспазія

мудрая женщина, она стыдлива и справедлива, у нея есть самосознаніе и сознаніе; Аспазія умна, она молчитъ, когда говорятъ мудрые мужи. Но Аспазія, слушая мужей, можетъ заставитьъ ихъ говорить мудро; она помогаетъ имъ породить мысли, она даетъ имъ души отъ своей плоти...

Протагоръ продолжалъ:

— Аспазія, какъ наша общая мать-Кибела; она носитъ насъ у своей груди.

— Аспазія—это музыкальная гамма цитры, безъ нея не звучатъ наши струны,—прибавилъ Фидій.

— Аспазія намъ всѣмъ мать,—началъ опять Сократъ,—но она также наша кормилица, она омываетъ рожденных нами мысли и облакаетъ ихъ прекраснымъ покровомъ. Аспазія принимаетъ нашихъ нечистыхъ дѣтей и отдаетъ ихъ намъ чистыми. Она не даетъ ничего, но воспринимая, она даетъ намъ случай давать.

Эврипидъ продолжалъ упавшій было разговоръ:

— Меня обвинили и оправдали,—не правда ли, Аспазія?

— Когда ты самъ снимешь съ себя обвиненіе, тогда только ты будешь оправданъ, Эврипидъ.

— Обвиняй меня, а я буду отвѣчать!

— Обвиню тебя твоими же словами. Ипполитъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ твоей трагедіи того же названія:

«Зачѣмъ оставилъ ты, Зевсъ, подъ солнцемъ женщину, это лживое племя, этотъ отбросъ?»

«Если хотѣлъ сотворить ты людей, зачѣмъ породилъ ихъ изъ лона жены; въ святилища твои могли бы принести мы мѣдь, серебро или золото, на нихъ купить сѣмянъ дѣтей сообразно съ цѣной принесеннаго. Тогда могли бы мы жить какъ свободные мужи — безъ жены.

«Теперь же, какъ только введемъ ее мы въ домъ, и счастье и золото уходятъ.

«Какъ дурна и зла она, мы видимъ изъ того, что даже родитель ея даетъ ей охотно приданое, чтобъ только сбыть ее, злую».

— Ну, защищайся, Эврипидъ.

— Будь я софистомъ, какъ Протагоръ, я бы отвѣтилъ: «Это сказалъ Ипполитъ, а не я». Но я поэтъ и говорю устами своихъ дѣтей. Итакъ: я сказалъ это, я это думалъ, когда писалъ; я думаю такъ и сейчасъ! И все же я почти всегда люблю женщину, хотя и ненавижу ея полъ. Я не могу этого объяснить, я никогда не былъ извращенъ, какъ Алкивиадъ. Можешь ты объяснить мнѣ это, Сократъ?»

— Да! Женщину можно любить и въ тоже время ненавидѣть. Все порождается изъ противоположнаго, любовь изъ ненависти и ненависть изъ любви. Я люблю въ своей женѣ доброе материнское, ненавижу въ ней извѣчное злое; значить могу ее любить и ненавидѣть. Не правда ли, Протагоръ?»

— Сократъ сталъ софистомъ! Черное не можетъ быть бѣлымъ.

— Теперь наивенъ Протагоръ. Соль въ этой солонкѣ бѣла, но потуши свѣтъ, она станетъ черной! Итакъ, соль не абсолютно бѣла, ея бѣлизна зависитъ отъ свѣта. Я склоненъ скорѣе думать, что соль сама по себѣ черна, потому что отсутствіе свѣта—тьма, но тьма ничто сама по себѣ, ничего не даетъ соли, такъ что въ темнотѣ скорѣе вещь сама по себѣ, значить истинная природа соли черная! Но на свѣту вещь можетъ быть и черной и бѣ-

лой. Этотъ морской угорь сверху черенъ, а снизу бѣлъ. Можно въ одно время быть и хорошимъ и дурнымъ. Итакъ, Эврипидъ правъ, когда говоритъ, что и любить и ненавидить женщину. Тотъ, кто только ненавидитъ женщину, будетъ женоненавистникомъ, но Эврипидъ вѣдь любитъ также женщину. Значитъ Эврипидъ не женоненавистникъ.

Какъ ты думаешь, Аспазія?

— Мудрый Сократъ! Ты признаешь, что Эврипидъ ненавидитъ женщину, значитъ онъ все-таки женоненавистникъ.

— Нѣтъ, прекрасное дитя, я утверждаю только, что Эврипидъ такъ же ненавидитъ, какъ и любитъ женщину, такъ же, замѣть это хорошенько. Я люблю Алкивиада, но я ненавижу, мнѣ противна его распущенность; теперь я спрашиваю васъ, друзья, ненавистникъ ли я Алкивиада?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ!—отвѣтили всѣ хоромъ.

Но Аспазія была раздражена и хотѣла раздражать другихъ:

— А ты, мудрый Сократъ, въ какихъ ты отношеніяхъ съ своей супругой?

— Мудрецъ говоритъ неохотно о своей женѣ!

Протагоръ вставилъ:

— Такъ же неохотно, какъ о своей слабости.

— Ты сказалъ! Землѣ приносятъ жертву, но неохотно; связываютъ себя, но безъ удовольствія; терпятъ, но не любятъ; исполняютъ долгъ государству, но съ трудомъ. Есть только одна Аспазія, Аспазія Перикла. Величайшая женщина — величайшему мужу. Периклъ первый въ государствѣ, какъ Эврипидъ на сценѣ.

Протагоръ сейчасъ же нашелся:

— Развѣ Эврипидъ выше Эшила и Софокла?

— Разумѣтся, Протагоръ! Онъ намъ ближе; онъ высказываетъ *наши* мысли, а не мысли нашихъ отцовъ; онъ не ползаетъ передъ богами и рокомъ, онъ съ ними борется; онъ любитъ людей, знаетъ и обвиняетъ ихъ; его искусство богаче, его чувства теплѣе, его образы живѣе, чѣмъ образы древнихъ. Теперь я хочу говорить о Периклѣ!

— Стой, Сократъ! Въ Пниксѣ, на Агорѣ, но не здѣсь! Я могъ бы сказать слово, когда падаютъ ложныя обвиненія, но мы собрались здѣсь, чтобы забыть, а не вспоминать, а Сократъ больше всего радуется намъ, когда говорить о высокомъ, къ чему я Аѳиняне не причисляю. Вотъ Алкивиадъ со свитой. Зажгите больше свѣта, малые, и дайте льду въ ковши!

У воротъ слышался шумъ; сабака лаяла, сторожъ у дверей кричалъ; вошелъ Алкивиадъ со свитой.

Онъ былъ прекрасенъ среди окружавшихъ его дѣвушекъ и двухъ незнакомыхъ мужчинъ, перехваченныхъ имъ въ питейномъ домѣ.

— Папайа! — привѣтствовалъ онъ. — Вотъ и хозяинъ!

А это Аристованъ, будущій актеръ. А вотъ римлянинъ Люциллій, который былъ сосланъ, какъ бывшій децемвиръ. Онъ написалъ исторію Виргиніи.

Знаете, дѣвушки, вышедшей замужъ противъ своей воли. У римлянъ есть дѣвушки; у насъ ихъ нѣтъ!

Правда — Лаисъ? Это одна изъ тѣхъ Лаисъ, которыя позировали Фидію! Пусть Аспазія на меня не сердится за это! А это флейтщицы изъ Пирея. Чумныя ли онѣ, не

знаю! Что можетъ мнѣ сдѣлать чума? Мнѣ двадцать лѣтъ а я еще ничего не сдѣлалъ. Зачѣмъ же жить? Теперь Лаисъ будетъ плясать! Папайа!

Эврипидъ поднявшись подалъ знакъ:

— Подожди съ пляской, Периклъ не весель и озабочень.

Наступила минута молчанія. Было жарко и душно. Это не была гроза, но что-то похожее на нее, всѣ были охвачены какимъ-то безпокойнымъ ожиданіемъ.

Вдругъ рука скелета опустилась съ легкимъ стукомъ на колѣни. Цвѣтокъ, который она держала, упалъ на полъ.

Всѣ вскочили, Алкивиадъ тоже, но, разсердившись на себя за эту слабость, онъ взялъ чашу и вышелъ впередъ:

— Скелеть хочетъ выпить! Я пью съ нимъ! Кто выпьетъ со мной? Сократъ умѣетъ это лучше всѣхъ; онъ выпиваетъ полкувшина безъ передышки, не мигнувъ.

Сократъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что могъ пить въ неограниченномъ количествѣ, но теперь ему не хотѣлось:

— Нѣтъ, не сегодня! Вино кажется мнѣ горькимъ!

Обратившись къ Периклу, онъ шепнулъ:

— Здѣсь дурной глазъ! Аристофанъ намъ не другъ!

— Ты знаешь его?

— Очень мало! Но онъ смотритъ такъ, точно хочетъ насъ убить.

Алкивиадъ продолжалъ держать свою рѣчь:

— Вотъ каковы Аѣины въ настоящую минуту! Мясо объѣли Спарта и персидскій царь; кожу выдѣлалъ Клеонъ; глаза выкололи союзники; зубы вырвали сограждане; сограждане, которыхъ знаетъ Аристофанъ и

которыхъ онъ скоро изобразить. Моя чаша, скелеть! Polla metaxu pelei, Kylikos Kai cheileos akru!

Вдругъ сцена измѣнилась. Скелеть откинулся назадъ, какъ опьянѣвшій человѣкъ; свѣтильники закачались на своихъ цѣпяхъ, солонка опрокинулась, и соль разсыпалась по столу...

— Ой-ой! ой-ой! — крикнулъ Алкивиадъ. — Тралалъ! Ха, ха, ха! Столъ качается, диванъ шатается: пьянъ ли я или это комната опьянѣла?

Всѣ были въ ужасѣ, но Сократъ водворилъ спокойствіе:

— Близокъ Богъ! Тихе! Почва колеблется, и я слышу... Что это, громъ? Нѣтъ! Это землетрясеніе!

Всѣ вскочили, но Сократъ продолжалъ:

— Успокойтесь! Это уже прошло!

А когда всѣ заняли опять мѣста:

— Мнѣ было пять лѣтъ, когда въ Спартѣ было землетрясеніе, двадцать тысячъ людей погибло, и уцѣлѣло всего шесть домовъ. Тогда была Спарта! Теперь Аѣины. Да, друзья, какой-то голосъ говорить мнѣ: раньше времени погибнемъ мы, какъ подстрѣленные птицы!

Опять залаяла собака, и закричалъ сторожъ у дверей. Вошелъ незваный гость; онъ казался взволнованнымъ.

— Никія, — привѣтствовалъ Алкивиадъ. — Теперь я буду трезвъ; разсудительный Никія пришелъ къ ужину: что случилось?

— Позвольте незваному гостю...

— Говори, Никія!

— Перикль, — началъ колеблясь вновь пришедшій, — твой и нашъ другъ, слава Аѣинъ и Эллады, Фидій обвиняется...

— Стой, тише!

— Обвиняется — о стыдъ и позоръ — не могу сказать этого безъ слезъ...

— Говори!

— Фидій обвиняется въ томъ, что утаилъ золото со статуи Аоины.

Наступившее молчаніе было прервано Перикломъ:

— Фидій закрылъ лицо плащомъ, потому что ему стыдно за Аоины. Именемъ боговъ и преисподней поклянемся въ невинности Фидія!

— Клянемся! — крикнули всѣ, какъ одинъ человекъ.

— Я клянусь тоже! — сказалъ Никія.

— Позоръ Аоинамъ, если надо клясться, что Фидій не укралъ.

Никія подошелъ къ Периклу и, наклонившись къ Аспази, шепнулъ:

Периклъ, твой сынъ Паралъ боленъ.

— Чумой? Иди за мной, Аспазія.

— Это не мой сынъ, но это твой, поэтому я иду за тобой.

— Домъ рушится, друзья расстаются, все прекрасное уходитъ, безобразное остается.

— И боги спятъ!

— Или они переселились!

— Или умерли! Дайте намъ новыхъ!

Подземный толчокъ потушилъ лампы; всѣ поспѣшили на улицу, кромѣ Сократа и Алкивиада.

— Фидій обвиненъ въ кражѣ. Пусть рушится міръ! —

сказалъ Сократъ и погрузился, какъ всегда, въ глубокую задумчивость, похожую на сонъ.

Алквиадъ взялъ большую двойную чашу и сталъ импровизировать:

«Пусть рушится все отъ Пинда до Кавказа.

«Тогда свободнымъ станетъ Прометей и снова дастъ огонь озябшимъ людямъ.

«Зевсъ спустится съ высоты, Паллада страстнымъ юношамъ себя отдастъ.

«Сломаетъ лиру Аполлонъ и за починку примется сапогъ.

«Арей, коня боевого пустивъ, начнетъ пасти стада.

«А на развалинахъ земныхъ святинь Алквиадъ въ сознаніи всеильнаго «я» стоитъ и смѣется!»

* *
* *

Въ Афинахъ разразилась чума, а къ ней присоединилось землетрясеніе.

Когда Периклъ пришелъ въ свой домъ въ сопровожденіи Аспазіи, сынъ оставленной имъ жены былъ мертвъ.

По господствующему обычаю и чтобы показать, что онъ не былъ убитъ, трупъ покойнаго былъ выставленъ въ воротахъ. Маленькій гробъ изъ кедроваго дерева, окрашенный красной и черной краской, стоялъ на носилкахъ, показы-

вая покойника въ бѣломъ саванѣ. На головѣ мальчика былъ вѣнокъ, сплетенный изъ травы смерти, пахучаго аніума или селлерей; во рту былъ оболъ, деньги за провозъ Харону.

Периклъ тихо произнесъ молитву, не выказывая глубокой печали, онъ много пережилъ и научился страдать:

— Боги отняли у меня двухъ сыновей. Довольно ли этихъ искупительныхъ жертвъ?

— Что тебѣ искупать? — спросила Аспазія.

— Одинъ страдаетъ за другого. Единственный за государство. Периклъ пострадалъ за Аѳины.

— Прости, что слезы мои сохнутъ быстрѣ твоихъ. Мысль, что *нашъ* сынъ живетъ, утѣшаетъ меня.

— Меня тоже, но немного.

— Итти мнѣ, пока не пришла твоя жена?

— Ты не должна меня покидать, я боленъ.

— Ты уже давно это говоришь; это серьезно?

— Душа моя больна. Когда страдаетъ государство, я боленъ... Вотъ мать покойнаго!

Въ дверяхъ показалась женщина въ черномъ; на ней было покрывало, скрывавшее обрѣзанные волосы; въ рукахъ ея былъ вѣнокъ, за ней слѣдовалъ невольникъ съ факеломъ.

Она не сразу замѣтила присутствіе Аспазіи, глазами привѣтствовала мужа и положила вѣнокъ въ ноги покойника:

— Я принесла только вѣнокъ своему сыну. Но вмѣсто оболы пусть онъ отдастъ поцѣлуй своей матери.

Она бросилась къ нему и поцѣловала покойника.

— Берегись мертваго!—сказалъ Периклъ, схватилъ ее за руку, — онъ умеръ отъ чумы.

— Жизнь моя была медленной смертью; я предпочту скорую смерть.

Теперь она замѣтила Аспазію и поднимаясь сказала спокойно и съ достоинствомъ:

— Скажи своей подругѣ, чтобы она ушла.

— Она уходитъ, и я иду за ней.

— Правильно! Потому что теперь, Периклъ, нѣтъ послѣдней связи, еще соединявшей насъ! Прощай!

— Прощай, жена моя!

И, обратившись къ Аспазіи, онъ сказалъ:

— Дай руку мнѣ, супруга!

— Вотъ рука моя!

Печальная мать продолжала:

— Опять мы встрѣтимся, я вѣрю! Но какъ друзья, и ты, и она, и тотъ, кто ушелъ впередъ приготовить мѣсто для сердца, разлученныхъ законами жизни.

* * *

Периклъ и Сократъ ходили разговаривая по аллеѣ платановъ, окружавшей Гемидикліонъ.

— Фидій оправданъ въ кражѣ, но арестованъ, какъ хулиатель боговъ государства.

— Арестованъ? Фидій!

— Утверждаютъ, что на щитѣ Аѳины онъ изобразилъ меня и себя самого.

— Этотъ народъ ненавидитъ все великое.

Анаксагоръ въ ссылкѣ за то, что слишкомъ мудръ; Аристидъ въ ссылкѣ за то, что слишкомъ справедливъ; Оемистоклъ, Павзаній... Что сдѣлалъ ты, Периклъ, отдавъ народу власть?

— То, что было законно и справедливо! Я поразилъ себя своимъ мечомъ, но умираю съ честью. Я хожу и умираю, мало-по-малу, какъ Аѳины. Знали ли мы, что украшаемъ нашу статую для похороннаго шествія? Что это былъ нашъ саванъ? Знали ли мы, что наши трагедіи — это похоронныя пѣсни?

— Да, Аѳины умираютъ. Но почему?

— Причиной Спарта.

— Что такое Спарта?

— Это Геркулесъ, палица, львиная шкура, грубая сила. Мы, аѳиняне, сыны Тезея, противъ гераклидовъ, дорійцевъ и іонянъ! Аѳина погибаетъ отъ Спарты, а Эллада отъ самоубійства.

— Я думаю, боги насъ покинули.

— Я тоже такъ думаю, но божественное живетъ.

— Вотъ Никія, вѣстникъ несчастья!

Никія дѣйствительно подошелъ и, видя вопросъ на лицахъ обоихъ, отвѣтилъ, не дожидаясь вопроса:

— Изъ Агоры!

— Что новаго въ Агорѣ?

— Народное собраніе ищетъ помощи у македонянъ.

— Почему не у персовъ? Хорошо, значитъ близокъ ко-

нецъ. Они ищутъ помощи у враговъ? У варвара, македонца, который лежитъ надъ нами, какъ левъ на горѣ. Иди, Никія, и скажи, что Периклъ умираетъ. И попроси ихъ выбрать послѣ него преемникомъ достойнѣйшаго! Не самаго недостойнаго! Иди, Никія, иди же скорѣе!

— Я иду за врачомъ, — сказалъ Никія.

Онъ ушелъ.

— Врачъ не можетъ меня вылѣчить! — отвѣтилъ Периклъ глухимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто въ Гемицикліонѣ.

Отдохнувъ немного, онъ подалъ Сократу знакъ подойти ближе, потому что не хотѣлъ возвышать голоса.

— Сократъ, мой другъ, — началъ онъ: — это прощанье умирающаго. Ты былъ мудрѣйшимъ, но, не обижайся, не будь *слишкомъ* мудрымъ, не ищи недостижимаго, не смущай умы колкостями, не удваивай простоты. Ты хочешь видѣть вещи обоими глазами; но кто стрѣляетъ изъ лука, долженъ закрыть одинъ глазъ, чтобы не видѣть двойной цѣли. Ты не софистъ, но легко можешь имъ казаться; ты не развратникъ, но можешь погибнуть съ развратниками; ты справедливо ненавидишь городъ и свою страну, но ты долженъ ихъ любить до гроба, потому что это твой долгъ; ты презираешь народъ, но ты долженъ его обвинять. Я не восхищался толпой, но я далъ ей законъ и право и поэтому умираю!

Покойной ночи, Сократъ! Въ моихъ глазахъ сейчасъ темнѣетъ. Ты ихъ закроешь и возложишь на меня вѣнокъ. Я засыпаю. Когда я проснусь, *если* я проснусь, я буду по ту сторону и пошлю тебѣ привѣтъ, если боги это позволятъ. Покойной ночи!

— Перикль умеръ. Слушайте, афиняне, и плачьте, какъ и я!

Народъ хлынулъ, но онъ не плакалъ. Онъ только ждалъ, что произойдетъ дальше, почти радуясь новому.

* *
*

Клеонъ, скорнякъ, стоялъ на каедрѣ въ Пниксѣ. Среди самыхъ внимательныхъ слушателей сидѣли Алкивиадъ, Анить и Никія.

Клеонъ говорилъ:

— Перикль умеръ, Перикль похороненъ; теперь вы это знаете! Пусть онъ мирно покоится со своими заслугами и грѣхами; непріятель стоитъ въ Сфактеріи, и намъ необходимъ вождь; тѣнь Перикла тутъ не поможетъ. Здѣсь сидятъ два спекулянта, оба знатныхъ господина; одинъ называется Никіей, потому что онъ никогда не побѣждалъ; другой Алкивиадъ, мы знаемъ его побѣды: вино и дѣвушки. Мы не знаемъ его характера, но мы его когда-нибудь узнаемъ, афиняне, онъ самъ покажетъ намъ свои зубы. Здѣсь предложены въ полководцы этотъ, тотъ и этотъ; довольно странно, что это все богатые люди и конечно знатные господа. Афиняне, отрекшіеся отъ царей и имъ подобныхъ, должны бороться съ царской Спартой и вѣрные традиціямъ должны выступить подъ предводитель-

ствомъ народнаго вождя, на котораго могли бы положиться. Намъ не нуженъ Периклъ, который заказываетъ статуи и строить храмы ради славы и чести: довольно афинянамъ этой дребедени! Теперь намъ нуженъ человѣкъ, понимающій военное дѣло, съ сердцемъ въ груди, съ головой на плечахъ. Кого хотите вы, афинскіе мужи?

Алкивиадъ вскочилъ, какъ молодой левъ, и началъ безъ всякихъ обиняковъ:

— Мужи афинскіе, я предлагаю скорняка Клеона не потому, что онъ скорнякъ, это совсѣмъ другое. Конечно, войско можно сравнить съ бычачьей шкурой, а Клеона съ ножемъ; но у Клеона есть другія качества, именно качества полководца. Его послѣдній походъ противъ Перикла и Фидія окончился триумфомъ для Клеона. Онъ выказалъ мужество, въ которомъ ему никто не откажетъ, и умъ превыше всякаго человѣческаго ума. Его стратегію нельзя, конечно, назвать львиной, но онъ побѣдилъ, а это главное, Я предлагаю Клеона предводителемъ похода.

Но грубая иронія оказалось въ данномъ случаѣ слишкомъ тонкой, и народъ принялъ ее серьезно. Алкивиадъ пользовался, благодаря своему родству съ Перикломъ, извѣстнымъ уваженіемъ, и его слушали охотно. Поэтому все народное собраніе выкрикнуло имя Клеона, и онъ былъ избранъ.

Но Клеонъ никогда и не мечталъ о чести быть вождемъ и былъ слишкомъ уменъ, чтобы стремиться сейчасъ къ чему-нибудь выше. Поэтому онъ протестовалъ противъ выбора, кричалъ и клялся всѣми богами.

Алкивиадъ сейчасъ же воспользовался случаемъ говорить и, предвидя, что этотъ выборъ равносильенъ смерти

Клеона, онъ занялъ свободную каѳедру и сталъ говорить подчеркивая:

— Клеонъ шутить, Клеонъ робокъ; онъ самъ не знаетъ, какой онъ полководецъ, потому что онъ не испыталъ себя; но я знаю, кто онъ; я настаиваю на его выборѣ; я требую, чтобы онъ исполнилъ свой долгъ гражданина; и я призову его къ ареопагу, если онъ будетъ отказываться, когда отечество въ опасности.

— Клеонъ избранъ — крикнулъ народъ.

Но Клеонъ все еще протестовалъ:

— Я не знаю разницы между тяжело и легко вооруженнымъ; я не умѣю управлять копьемъ и сидѣть на лошади...

Но Алкивиадъ заглушилъ его:

— Онъ все умѣетъ: управлять государствомъ, судить объ искусствѣхъ, вести процессы, шпионить за софистами; онъ можетъ пояснять вмѣстѣ съ Сократомъ все высокое; однимъ словомъ обладаетъ всѣми видимыми добродѣтелями и всѣми тайными пороками.

Народъ хохоталъ, но положеніе Клеона было твердо.

— Афиняне, — закончилъ собраніе Алкивиадъ, — народъ рѣшилъ, отговорокъ быть не можетъ. Клеонъ избранъ! Спарта погибла!

Собраніе разошлось. Остался одинъ Клеонъ со своимъ другомъ Анитомъ.

— Анить, — сказалъ онъ, — я погибъ.

— По всей вѣроятности! — отвѣтилъ Анить.

Алкивиадъ уходилъ съ Никіей.

— Теперь Клеонъ мертвъ какъ собака. А потомъ буду я! — сказалъ Алкивиадъ.

Сократъ ходилъ задумавшись взадъ и впередъ по своему двору, который былъ очень простъ и не имѣлъ колоннады. Его жена чесала шерсть, и казалось, что она кого-то терзаетъ.

Мудрецъ молчалъ, но жена говорила; такова была ея натура.

— Что ты дѣлаешь? — сказала она.

— Я отвѣчу тебѣ по старому знакомству, хотя я не обязанъ тебѣ отвѣчать: я думаю!

— Развѣ это занятіе для мужчины?

— Разумѣется въ высокой степени мужское занятіе.

— По крайней мѣрѣ не видно того, что ты дѣлаешь.

— Когда ты носила въ себѣ ребенка, его тоже не было видно. Значитъ занятія, которыя сначала незамѣтны, могутъ потомъ стать видимыми, слѣдовательно ихъ нечего презирать, и меньше всего тѣмъ, кто вѣритъ только въ видимое.

— Развѣ это то, чѣмъ вы занимаетесь у Аспазіи?

— То самое и еще многое другое.

— Вы также сильно пьете?

— Кто говоритъ, у того пересыхаетъ въ горлѣ, а кто жаждетъ, тотъ долженъ пить.

— Что привлекаетъ къ Аспезіи мужчинъ?

— Извѣстныя качества, которыя образуютъ прелесть совмѣстной жизни: вниманіе, вкусъ, сдержанность.

— Это относится ко мнѣ?

- Это относится къ Аспазіи.
- Она красива?
- Нѣтъ.
- Анитъ это утверждаетъ.
- Онъ говоритъ неправду. Ты выдаешься съ Анитомъ другомъ Клеона, моимъ врагомъ?
- Онъ мнѣ не врагъ.
- Но мнѣ! Ты всегда любишь моихъ враговъ и ненавидишь моихъ друзей; это плохой знакъ.
- Твои друзья скверные люди.
- Нѣтъ, напротивъ. Перикль былъ самый великій, Фидій самый лучший, Эврипидъ самый благородный, Платонъ самый умный, Алкивиадъ самый даровитый, Протагоръ самый остроумный.
- А Аристофанъ?
- Это мой врагъ, хотя я не знаю, почему. Я думаю, ты слышала про комедію, которую онъ написалъ на меня.
- Анитъ мнѣ ее рассказалъ. Ты ее видѣла?
- Я видѣлъ вчера «Облака».
- Весело это, остроумно?
- Что думаетъ Анитъ?
- Онъ разсмѣшилъ меня, рассказывая нѣкоторыя сцены...
- Значитъ весело, а то бы ты не смѣялась.
- А ты развѣ не смѣялся, Сократъ?
- Конечно, иначе меня приняли бы за дурака. Ты знаешь, онъ выставилъ меня тамъ негодяемъ и дуракомъ. А такъ какъ я ни то, ни другое, то значитъ это не серьезно, это была шутка.
- Ты думаешь? А я думаю, это было серьезно.

— И ты смѣешься, когда это серьезно? Развѣ ты плачешь отъ шутки? Это было бы сумасшествіемъ.

— Ты думаешь, я полоумная?

— Да, если ты думаешь, что я негодай.

— Ты знаешь — Клеонъ въ походѣ.

— Я слышалъ это къ своему удивленію.

— Къ удивленію? Ты, значить, думаешь, что онъ негодень, какъ полководецъ?

— Нѣтъ, я ничего не думаю объ этомъ, потому что я никогда не видѣлъ его на полѣ битвы. Я только удивился его избранію, какъ и онъ самъ, потому что оно было совершенно неожиданно.

— Ты ждешь, значить, его паденія?

— Нѣтъ, я жду исхода, чтобы посмотрѣть, выиграетъ ли онъ или проиграетъ.

— Ты былъ бы радъ, если бы онъ проигралъ?

— Я не люблю Клеона, но какъ природный афинянинъ я оплакивалъ бы его паденіе, значить я не радовался бы гибели Клеона.

— Ты ненавидишь Клеона, но не хочешь его гибели?

— Ради Афинъ—нѣтъ.

— А вообще?

— Вообще гибель Клеона была бы благословеніемъ для государства, потому что онъ былъ несправедливъ къ Периклу, къ Фидію, ко всѣмъ, кто дѣлалъ что-либо великое.

— Идетъ гость.

— Это Алкивиадъ!

— Жалкій! Какъ тебѣ не стыдно быть съ нимъ знакомымъ!

— Это человекъ большихъ недостатковъ и большихъ достоинствъ и онъ мнѣ другъ. Съ врагами я неохотно поддерживаю знакомство.

Алкивиадъ дѣйствительно постучался въ дверь и вошелъ:

— Папайа! Супруги философствуютъ вмѣстѣ; говорятъ о вчерашней комедіи. Осель этотъ Аристофанъ! Когда хотятъ убить врага, надо попасть въ него, а Аристофанъ бѣгетъ по облакамъ. Попасть, да! Вы знаете, что Клеонъ разбить?

— Какое горе! — воскликнулъ Сократъ.

— Развѣ это горе, что собаку разоблачили?

— Мнѣ кажется, Алкивиадъ плохо освѣдомленъ, — вмѣшалась Ксантиппа.

— Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, но я бы хотѣлъ, чтобы это такъ было.

— Тише! Идетъ Анитъ! — предупредилъ Сократъ.

— Скорнякъ номеръ второй. Странно, что судьбу Аонинъ рѣшаютъ скорняки.

— Судьба Аонинъ, кому она извѣстна?

— Я, Алкивиадъ, — судьба Аонинъ!

— Остерегайся боговъ!

— Послѣ Клеона буду я; Клеона больше нѣтъ, значить теперь я!

— Здѣсь Анитъ!

Вошелъ Анитъ:

— Я ищу Алкивиада!

— Я здѣсь!

— Я долженъ тебя приготовить...

— Нѣтъ, я знаю...

— Приготовить къ чести...

— Я ждалъ ее довольно.

— Итти во главѣ..

— Я рожденъ для этого...

— Взять предводительство...

— Это мое мѣсто...

— И вести триумфальное шествіе...

— Какое триумфальное шествіе?

— Вотъ какъ! Ты еще не зналъ... Триумфальное шествіе Клеона отъ гавани...

Алкивиадъ провелъ рукой по лицу, точно желая переменить маску, что онъ и сдѣлалъ въ одну минуту.

— Да, конечно, конечно, конечно. Я вѣдь пришелъ сюда, чтобы объявить о его побѣдѣ.

— Онъ лжетъ, — сказала Ксантиппа.

— Я пошутилъ съ супругами! Итакъ, триумфъ послѣ побѣды Клеона. Какое счастье!

— Сократъ, — выпытывалъ Анитъ, — ты не радъ?

— Я радуюсь, что врагъ разбитъ.

— Но не тому, что побѣдилъ Клеонъ?

— Это почти то же самое.

Ксантиппа воспользовалась случаемъ и вставила:

— Онъ не радуется, онъ не вѣрилъ въ Клеона.

— Я знаю васъ, — закончилъ Анитъ разговоръ, — я знаю васъ, философы и краснобаи. Но берегитесь!

— Иди, Алкивиадъ, встрѣчай презрѣннаго Клеона, который спасъ отечество!

Алкивиадъ пожалъ Сократу руки и шепнулъ ему на ухо:

— Что за проклятое счастье! — Итакъ, еще не теперь, но въ слѣдующій разъ!

* *
* *
* *

Картафилъ, сапожникъ, сидѣлъ въ своей лавкѣ у Ахарнанскихъ воротъ и чинилъ котурны для театра Діониса, который хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку поднять опять трагедію, на нѣкоторое время отодвинутую назадъ фарсами Аристофана. Римлянинъ Люциллій шатался около окна; и такъ какъ философія вошла со времени Сократа и софистовъ въ моду, сапожникъ и бѣглый децемвиръ философствовали, какъ могли.

— Ты, римлянинъ,—сказалъ Картафилъ,—такой же чужестранецъ здѣсь, какъ я. Что ты думаешь о государствѣ и правленіи?

— Оно до волоска похоже на римское. Всю исторію Рима можно разсказать двумя словами: патриціи и плебен!

— Совсѣмъ какъ здѣсь!

— Съ той разницей, что у Рима есть будущее, а у Эллады только прошлое.

— Что можно знать о будущемъ Рима?

— Сибилла предсказала, что Римъ будетъ владѣть землею.

— Что ты говоришь, Римъ? Нѣтъ, это сдѣлаетъ Израиль, Израилю былъ данъ обѣтъ.

— Этого я не рѣшусь отрицать, но Риму это тоже общано.

— Можетъ быть только одинъ обѣтъ и одинъ Богъ!

— Можетъ быть это тотъ же и обѣтъ и тотъ же самый Богъ! Можетъ быть Израиль побѣдитъ черезъ Римъ.

— Израиль побѣдитъ черезъ обѣтованнаго Мессію.

— А когда придетъ твой Мессія?

— Когда настанетъ срокъ, когда умретъ Зевсъ.

— Если бы мы могли этого дождаться! Я жду, потому что Зевсъ перешелъ въ Римъ и называется тамъ Юпитеромъ Капитолійскимъ.

Аристофанъ, котораго можно было узнать по его журавлиной шеѣ и открытому рту, подошелъ къ окну.

— Есть у тебя пара низкихъ башмаковъ, Картафилъ? Пара носковъ; котурнъ у тебя, какъ вижу, довольно, но побѣдилъ носокъ.

— Къ твоимъ услугамъ, господинъ...

— Они нужны для театра, понимаешь?.. Нѣтъ, посмотри-ка, Люцилліи!.. И еще изъ невыдѣланной, недубленой кожи.

— А что ставятъ въ театрѣ?

— Да, теперь очередь Клеона, онъ долженъ плясать, и подумайте, если никто не осмѣлится играть скорняка-собаку, я долженъ это дѣлать самъ.

— Я буду играть Клеона!

— А гдѣ теперь великій полководецъ?

— Въ новомъ походѣ противъ Бразида. Когда полководецъ Демосоевъ выигралъ битву у Сфактерин, Клеонъ отнялъ у него честь побѣды и получилъ триумфъ! Считаю

себя теперь могучимъ полководцемъ, онъ выступилъ въ походъ противъ Бразида. Куда ковшу по воду ходить...

— Тамъ ему и голову сломить!—раздался чей-то голосъ вблизи.

Это былъ Алкивиадъ:

— Папайа! Клеонъ разбитъ! Клеонъ бѣжалъ! Теперь буду я! Въ Пниксъ!

Съ этими словами онъ убѣждалъ.

— Значить въ Пниксъ, и у меня будетъ новая комедія «Алкивиадъ».

— Ты можеть быть и правъ,—отвѣтилъ Люциллий.— Все это не стоитъ того, чтобы плакать, поэтому будемъ смѣяться!

* * *

Алкивиадъ стоялъ опять на каедрѣ въ Пниксѣ. Онъ былъ здѣсь какъ дома, и народъ его всегда охотно слушалъ, потому что онъ не былъ скученъ. Балуемый всѣми, онъ освѣждалъ всѣхъ своей необычайной дерзостью.

У каедры среди другихъ былъ умный, богатый и знатный Никія, который всегда старался быть посредникомъ между Аѣинами и Спартой, но больше вредилъ своей осторожностью, чѣмъ помогалъ.

Алкивиадъ, знавшій Никію и его политику, боявшійся его оппозиціи, рѣшилъ выкинуть штуку. Онъ не хотѣлъ

говорить объ Аоинахъ и Спартѣ, какъ этого ждалъ Никія, онъ хотѣлъ говорить совсѣмъ о другомъ. Народъ любилъ все новое, и сегодня онъ долженъ получить что-то совсѣмъ новое.

— Аоиняне!—началь онъ.—Клеонъ разбитъ, убитъ, и я предлагаю свой неоспоримый талантъ въ распоряженіе государства. Вы знаете мои маленькіе недостатки, теперь вы можете узнать мои большія достоинства. Слушайте, аоиняне! Когда-то Эллада владѣла Малой Азіей и простирала свои крылья къ востоку. Персидскій царь отнялъ у насъ эти колоніи, одну за другой, и стоитъ теперь во Фракіи. Такъ какъ намъ больше нельзя итти къ востоку, намъ надо итти къ западу, гдѣ заходитъ солнце. До васъ доходили темные слухи о римскомъ государствѣ, которое все растетъ и растетъ. Наши соотечественники давно взяли часть итальянскаго полуострова Тарента, и мы стали такимъ образомъ близкими сосѣдями римлянъ. Прекраснѣйшій изъ острововъ, богатая Сицилія, тоже сталъ нашимъ. Но постепенно римляне застроили наши колоніи и угрожаютъ ихъ самостоятельности. Римляне тѣснятъ насъ, но они тѣснятся также въ Галлію и Германію и на югъ въ Африку. Персидскій царь, который раньше былъ нашимъ врагомъ, сталъ почти другомъ, и опасность можно теперь назвать не персидской, а римской! Поэтому, думая о будущемъ, я говорю вамъ, аоиняне: пустите насъ въ Италію, пустите насъ въ Сицилію! Изъ Сициліи мы можемъ бороться съ римлянами за обладаніе Испаніей и Перкулесовыми столбами. Съ Сициліей мы получимъ ключъ къ Египту; съ Сициліей мы защитимъ Тарентъ; съ Сициліей можемъ въ случаѣ нужды покинуть погибающій корабль Эллады! Миръ

великъ, зачѣмъ намъ сидѣть здѣсь въ глуши и плѣсневать? Эллада — истощенная страна, пустите насъ искать новую почву. Эллада — устарѣвшее судно, дайте намъ построить новое и предпринять походъ аргонавтовъ въ новую Колхиду за новымъ золотымъ руномъ, на западъ, куда уходитъ солнце! Афиняне, пустите насъ въ Сицилію!

Эти новые горизонты, открытые ораторомъ, понравились народу, которому надоѣло вѣчно слушать про Спарту и персидскаго царя; разгоряченный отъ страха передъ возвышающимся Римомъ, воспитаннымъ волчицей, онъ принялъ легкомысленное предложеніе крикомъ одобренія и поднятіемъ рукъ.

Никія просилъ слова и предупреждалъ, но никто его не слушалъ. Скиоская полиція, слѣдившая за порядкомъ въ Пниксѣ, не могла ему создать слушателей. Когда Никія понялъ, что онъ не могъ остановить предпріятія, онъ выразилъ Алкивіадѣ желаніе служить и сталъ снаряжать флотъ.

* * *

Аспазія овдовѣла и долгое время оплакивала Перикла. Полукружія больше не было, но немногіе оставшіеся друзья посѣщали ее иногда. Сократъ былъ изъ нихъ самый вѣрный. Однажды вечеромъ онъ сидѣлъ въ ея маленькой виллѣ съ черепичной крышей на берегу Кефиса.

— Нѣтъ, Аспазія,—говорилъ Сократъ,—я отговаривалъ отъ похода въ Сицилію, также Никія и астрономъ Метонъ, но походъ долженъ былъ состояться. Алкивіадъ получилъ благопріятный отвѣтъ отъ оракула.

— Ты вѣришь оракулу, Сократъ?

— И да и нѣтъ! У меня есть свой демонъ, какъ ты знаешь, который предупреждаетъ, но не увѣщеваетъ, совѣтуетъ, но не приказываетъ. Этотъ внутренній голось сказалъ мнѣ:

— Эллада не будетъ владѣть міромъ!

— Это сдѣлаетъ Римъ?

— Да, но для другого!

— Ты знаешь, мечтой Перикла была единая Эллада, единеніе всѣхъ государствъ...

— Это было желаніе Перикла, но воля боговъ иная. Греза Алкивіада о всемірномъ владычествѣ Эллады тоже великая греза, но грезы боговъ еще величественнѣе.

— Что дастъ Афинамъ смерть Клеона, какъ ты думаешь?

— Ничего! Послѣ Клеона будетъ Анитъ. Клеонъ вѣченъ, это названіе понятія!

Протагоръ, ослабѣвшій и постарѣвшій, показался во внутреннемъ дворѣ.

— Вотъ Протагоръ!

— Софистъ! Не люблю его, — сказала Аспазія, — это пила, которая перепиливаетъ всякое желаніе; головоломныя его размышленія отнимаютъ у человѣка рѣшимость.

— Ты говоришь правильно и разумно, Аспазія, въ прежнее время ты сидѣла бы на треножникѣ, предсказывая какъ Пифія. Можетъ быть, ты какъ жрица не знаешь того, что говоришь, но Богъ говоритъ твоими устами.

— Нѣтъ, Сократъ, я говорю только то, что ты думаешь!
Подошелъ Протагоръ:

— Горе Аоинамъ! Горе Элладѣ! Горе!— Такъ привѣтствовалъ онъ.

— Что случилось, Протагоръ?

— Незабвенный Фидій лежитъ мертвый въ тюрьмѣ.

— Горе, значить его убили.

— Такъ говорятъ въ городѣ.

— Фидій умеръ!

— По всей вѣроятности отъ яда; но этого нельзя говорить.

— Всѣ здѣсь въ Аоинахъ умираютъ преждевременно!
Когда будетъ нашъ чередъ?

— Если онъ только будетъ!

— Сraziaтъ ли насъ стрѣлы Пифона? Насъ перебьютъ какъ зябликовъ!

— Мы дѣти Аполлона: можетъ ли отецъ убить своихъ дѣтей?

— Сатурнъ вернулся, чтобы пожрать ихъ.

Сократъ стоялъ задумавшись:

— Мы прогнѣвали боговъ!

Вошелъ Люциллій, римлянинъ.

— Взгляните на римлянина!—сказалъ Сократъ, — на владыку будущаго и всего міра. Что хочетъ онъ намъ сообщить?

— Я пришелъ предупредить Протагора. Его хотятъ сослать.

— Меня?

— Тебя сослали.

— На какомъ основаніи?

— Какъ хулителя! Ты поносилъ боговъ государства!

— Кто доносчикъ?

— Сикофантъ, невидимый, который присутствуетъ вездѣ...

— Все только кажущееся, нѣтъ ничего вѣрнаго,—сказалъ Протагоръ.

— Но это вѣрно.

— Ну, тогда отъ этой достовѣрности рухнетъ все зданіе моихъ мыслей, какъ рухнетъ все остальное!

— Все уходитъ, уходитъ отсюда; ничто не остается, все возникаетъ, растетъ и умираетъ.

— Прощайте, Аспазія, Сократъ, друзья, отечество! Прощайте!

Протагоръ ушелъ, накрывъ голову плащомъ.

— Аѳины лишатся Протагора?—спросила Аспазія.

— Онъ научилъ аѳинянь думать и сомнѣваться, а сомнѣніе — начало мудрости.

— Аристофанъ поразилъ Протагора, онъ поразитъ и тебя, Сократъ.

— Онъ уже сдѣлалъ это, жена моя этому радовалась, но я живу.

— Вотъ юный Платонъ; онъ кажется обремененнымъ судьбой. Новая печальная вѣсти, предполагаю я.

— Предполагать! Я клянусь въ этомъ! Спои печальную пѣснь, Платонъ!

— Пѣсни, потому что ихъ много! Алкивіадъ обвиненъ и отозванъ назадъ!

— Что сдѣлалъ онъ?

— Передъ своимъ отъѣздомъ онъ опрокинулъ всѣ статуи Гермеса въ Аѳинахъ.

— Это слишком много для одного человека, онъ не могъ этого сдѣлать!

— Обвиненіе опредѣленно: боги государства!

— Теперь боги мстятъ за себя!

— Боги Эллады перешли въ Римъ.

— Ты сказалъ правду!

— Теперь номеръ второй: афиняне разбиты въ Сициліи; Алкивиадъ бѣжалъ въ Спарту! И третій номеръ: Никія обезглавленъ.

— Теперь мы можемъ купить себѣ мѣста въ Керамеикѣ!

На Агорѣ у храма Немезиды стоялъ скорнякъ Анить, болтая съ Тразибуломъ, сначала неизвѣстнымъ, теперь вынырнувшимъ патриотомъ.

Анить болталъ:

— Алкивиадъ въ Спартѣ; Спарта ищетъ помощи у персидскаго царя; остается только сдѣлать то же самое и намъ.

— Итти къ врагу? Это предательство.

— Другого выхода нѣтъ.

— Когда-то были Термопилы и Саламинская битва!

— А теперь Спарта, и спартанцы стоятъ у Декелей. Наши послы уже отплыли къ персидскому царю.

— Тогда мы можемъ снять статуи Афины съ Паронона.

— Анить! Смѣтри мнѣ въ спину; лица я не хочу показывать, мнѣ стыдно теперь, когда я хожу!

Анить остался одинъ и нѣкоторое время ходилъ взадъ и впередъ передъ портикомъ храма. Потомъ онъ остановился и вошелъ внутрь.

Жрица, по имени Феано, казалось, ждала его.

Анитъ заговорилъ первый:

— Ты исполнила приказаніе совѣта?

— Какое приказаніе?

— Ты должна была произнести проклятiе врагу отечества, Алкивіаду.

— Нѣтъ, мнѣ дано только благословлять.

— Развѣ богини мщенія перестали творить справедливость?

— Онѣ никогда не предназначались для мщенія смертнаго.

— Развѣ Алкивіадъ не предалъ свою родину?

— Родина Алкивіада—Эллада, не Аѣины; Спарта тоже въ Элладѣ.

— Развѣ и боги стали софистами?

— Боги стали нѣмы.

— Тогда запрѣ свой храмъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

4

* * *

Неисправимый Алкивіадъ бѣжалъ дѣйствительно изъ Сициліи къ врагу въ Спарту и теперь сидѣлъ съ царемъ Агисомъ за столомъ; Спарта сохранила за собой царскую власть, тогда какъ Аѣины отъ нея рано отказались.

— Мой другъ,—говорилъ царь,—я не хотѣлъ бы, чтобы

ты кушалъ за общимъ столомъ, когда ты привыкъ къ блестящимъ пирамъ у Аспазіи.

— Я? О нѣтъ! Простая пища была всегда моимъ правиломъ; ложиться съ солнцемъ спать и вставать съ восходомъ! Ты не знаешь, какъ я строгъ къ себѣ.

— Если ты это говоришь, я долженъ тебѣ вѣрить. Молва тебя оклеветала.

— Оклеветала? Да, конечно! Вспомни статуи Гермеса! Я ихъ не сбрасывалъ, а они меня погубили.

— Это тоже ложь?

— Да, это ложь.

— Скажи мнѣ другое: какъ ты думаешь, хотять ли теперь боги, чтобы Спарта побѣдила Аоины?

— Конечно! Это такъ же вѣрно, какъ то, что добродѣтель побѣдитъ порокъ. Въ Спартѣ — всѣ добродѣтели, въ Аоинахъ всѣ пороки.

— Говорятъ, аоиняне оставили женщинъ для мужчинъ. Это правда?

— Да, они низко пали. За это они должны быть стерты съ лица земли.

— Теперь я вижу, ты не тотъ, за кого я тебя принималъ; теперь я дамъ тебѣ войско. Двинемся противъ Аоинъ?

— Я готовъ!

— И не задумываясь о положеніи своей родины?

— Я эллинъ, не аоинянинъ! Спарта — главный городъ Эллады.

— Алкивиадъ великъ! Теперь иду къ стратегамъ, а вечеромъ мы выступаемъ.

— Иди, царь, Алкивиадъ пойдетъ съ тобой.

Царь вышелъ, но Алкивиадъ пошелъ за нимъ не сразу, потому что за занавѣсью гинекейона стояла ожидая царица. Когда царь ушелъ, она вбѣжала.

— Алкивиадъ, мой царь!

— Царица, зачѣмъ зовешь ты своего слугу царемъ?

— Потому что Спарта присягнула тебѣ, потому что я подарила тебѣ свою любовь, потому что ты приходишь изъ рода героевъ.

— Царь Агисъ Второй еще живъ.

— Недолго! Выиграй первую битву, и Агисъ умретъ!

— Теперь жизнь начинаетъ улыбаться бѣглому, потерпѣвшему человѣку. Если бы ты знала мое дѣтство съ его заботами, мою юность полную лишений! Виноградъ росъ не для меня, женщина была сотворена не для меня; Бахусъ не зналъ меня, Афродита не была моей богиней. Цѣломудренная Артемида и мудрая Паллада вели меня среди заблужденій юности, къ моей цѣли: знанію, мудрости и чести! Тимѳа, царица, когда я впервые раздѣлилъ твое ложе...

— Тише!

— Мнѣ показалось, что красота выше мудрости.

— Тише, насъ слушаютъ!

— Кто слушаетъ?

— Я, Лизандръ, стратегъ!—отвѣтилъ суровый голосъ. Лизандръ стоялъ среди комнаты.

— Теперь я знаю тебя, Алкивиадъ, твоя голова въ моей рукѣ, но въ другой честь Спарты. Бѣги, пока я тебя не пронзилъ.

— Ты слышалъ невѣрно, Лизандръ!

— Бѣги, окажи намъ милость, бѣги! Пятьдесятъ воиновъ стоятъ снаружи и ждутъ твоей головы.

— Сколько, говоришь ты? Пятьдесятъ? Тогда я бѣгу, больше тридцати я не одолѣю. Прощай, моя царица. Я былъ лучшаго мнѣнія о Спартѣ. Этого не могло бы случиться въ Афинахъ. Теперь я пойду къ персидскому царю; тамъ лучше понимаютъ, что прилично, и тамъ мнѣ не подадутъ черного супа!

И вотъ Алкивиадъ сидитъ у персидскаго намѣстника Тиссаферна и говоритъ:

— Да, мой учитель Протагоръ училъ меня когда-то, что все происходитъ изъ противоположнаго; поэтому, видишь ли, мое сердце можетъ вмѣстить всѣ противоположности. Спарта и Афины мнѣ одинаково дороги, т.-е. одинаково ненавистны, какъ боги государства одного такъ добродѣтели другого.

— У тебя обширное сердце, чужестранецъ, найдется ли въ немъ мѣсто для Персiи?

— Для всего міра!

— Что ты думаешь о нашей столицѣ?

— Я люблю всѣ столицы!

— Но въ данную минуту ты долженъ любить нашу больше всѣхъ.

— Я такъ и дѣлаю!

— Ты долженъ также любить нашихъ союзниковъ.

— А кто, прости, сейчасъ твои союзники?

— Сегодня—это Спарта.

— Хорошо, я люблю и Спарту.

— А если завтра это будутъ Афины?

— Тогда я завтра полюблю Афины.

— Спасибо! Теперь я понимаю, что пришелъ конецъ Эллады. Если эта древняя Греція такая гнилая, то это приобрътеніе не имѣеть цѣны.

— Протагоръ училъ, что человѣкъ мѣрило всего; поэтому я сужу о цѣнности вещей по себѣ самому, что для меня цѣнно, то я цѣню.

— Вотъ чему учать ваши пророки! Тогда наши лучше; знаешь ли ты Зароастра?

— Я бы хотѣлъ, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, знать его съ самага дѣтства.

— Тогда бы ты могъ отличить добро и зло, свѣтъ и тьму, Ормузда и Аримана. И ты бы жилъ въ надеждѣ, что свѣтъ побѣдитъ, что всѣхъ роднитъ страданье.

— Я могу попробовать, это большая книга?

— Какъ называются ваши священныя книги?

— Священныя? Что это-такое?

— Откуда вы заимствуете вашу религію, свѣдѣнія о богахъ?

— Изъ Гомера, кажется.

— Вы не вѣрите, что Зевсъ владыка міра?

— Конечно, я такъ вѣрю.

— Но вѣдь онъ клятвопреступникъ и педерастъ.

— Да! Что съ этимъ подѣлаешь.

Тиссафернъ поднялся:

— Послушай, другъ, мы не можемъ дѣйствовать вмѣстѣ, потому что служимъ разнымъ богамъ! Вы зовете насъ варварами. У меня нѣтъ слова достаточно постыднаго для тѣхъ, кто чтитъ такихъ боговъ. Аѳиняне такъ же нечестивы какъ ты, потому что они тебя зовутъ назадъ. На

дворѣ стоитъ посолъ изъ Аоины и просить, чтобы ты вернулся. Иди въ Аоины, тамъ тебѣ мѣсто!

— Въ Аоины? Никогда! Я имъ не довѣряю!

— А они тебѣ; это очевидно! Иди въ Аоины и скажи своимъ соотечественникамъ: персы ихъ не хотятъ! Виноградная лоза ищетъ свѣжаго вяза, она избѣгаетъ гнилого кочана капусты.

Алкивиадъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Это доказывало его нерѣшительность.

— На дворѣ стоитъ дѣйствительно аоинянинъ?—спросилъ онъ.

— Да, стоитъ на колѣняхъ, чтобы просить измѣнника Алкивиада быть главой Аоины. Но послушай, ты вѣдь народный мужъ?

— Да, конечно.

— Ты долженъ измѣнить положеніе, потому что теперь господствуютъ въ Аоинахъ знатные.

— Да, ахъ да, да, да, но я тоже знатный, знатнѣйшій въ городѣ.

— Волчокъ, ищи кнута!

Алкивиадъ стоялъ:

— Я думаю, мнѣ надо все-таки поговорить съ посломъ!

— Поговори! Говори съ нимъ по-аоински! Персидскій языкъ ему не понятенъ!

Алкивиадъ вернулся въ Аоины, смертный приговоръ былъ отмѣненъ; какъ полководецъ, одержавшій побѣду въ одномъ сраженіи, онъ могъ съ триумфомъ войти въ городъ изъ гавани Пирея.

Но расположеніе народа было непостоянно, и когда его заподозрили въ стремленіи къ царской власти, онъ бѣжалъ вторично, теперь къ персидскому сатрапу Фарнабазу.

Но онъ не могъ жить безъ интригъ, онъ запутался вскорѣ въ одной изъ нихъ, былъ разоблаченъ и приговоренъ къ смерти.

Алкивиадъ сидѣлъ у своей подруги и болталъ спокойно и безопасно:

— Итакъ, ты думаешь, Тимандра, что Киръ идетъ противъ своего брата Артаксеркса, чтобы завладѣть престоломъ Персіи?

— Я въ этомъ увѣрена такъ же твердо, какъ въ томъ, что съ нимъ десять тысячъ аѳинянъ съ Ксенофонтомъ во главѣ.

— Ты не знаешь, предупрежденъ ли Артаксерксъ?

— Я знаю это!

— Кто могъ его предупредить?

— Это сдѣлано тобой.

— Знаетъ ли это Киръ?

— Да, онъ это знаетъ.

— Кто меня выдалъ?

— Я!

— Тогда я погибъ.

— Да, ты погибъ.

— Я долженъ погибнуть изъ-за женщины!

— Развѣ могъ ты ждать другого, Алкивиадъ?

— Собственно говоря, нѣтъ! Бѣжать нельзя?

— Тебѣ нельзя, мнѣ можно.

— Я вижу дымъ, въ домѣ пожаръ?

— Да, пожаръ! А на дворѣ стрѣлки изъ лука!

— Комедія кончена! Мы возвращаемся къ трагедіи...

— И начинается сатира.

— Ногамъ жарко, а вообще смерть приноситъ холодъ.

— Все порождается изъ противоположнаго, Алкивиадъ.

— Дай поцѣлуй!

Она поцѣловала его, прекраснѣйшаго мужа аоннскаго.

— Спасибо!

— Пойди къ окну, тамъ ты увидишь!

Алкивиадъ подошелъ къ окну.

— Теперь я ничего не вижу! Я думалъ, будетъ свѣтъ, но стало такъ темно!

Тимандра убѣждала, когда огонь охватилъ уже весь трупъ.

* * *

Спарта побѣдила Аоины, и Аоины лежали въ развалинахъ. Власть народа кончилась, было избрано тридцать тирановъ.

Сократъ и Эврипидъ ходили печальные среди развалинъ на Агорѣ. Сократъ говорилъ:

— На развалинахъ аоннскихъ стѣнъ! Мы стали спартанцами; не хотѣли ни одного тирана и получили тридцать.

— Я ѣду на сѣверъ, — сказалъ Эврипидъ, — въ Македонію, куда меня приглашаютъ.

— Ты хорошо дѣлаешь, тираны запретили твои трагедіи.

— Это правда.

— А мнѣ они запретили учить.

— Они запретили Сократу говорить? Нѣтъ! Значить онъ можетъ учить, потому что онъ не можетъ говорить и не учить. Они, должно быть, запретили говорить оракуламъ, потому что тѣ перестали предсказывать. Все кончилось. Конецъ Эллады! А почему?

— Да, спроси-ка! Можетъ быть Зевсъ породилъ сына, который долженъ его свергнуть, по предсказанію Эсхила?

— Почему знать, народъ ввелъ новаго бога, назвавъ его Адонаемъ или Адонисомъ. Онъ родомъ съ востока, а имя его значитъ владыка. Кто новый богъ?

— Пусть скажетъ тотъ, кто знаетъ! Онъ учить желанію смерти и воскресенію изъ мертвыхъ. Но у нихъ есть также богиня. Ты слышалъ о Кибелѣ; матери боговъ, дѣвѣ, которая почитается въ Римѣ какъ Веста жрицами-весталками?

— Все это такъ ново и неясно, какъ вино, которое бродитъ. Вотъ идетъ Аристофанъ. Прощай, мой другъ, послѣдній разъ въ жизни прощай.

— Подожди! Аристофанъ дѣлаетъ знакъ. Нѣтъ, посмотри, онъ плачетъ! Аристофанъ плачетъ!

Подошелъ Аристофанъ.

— Эврипидъ,—сказалъ онъ,—не уходи, пока я съ тобой не поговорю.

— Ты умѣешь говорить?—отвѣтилъ Эврипидъ.

— Я плачу.

— Не выходи изъ роли! Что значать твои слезы?

— Пожалѣй товарища по несчастью, Эврипидъ; тираны закрыли мой театръ.

— Сократъ, долженъ ли я жалѣть своего палача?

— Миѣ кажется, что храмъ Немезиды опять открытъ!— отвѣтилъ Сократъ.— Аристофанъ еще не былъ никогда наивень, теперь онъ сталъ имъ. Итакъ, миѣ жалѣть тебя Аристофанъ, что ты не можешь больше надо мной издѣваться. Я прошая тебѣ, но я не стану тебѣ помогать ставить опять твои комедіи на сценѣ. Этому ты требовать не можешь! Пойдемъ, Эврипидъ!

* * *

Сократъ сидѣлъ у Аспазіи, которая постарѣла.

— Эврипидъ ушелъ въ Македонію,—сказалъ Сократъ.

— Отъ своихъ женъ.

— Ты стала желчной.

— Довольно съ меня развалинь и всего остального.

— Тираны убиваютъ гражданъ.

— Это занятія тирановъ.

— Скоро ли будетъ спокойно?

— На Керамсикосѣ въ гробу изъ кедра.

— Я не хочу умирать, я хочу жить, но спокойно!

— Жизнь не можетъ быть спокойной.

— Все же, если она хороша...

— Этого никогда не бываетъ.

— Нѣтъ, потому что ты плохо женился, Сократъ.

— Моя жена, разумѣется, самая плохая женщина; не будь я ея мужемъ, ее бы давно убили.

— Ксантиппа предаешь тебя своими сплетнями; а когда она не понимаетъ того, что ты говоришь,—она перевираетъ твои мысли и тебя самого.

— Я знаю это, но измѣнить этого не могу.

— Зачѣмъ ты ждешь униженія?

— Зачѣмъ бѣжать? Можно бѣжать передъ превосходствомъ, Ксантиппа для меня не превосходство.

— Тебѣ запрещено подъ страхомъ смерти учить народъ; въ этомъ тебя обвиняютъ она и Анить.

— Пусть она обвиняетъ меня, смерть только освободитъ меня... Аспазія, я вижу, что наша дружба слабѣетъ; у тебя есть новые друзья, ты стала другой! Дай проститься съ тобой до прихода Лизикла.

— Ты его знаешь?

— Да, и весь городъ говоритъ о твоёмъ супружествѣ.

— Съ торговцемъ скота Лизикломъ?

— Да, это твое дѣло; я не говорю объ этомъ.

— Но ты находишь, что память Перикла надо было охранять лучше?

— Я хотѣлъ бы охранить память Аспазій, но когда я увидѣлъ, какъ аѳиняне украшали себя вѣнками, чтобы отпраздновать паденіе Аѳинъ; когда Фидій...

— А какъ кончитъ Сократъ?

— Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ Аспазія.

— Боги играютъ нами! Берегись, Сократъ!

Сократъ сидѣлъ, наконецъ, въ тюрьмѣ, обвиненный въ совращеніи молодежи и высмѣиваньи или отрицаніи боговъ государства. Обвинителями были молодой плохой поэтъ Мелитъ, скорнякъ Анитъ и ораторъ Ликонъ.

Сократъ сказалъ оправдательную рѣчь и объяснилъ, что онъ всегда вѣрилъ въ Бога и въ голосъ своей совѣсти.

Его приговорили къ чашѣ съ ядомъ и держали въ тюрьмѣ, гдѣ онъ могъ все-таки видѣться съ своей женой и немногими друзьями, оставшимися еще въ живыхъ.

Теперь у него сидѣла жена и плакала.

— Не плачь,—сказалъ Сократъ,—ты не виновата.

— Хочешь видѣть дѣтей?

— Зачѣмъ я буду терзать ихъ юныя души бесполезнымъ прощаньемъ? Пойди къ малышамъ, утѣшь ихъ; позабавь ихъ, съѣзди съ ними въ лѣсъ.

— Какъ намъ радоваться, когда ты умираешь?

— Радуйтесь, что кончаются мои страданія! Радуйтесь, что я умираю съ честью...

— У тебя нѣтъ послѣдняго желанія?

— Я ничего не желаю! Впрочемъ, быть спокойнымъ и свободнымъ отъ вашихъ безумныхъ слезъ и вздоховъ и раздражающихъ жалобъ. Иди, жена, и думай, что Сократъ захотѣлъ уснуть, потому что онъ усталъ и брюзжитъ; думай, что онъ опять проснется, уже отдохнувшій, помолодѣвшій, радостный и добрый.

— Я хотѣла бы, чтобы ты научилъ меня всему этому раньше; у меня тебѣ нечему было учиться.

— И все же ты научила меня терпѣнію и самообладанію!

— Прощаешь ты меня?

— Не могу, потому что я уже это сдѣлала. Простись теперь со мной, какъ будто бы я отправлялся въ путь. Скажи мнѣ до свиданья, какъ будто бы я долженъ скоро возвратиться!

— Прощай, Сократъ, не сердись на меня.

— Нѣтъ, я добръ къ тебѣ!

— Прощай, мой мужъ, навѣки!

— Не навѣки! Вѣдь ты же хочешь меня опять увидѣть. Скажи мнѣ съ веселымъ лицомъ: до свиданья!

— До свиданья!

— Ну, вотъ! А когда мы опять увидимся, мы пойдѣмъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ лѣсъ.

— Сократъ былъ не такимъ, какъ я думала...

— Иди, я хочу спать!

Она ушла, но столкнулась въ дверяхъ съ Платономъ и Критономъ.

— Часъ близится, друзья!—сказалъ Сократъ утомленно, съ блестящими глазами.

— Ты спокоенъ, учитель?

— Говоря по правдѣ, я совсѣмъ спокоенъ! Я не утверждаю, что веселъ, но совѣсть моя спокойна.

— Когда, Сократъ, когда это должно совершиться?

— Ты думаешь, когда совершится послѣднее? Платонъ, мой лучшій, мой любимый... она подходитъ... я только что наслаждался сномъ—я былъ за рѣкой, по ту сторону; я

видѣлъ одно мгновеніе прообразы непреходящей красоты, среди которыхъ вещи только плохія отраженія... Я видѣлъ будущее, судьбу человѣчества; я говорилъ съ сильными, чистыми, высокими; я позналъ мудрый порядокъ, который управляетъ видимымъ большимъ беспорядкомъ; я трепеталъ отъ безконечной тайны всего, что я понималъ предчувствіемъ, и понималъ всю глубину моего незнанія. Платонъ, ты долженъ это написать! Ты долженъ научить людей смотрѣть на вещи какъ на маловажное, смотрѣть съ благоговѣніемъ на невидимое, чтить красоту, охранять добродѣтель и надѣяться на избавленіе, во время труда, исполненія долга и отреченія!

Онъ направился къ кровати и легъ.

Платонъ пошелъ за нимъ.

— Ты боленъ, учитель?

— Нѣтъ, я былъ боленъ; теперь я поправляюсь.

— Ты уже...

— Я уже выпилъ свой кубокъ!

— Мудрѣйшій насъ покидаетъ!

— Нѣтъ мудрыхъ среди смертныхъ! Но я почитаю боговъ, пославшихъ въ даръ стыдливость и чувство справедливости.

Въ комнатѣ стало тихо.

— Сократъ умеръ!

Флаккъ и Маронъ.

Послѣ смерти Сократа пришелъ конецъ величію Аѳинъ.

Нѣкоторое время господствовала Спарта, потомъ пришла очередь Фивъ. Послѣ Фивъ въ страну вторглись македоняне и царили въ ней до 196 года, когда римляне завладѣли Македоніей и Греціей. Разрушивъ до основанія Коринѳъ, они пошадили Аѳины за ихъ великія воспоминанія.

Теперь при Цезарѣ вошло въ моду посылать молодежь въ Аѳины для изученія грамматики, риторики и философіи. Великихъ философовъ не было, учились по исторіи философіи. Не было также религіи, потому что никто не вѣрилъ въ боговъ государства, хотя по старой привычкѣ еще праздновались торжественныя жертвоприношенія. Аѳины умерли какъ весь древній міръ, Египеть, Сирія, Малая Азія. Римъ жилъ прошлымъ Греціи, и величайшій мужъ Цицеронъ начиналъ всегда пояснять философскую тему тѣмъ, что было сказано по этому поводу древними греками; этимъ же онъ и заканчивалъ, потому что у него не было своего собственнаго мнѣнія относительно природы боговъ.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней послѣднихъ лѣтъ цар-

ствованія Юлія Цезаря двос студентовъ сидѣло въ бесѣдѣ противъ гимназіи Кинозарга.

На столѣ передъ ними стояло вино, но они почти не притрагивались къ желтому хіосу. Они сидѣли молча, равнодушно, точно кого-то ожидая. Но все кругомъ казалось охваченнымъ такой же дрѣмой. Хозяинъ сидѣлъ вблизи и спалъ; юноши въ гимназіи бродили у дверей; прохожіе медленно плелись по улицамъ не здороваясь; крестьянинъ въ полѣ сидѣлъ на своемъ плугѣ, вытирая потъ со лба.

Старшій изъ студентовъ притронулся къ своему стакану и наконецъ открылъ ротъ:

— Скажи что-нибудь!

— Мнѣ нечего сказать, потому что я ничего не знаю.

— Ты уже кончилъ ученье?

— Да.

— Я пріѣхалъ вчера изъ Рима съ великими надеждами поучиться новому, услышать неслыханное, но я слышу только одно молчаніе.

— Мой дорогой Маронъ, я прожилъ здѣсь долгое время, я слышалъ, но не услышалъ ничего новаго. Въ Поикилѣ я слышалъ, какъ Фалесъ утверждалъ, что боговъ никогда не было, что все произошло отъ влажности. Затѣмъ я слышалъ ученье Анаксимена, что все произошло изъ воздуха; ученіе Пифагора объ эфирѣ, какъ первопричинѣ; ученіе Гераклита объ огнѣ. Анаксимандръ училъ меня, что вселенная произошла изъ основной матеріи. Левкиръ и Демокритъ говорили мнѣ о пустомъ пространствѣ съ изначальными тѣлами, или атомами. Анаксагоръ увѣрялъ меня, что атомы имѣютъ разумъ. Ксенофанъ хотѣлъ меня убѣдить, что Богъ и вселенная—одно. Эмпе-

докль, самый умный изъ нихъ, пришелъ въ отчаяніе отъ несовершенства разума, поднялся въ своемъ отчаяніи на Этну и бросился внизъ головой въ вулканъ.

— А ты всему этому вѣришь?

— Нѣтъ! Должно быть, все это ложь. Потомъ Платонъ училъ меня многому, что было опровергнуто Аристотелемъ. Наконецъ я остановился на мудрѣйшемъ среди мудрыхъ, на Сократѣ, который, какъ ты знаешь, открыто говорилъ, что онъ ничего не знаетъ.

— Но вѣдь это было сказано софистами, что они знаютъ только то, что ничего не знаютъ.

— Ты правъ, и нашъ добрый Сократъ былъ софистомъ, самъ не желая этого! Но есть одинъ единственный, который... я думаю о Ционагорѣ. Онъ училъ многому на востокѣ и западѣ, но я нашелъ въ его философіи якорь, которымъ я укрѣпился въ почвѣ. Меня правда носить вѣтромъ, но я все-таки держусь.

— Расскажи!

— Да, вотъ оно: дѣлай то, что ты считаешь благороднымъ, хотя бы съ опасностью быть изгнаннымъ изъ страны; толпа не можетъ судить о благородствѣ, поэтому не считайся съ ея похвалой, презирай ея порицаніе. Заботься о своихъ единовѣрцахъ, но смотри на остальныхъ, какъ на толпу, которая ничего не стоитъ. Съ демократами веди всегда борьбу. «*Odi profanum vulgus et arceo!*»

— Тебѣ надо жить дома, въ Римѣ, Флаккъ, гдѣ... Да, что у васъ теперь дѣлается въ Римѣ?

— Цезарь,—это Цезарь, онъ покоряетъ міръ и соединяетъ въ своей особѣ всѣ высшія должности до жреца

включительно. Я противъ этого ничего не имѣю, но, говорятъ, онъ домогается обоготворенья.

— Почему же нѣтъ! Всѣ боги были сначала героями, и не всѣ изъ нихъ были такъ велики, какъ Цезарь. Ромулъ не былъ исполиномъ, хотя ему посчастливилось быть первымъ, а кто-нибудь долженъ былъ имъ быть. Теперь онъ богъ, имѣетъ храмъ, ему приносятъ жертвы.

— Вѣрно и это тоже ложь, какъ все другое.

— Возможно.

— Да, я слышалъ другую исторію объ основаніи Рима сыномъ Энея Асканіемъ, бѣжавшимъ изъ Трои; этимъ сказаніемъ начну я мою большую поэму...

— Это Энеида, о которой я уже слышалъ?

— Да, Энеида!

— Трудно писать стихами?

— Нѣтъ, я слѣдую хорошимъ образцамъ. Сначала Эеокритъ служилъ мнѣ образцомъ, теперь я слѣдую отцу-Гомеру.

— Клянусь Геракломъ! Тутъ ты можешь быть спокоенъ, пока Меценатъ не пошлетъ тебѣ сестерцій.

— Онъ это и дѣлаетъ! А какъ ты пробиваешься?

— Старикъ отецъ, вольноотпущенникъ, работаетъ въ квестурѣ и въ будущемъ освободитъ мнѣ мѣсто.

— Развѣ у тебя нѣтъ интересовъ, нѣтъ страстей, нѣтъ честолюбія?

— Нѣтъ, къ чему они? *Nihil admirari*. Вотъ мой лозунгъ. Если существуютъ боги, которые направляютъ судьбы людей и народовъ, зачѣмъ мнѣ вмѣшиваться и утомляться бесполезной борьбой? Вспомни Демосѣена, который въ продолженіе тридцати лѣтъ говорилъ противъ

македонянь, предупреждая своихъ соотечественниковъ, не хотѣвшихъ его слушать. Боги были на сторонѣ македонянь и приговорили Элладу къ гибели. Демосеенъ былъ заключенъ въ тюрьму. Ироніей судьбы онъ былъ обвиненъ въ подкупѣ тѣми же македонянами. Это была, конечно, ложь! Этотъ патриотъ, принесшій себя въ жертву отечеству, думавшій исполнить дѣло боговъ, долженъ былъ принять ядь и погибнуть въ борьбѣ съ богами! Vestigia terrent!

Во время ихъ разговора солнце склонилось, и въ сумеркахъ показались огни въ Эгинѣ, Саламинѣ, Фалерѣ, Пирей и, наконецъ, въ Акрополѣ. Шумъ въ городѣ усилился и слился въ общій нечеловѣческій крикъ радости.

Мужчины съ женами и дѣтьми кинулись на улицу; одни бѣжали, другіе ѣхали и мчались на лошадахъ.

Добрый Агаеонъ, хозяинъ, проснулся и тоже поспѣшилъ на улицу, чтобы узнать причину шума.

Оба студента поднялись на крышу виннаго погреба, чтобы посмотреть. Но, предчувствуя опасность для чужеземцевъ, какими они были, и испуганные растущими криками, они спустились и спрятались въ давилнѣ.

Наконецъ послышался голосъ Агаеона:

— Цезарь убитъ! Смерть римлянамъ! Свобода Элладѣ!
Это была новость.

Садъ винной лавки наполнился народомъ, полилось вино, крики радости чередовались съ колкостями, отпускаемыми по адресу проѣзжавшихъ римлянъ, которые бѣжали изъ города къ сѣверу, къ македонской границѣ.

Маронъ и Флаккъ пережили минуту сильнаго страха,

спрятанные въ чанѣхъ давилъни, откуда они узнали объ этой новости со всѣми подробностями:

Цезарь былъ убитъ Кассіемъ и Брутомъ въ Капитоліи.

— Брутъ? — шепнулъ Маронъ. Тогда конецъ цезарямъ, если старикъ Брутъ покончилъ съ царемъ!

Брутъ бѣжалъ въ Элладу, чтобы поднять грековъ противъ римлянъ.

— Да здравствуетъ Брутъ! — раздался крикъ въ саду.

— Тогда мы тоже будемъ живы, — сказалъ мягкій Флаккъ. — Цезарь умеръ, присягнемъ предварительно Бруту.

* * *

Много лѣтъ спустя прежній афинскій студентъ Квинтъ Горацій Флаккъ гулялъ въ саду своей виллы въ горахъ Сабинскихъ. Эту виллу онъ получилъ отъ своего друга Мецената, который владѣлъ великолѣпной дачей въ Тибурѣ.

Горацій, теперь знаменитый поэтъ, оставался все такимъ же афинскимъ студентомъ. Судьба или боги потѣшились надъ нимъ, но поэтъ принялъ все за милую шутку небожителей и отвѣтилъ имъ сатирой.

Послѣ убійства Цезаря Брутъ дѣйствительно бѣжалъ въ Грецію и былъ тамъ такъ хорошо принятъ, что афиняне воздвигли ему статую, собрали ему войска противъ

Антонія и другихъ, среди которыхъ находился больной Октавіанъ (впослѣдствіи императоръ).

Горацій былъ призванъ въ солдаты и дѣйствительно командовалъ легиономъ при Филиппахъ, гдѣ Брутъ погибъ. Поэтъ, не будучи воиномъ, бѣжалъ въ Римъ, гдѣ послѣ амнистіи получилъ мѣсто государственнаго писца. Одновременно съ этимъ онъ сталъ писать стихи, былъ открытъ Мecenатомъ и получилъ въ награду помѣстье.

Императоръ Августъ восхищался имъ и предложилъ ему быть секретаремъ. Горацій уклонился; отчасти потому, что онъ всегда видѣлъ въ этомъ императорѣ только узурпатора, отчасти потому, что больше всего любилъ свободу и независимость.

Теперь онъ гулялъ въ своемъ саду, гдѣ деревья были имъ самимъ привиты. Онъ срывалъ гіацинты и розы, ожидая дорогого гостя, стараго аоинскаго товарища, Публия Виргилія Марона, извѣстнаго какъ и Горацій, хотя его Энеида еще не появилась въ рукописи. Столъ былъ накрытъ въ бесѣдкѣ; старое вино лежало уже на льду. Были приготовлены устрицы и угри; въ кухнѣ жарили на вертелѣ козленка и перепелокъ, въ саду были сорваны фрукты; на столѣ, накрытомъ на двоихъ, не хватало только цвѣтовъ.

Маленькій невольникъ бѣгалъ взадъ и впередъ между садовой калиткой и голубятней, сторожа гостя.

Поэтъ, нарвавъ цвѣтовъ, стоялъ у бочки съ водой, споласкивая руки, когда его кто-то хлопнулъ по плечу.

— Виргилій! Какой это дорогой ты пришелъ?

— По горамъ Тибура, отъ Мecenата.

— Добро пожаловать, какимъ бы путемъ ты ни пришелъ, странникъ; садись отдыхать на мой гемициклонъ

подъ посаженными мною оливковыми деревьями, пока вращаютъ вертелами и стучатъ ножами. Вотъ мой участокъ, который замѣняетъ мнѣ мѣръ...

Послѣ первыхъ вопросовъ и привѣтствій друзья заняли мѣста у стола. Хозяинъ былъ дѣйствительно эпикуреецъ; но, чтобы наслаждаться, надо быть умѣреннымъ, и обѣдъ былъ съ точки зрѣнія римскихъ обычаевъ умѣренный и простой.

Потомъ чаши съ виномъ разбудили воспоминанія, не смотря на свою способность ихъ тушить.

— Итакъ, ты былъ на войнѣ, другъ?—началъ Virgilij.

— Да, и позорно бѣжалъ, какъ ты знаешь.

— Я читалъ объ этомъ въ одномъ изъ твоихъ стихотвореній, но это вѣрно неправда, ты самъ себя оклеветалъ.

— Развѣ? Возможно! Когда пишешь стихи, болтаешь вздоръ.

— А помнишь ты, поэтъ, какъ ты спрашивалъ меня въ Аѳинахъ, трудно ли это? Какъ ты сталъ писать?

— Мнѣ нужны были деньги!

— Опять ты на себя клеветалъ! Если бы всѣ, кто нуждается въ деньгахъ, могли писать, то весь свѣтъ заполнили бы поэты.

— Можетъ быть это было и не такъ! Но расскажи о себѣ, о своей Энеидѣ.

Virgilij сталъ мраченъ:

— Объ этомъ я не буду говорить.

— Она окончена?

— Больше того! Все кончено!

— Кончено?

— Да! Когда я ее прочелъ, я нашелъ ее неудачной! Это не былъ Гомеръ, это было ничто! Это было вѣрно наказаніемъ за то, что я хотѣлъ затмить отца...

— Ты ее уничтожилъ?

— Нѣтъ еще, но она лежитъ запечатанная, и ее уничтожатъ послѣ моей смерти.

— Теперь ты на себя клеветашь, ты удрученъ, Маронъ, не годами, не работой, а чѣмъ-то другимъ.

— Да, другимъ! Меня тревожитъ будущее!

Гораций поднялъ свой бокаль и отвѣтилъ:

— Не старайся узнать границъ нашей жизни, намѣченныхъ богами, чтобы кара тебя не постигла. Не ищи судьбы, Левконой, въ числахъ халдеевъ, чтобы спокойнѣе встрѣтить ее.

Будь мудръ! Сдѣлай вино свое чистымъ!

Жизнь уходитъ отъ насъ! Пользуйся днемъ и не вѣрь въ день грядущій!

— Я такъ не могу, — прервалъ Virgilій, — я не могу потонуть въ винѣ, когда вижу, что моя родина гибнетъ.

— Былъ ли когда-нибудь Римъ такимъ могучимъ, какъ сейчасъ? Развѣ мы не владѣемъ всѣми извѣстными странами, Египтомъ, Сиріей, Греціей, Италіей, Испаніей, Германіей, Галліей и Британіей! Чего желать еще, если я не назову Индію и Персію? И кромѣ того, мы живемъ въ мирное время; храмъ Януса закрытъ, земля ликуетъ, искусства процвѣтаютъ, и торговля никогда еще не была такой оживленной, какъ теперь.

— Да, миръ передъ войной! Потому что всѣ покоренные

народы просыпаются и устремляютъ свои взоры на Римъ! Не на Грецію, какъ раньше, потому что Греція обратилась въ пустыню и входитъ въ вѣчный покой. Знаешь ли ты, что Сулла и Митридатъ промчались по Элладѣ, грабя и убивая все на пути, такъ что наука и искусство бѣжали въ Египеть, въ Александрію и Византію? Знаешь ли, что морскіе пираты, неизвѣстнаго происхожденія, но съ востока, ограбили недавно всѣ оставшіеся въ Элладѣ храмы такъ, что въ нихъ почти нельзя служить. Оракулы замолкли, поэты молчатъ какъ птицы передъ грозой, великихъ трагедій больше не играютъ; охотнѣе глядятъ на фарсы и игры гладиаторовъ. Эллада — однѣ развалины, такимъ же скоро станетъ Римъ.

— Я согласенъ, что время плохое, но всякое время упадка готовитъ новую эпоху. Осенняя листва служить мягкимъ теплымъ ложемъ для наступающей весны; природа, жизнь и исторія обновляются смертью. Поэтому смерть для меня только обновленіе, перемѣна, и когда я встрѣчаю похоронную процессію, я всегда говорю: о, какъ радостно жить!

— Мой милый Флаккъ, ты со своими грезами живешь въ золотомъ вѣкѣ, а всѣ мы прозябаемъ въ этой жизни въ желѣзномъ. Помнишь, какъ уже Гезіодъ жалуется?

— Нѣтъ, я уже позабылъ, но чтобы доставить тебѣ удовольствіе, я послушаю.

— «Теперешній народъ сталъ желѣзнымъ, онъ никогда не отдыхаетъ отъ бремени работы, ни днемъ, ни ночью! Это грѣшный народъ, и боги посылаютъ ему тяжелыя заботы! А если посылаютъ радость, она приноситъ ему несчастье. Зевсъ уничтожитъ когда-нибудь этотъ мно-

гообѣщающій народъ, если онъ будетъ рождаться съ сѣдыми висками. Наши дѣти уже рождаются стариками, беззубые, морщинистые, съ голой головой. Отецъ не волнуется о своемъ ребенкѣ, ребенокъ объ отцѣ, гость о хозяинѣ, слуга о слугѣ, братъ о братѣ. Дѣти позорятъ старыхъ родителей, хулятъ ихъ, не ласковы съ ними; это молодые негодяи, которые ничего не знаютъ о мщеніи боговъ и никогда не награждаютъ своихъ сѣдѣющихъ родителей за ихъ заботы въ дѣтствѣ. Кулакъ—ихъ право, и одинъ городъ истребляетъ другой. Честность и вѣрность присягѣ никогда не награждаются, такъ же какъ доброта или справедливость. Напротивъ, тотъ, кто грѣшитъ, нарушаетъ законъ,—требуетъ себѣ уваженія. Негодяи обманываютъ благородныхъ и безъ упрековъ совѣсти нарушаютъ клятвы. Зависть преслѣдуетъ этихъ несчастныхъ людей своими отвратительными голосами и ужасными лицами, радуясь злу и вреду, которые они совершаютъ».

— Да, такъ говорилъ Гезіодъ тысячу лѣтъ тому назадъ, и я согласенъ, что это похоже! Но что же дѣлать?

— Да, это похоже! Цицеронъ былъ убитъ, и я послѣдовалъ бы примѣру Катона, убившему себя, чтобы избѣжать грѣха. Я вязну, Флаккъ, во лжи и лицемеріи! Но я не внизъ хочу, а кверху... Я прославилъ въ своихъ стихахъ Августа и его сына Марцелла, но я не вѣрю въ нихъ больше, потому что будущее не въ нихъ! Вотъ почему хочу я сжечь Энеиду!

— Ты тревожишь меня, Мароны! Во что же ты вѣришь?

— Я вѣрю Сивиллѣ, предсказавшей, что кончится желѣзный вѣкъ и вновь наступитъ золотой...

— Ты говоришь объ этомъ въ четвертой эклогѣ, я помню... У тебя лихорадка?

— Кажется... Помнишь ли ты, нѣтъ, это помнятъ наши отцы, какъ горѣлъ Капитолій и сгорѣли при этомъ книги Сивилль. Теперь пришли новыя книги изъ Александрии, изъ которыхъ узнали, что скоро настанетъ новое лѣтосчисленіе; что Римъ погибнетъ, но вскорѣ опять отстроится и что золотой вѣкъ...

Пророчившій замолкъ.

— Прости, Флаккъ, но я боленъ и долженъ вернуться домой, пока туманъ не спустился на Кампанью.

— Eheu fugaces postume, postume! Labuntur anni!

Я послѣдую за тобой на своемъ ослѣ, потому что ты боленъ! Но

«Человѣка съ честнымъ сердцемъ, твердою отвагой унылымъ дѣлаетъ не ревность слѣпыхъ гражданъ, жаждущихъ убійства, не грозный взглядъ тирана!

.....
«И рушится весь міръ, безстрашно онъ стоитъ среди развалинъ!»

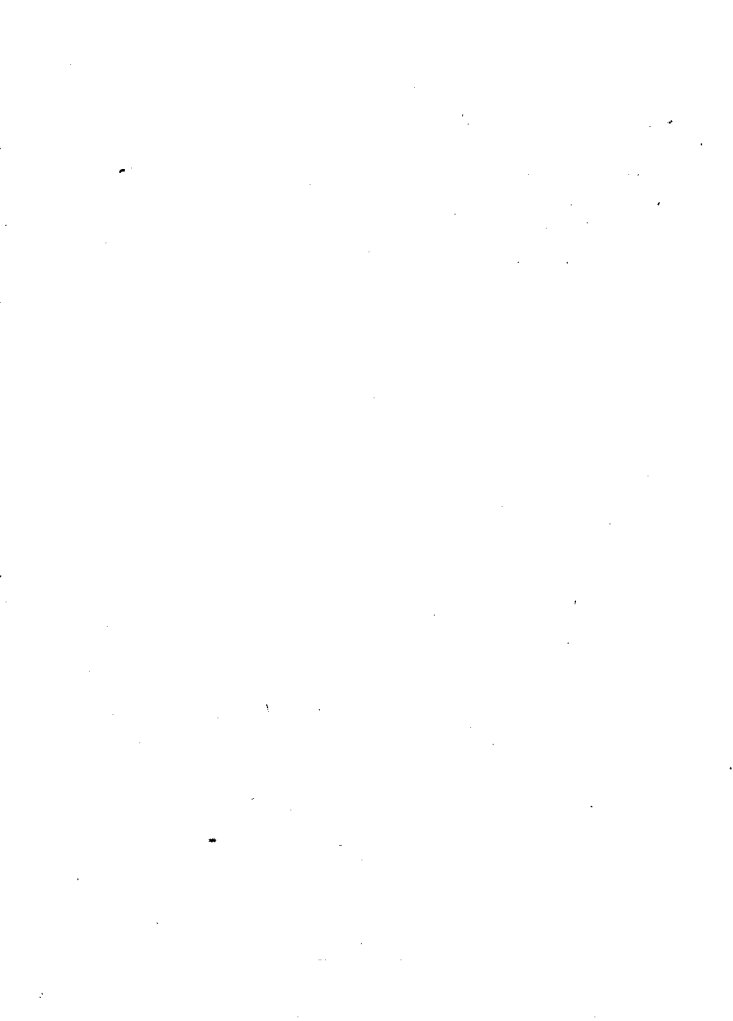
* * *

Нѣсколько дней спустя Virgilій умеръ въ Неаполѣ. Его завѣщаніе было вскрыто, и тамъ дѣйствительно была выражена его воля сжечь Энеиду. Но просьба эта не была исполнена.

Потомки отнеслись различно къ этому случаю съ послѣдней волей покойнаго; одни жалѣли, другіе находили, что это было къ лучшему.

Съ христіанствомъ Виргилій былъ причисленъ къ про-рокамъ. Энеиду считали пророческой книгой и приняли ее въ литургію.

Къ могилѣ поэта ходили пилигримы. Позднѣ Данте сдѣлалъ изъ него святого.

Леонтополисъ.

На возвышенности, лежащей къ востоку отъ стараго египетскаго Геліополиса, расположился караванъ. Онъ состоялъ изъ обитателей Палестины, тянувшихся на своихъ ослахъ и верблюдахъ черезъ пустыню; ту самую пустыню, по которой тысячу лѣтъ тому назадъ скитался народъ Израиля...

Передъ наступленіемъ ночи, при слабомъ свѣтѣ неполнаго мѣсяца, сотни огней запылали на мѣстѣ привала; у костровъ размѣстились женщины съ младенцами на рукахъ, въ ожиданіи своихъ мужей, отправившихся за водой.

Никогда еще пустыня не видѣла такого количества младенцевъ; ихъ готовились укладывать спать, и весь станъ оглашался дѣтскими криками. Кажалось, онъ представлялъ изъ себя громадную дѣтскую.

Но лишь окончилось омовеніе и младенцы снова прильнули къ грудямъ матерей, крики затихли одинъ за другимъ, и подная тишина воцарилась кругомъ.

Подъ одной изъ смоковницъ сидѣла женщина и кормила грудью ребенка; рядомъ стоялъ израильтянинъ, угощая дрокомъ своего осла. Покончивъ съ этимъ занятіемъ, онъ поднялся на холмъ и принялся смотрѣть на сѣверь.

Какой-то чужестранецъ, судя по одеждѣ, мимоходомъ остановилъ взглядъ свой на женщинѣ и ребенкѣ.

Еврей забезпокоился и, чтобъ не дать этого замѣтить, вступилъ въ разговоръ съ Римляниномъ.

— Скажи мнѣ, путникъ, не городъ ли солнца виднѣется тамъ на востокѣ?

— Онъ самый!—отвѣтилъ Римлянинъ.

— Бетъ-Семесъ, не такъ ли?

— Геліополисъ, откуда Греки и Римляне черпали свою мудрость; самъ Платонъ однажды посѣтилъ его...

— А виденъ осюда Леонтополисъ?

— Лишь купола его храма; Леонтополисъ находится на сѣверѣ, миляхъ въ двухъ отсюда.

— Это земля Гизонъ, которую посѣтилъ нашъ праотецъ Авраамъ и получилъ въ надѣлъ Иаковъ, — сказалъ Еврей, обратившись къ женѣ, утвердительно кивнувшей ему въ отвѣтъ.

Затѣмъ онъ снова заговорилъ съ Римляниномъ:

— Израиль переселился изъ Египта въ Ханаанъ. Но послѣ вавилонскаго плѣненія часть его снова вернулась сюда и обосновалась здѣсь. Извѣстно ли тебѣ это?

— Да, отчасти. А теперь Израильтяне сильно размножились и построили свой собственный храмъ; вотъ тотъ, что виднѣется тамъ вдаль. Извѣстно ли тебѣ это?

— Да, отчасти! Стало-быть земля эта принадлежитъ Римлянамъ?

— Да.

— Все принадлежитъ теперь Римлянамъ: Сирія, Ханаанъ, Греція, Египеть...

— Германія, Галлія, Британія; міръ будетъ принадлежать Риму, по предсказанію сивиллы.

— Такъ! Но міръ будетъ освобожденъ Израилемъ, по пророчеству Божію, полученному нашимъ праотцемъ Авраамомъ.

— Слыхалъ я эту басню, но, какъ видишь, Римъ уже исполняетъ пророчество. Ты изъ Іерусалима?

— Я странствую по пустынямъ, подобно своимъ соотечественникамъ, съ женой и ребенкомъ.

— Съ ребенкомъ, да! Зачѣмъ это вы таскаете за собой такое множество ребятъ?

Еврей умолкъ, но подумавъ, рѣшилъ, что Римлянинъ человекъ надежный и настроенный миролюбиво, а потому сказалъ:

— Нѣкогда тетрархъ Иродъ услышалъ отъ волхвовъ, что царю Іудейскому надлежитъ родиться въ Вифлеемѣ, и, во избѣжаніе грозившей опасности, повелѣлъ Иродъ избить всѣхъ младенцевъ, рожденныхъ за послѣднее время въ округѣ, подобно фараону, повелѣвшему нѣкогда избивать всѣхъ перворожденныхъ. Тѣмъ не менѣ Моисей спасся и вывелъ нашъ народъ изъ Египта.

— Слушай, что же это за царь, который долженъ родиться?

— Мессія, обѣтованный.

— Ты думаешь, онъ уже родился?

— Мнѣ не дано этого знать!

— А я такъ знаю, что онъ родился,—сказалъ Римлянинъ.—Ему предстоитъ овладѣть міромъ и подъ своимъ владычествомъ объединить народы.

— Кто же этотъ царь?

— Цезарь Августъ.

— Развѣ онъ потомокъ Авраама или Давида? Ни то, ни другое! Развѣ онъ проповѣдуетъ миръ между людьми, какъ пророчествовалъ Исаія: «Царство Его будетъ велико, и миръ будетъ царить въ немъ вѣчно!» Вашъ цезарь не внесетъ съ собою миръ.

— Прощай, сынъ Израиля! Теперь ты римскій подданный. Радуйся же освобожденію, дарованному тебѣ Римомъ; пока мы другого не знаемъ.

И Римлянинъ прошелъ мимо.

Еврей приблизился къ своей женѣ.

— Марія!—кликнулъ онъ ее.

— Тише, Иосифъ!—прозвучалъ ему отвѣтъ.—Младенецъ уснулъ!

Агнецъ.

Тетрархъ Иродъ прибылъ въ Иерусалимъ для усмиренія волненія, охватившаго все тамошнее населеніе.

Тетрархъ остановился въ домѣ прокуратора Пилата, намѣреваясь пробыть въ городѣ всю Пасху, пока не водворится въ немъ полное спокойствіе. Наканунѣ онъ посѣтилъ циркъ, смотрѣлъ на состязаніе гладиаторовъ, затѣмъ былъ на празднествѣ оргіи и поэтому долго не просыпался поутру; такъ долго, что хозяинъ, тщетно ожидавшій выхода гостя, одинъ отправился на кровлю дома.

Взору Пилата предсталъ священный городъ, съ горой Моріа, увѣнчанной храмомъ, съ горой Сіономъ и домомъ Давидовымъ.

На сѣверо-западѣ и на западѣ тянулась долина Сарона, простираясь до береговъ Средиземнаго моря, казавшаяся на разстояніи пяти миль голубой полоской, сверкающей въ прозрачномъ воздухѣ. На востокѣ возвышалась Масличная гора съ ея садами, виноградниками, оливами, смоковницами и хвоями; внизу струился потокъ Кедронъ, и берега его сіяли весеннимъ убранствомъ цвѣтущихъ лавровъ, тамарисковъ и тучныхъ пастбищъ.

Прокураторъ волновался и подолгу останавливался у периль, наблюдая, что происходитъ тамъ, внизу, на перед-

немъ дворѣ храма, гдѣ царило необычайное оживленіе, и люди то собирались толпами, то расходились лишь для того, чтобы образовать еще болѣе многочисленныя сборища.

Наконецъ появился и самъ тетрархъ; лицо его было заспано, глаза налиты кровью. Сухо поклонившись, онъ поспѣшилъ съѣсть, давая этимъ понять, что можно начать аудіенцію.

Самому ему было трудно начать разговоръ; подбородокъ его отвисалъ, и самъ онъ не зналъ съ чего начать, такъ какъ среди ночной оргіи позабылъ о цѣли своего пріѣзда.

Пилать долженъ былъ притти ему на помощь.

— Не правда ли, Иродъ, на сердцѣ у тебя тяжело и духъ твой непокоенъ?

— Что ты хочешь сказать этимъ, братъ мой?

— Мы съ тобой говорили вчера о странномъ чловѣкѣ, возмущающемъ народъ.

— Совершенно вѣрно! Но я приказалъ вѣдь казнить Іоанна; неужели онъ воскресъ?

— Нѣтъ, теперь рѣчь идетъ о другомъ.

— О другомъ?

— Да, совсѣмъ о другомъ.

— Но болтаютъ они одно и то же: что рожденію ихъ якобы предшествовало пророчество, затѣмъ повторяютъ какую-то басню о сверхъестественномъ появленіи на свѣтъ, подобно Персею въ мифологіи и Платону въ исторіи. Можетъ быть это перевоплощеніе?

— Нѣтъ, совсѣмъ не то.

— Какъ его зовутъ? Іос... Іесс...

— Его зовутъ Иисусъ, и дѣтство свое онъ провелъ въ египетскихъ городахъ Геліополисѣ и Леонтополисѣ...

— Это магъ или колдунъ; не придетъ ли онъ сюда развлечь меня?

— Его трудно сыскать; онъ появляется то тамъ, то здѣсь. Но мы допросимъ первосвященника; я уже послалъ за нимъ, и онъ, должно быть, ожидаетъ внизу.

— Что это за шумъ во дворѣ храма?

— Изображеніе цезаря должно быть выставлено къ празднику Пасхи.

— Совершенно вѣрно! Нашъ милостивый цезарь Тиберій безумствуетъ на Капреѣ и терпитъ оскорбленія отъ Каллигулы, своего племянника, если можно считать племянникомъ ребенка, рожденнаго отъ брака съ своей матерью. И такому человѣку воздавать божескія почести! Ха, ха!

— Антиохъ Епифанъ однажды повелѣлъ выставить Зевса во время Иудейской Пасхи. Но вѣдь Зевсъ—богъ! Если же выставляютъ это животное, Тиберія, то произойдетъ возстаніе.

— Какъ же быть? Позови сюда первосвященника.

Пилать вышелъ и возвратился въ сопровожденіи первосвященника Каіафы.

Иродъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и со сложенными на груди руками. Все, касающееся дѣла, онъ считалъ нарушеніемъ пріятнаго времяпрепровожденія и любилъ кончать всѣ дѣла елико возможно скорѣе.

Пилать вошелъ первымъ, чтобы напомнить тетрарху о происходившемъ и пробудить его вниманіе.

— Какъ шумятъ въ храмѣ!—были первыя слова Ирода,

такъ какъ шумъ мѣшалъ ему спать.— А, священникъ пришелъ. Что это за шумъ тамъ у васъ внизу?

— Виновать во всемъ этотъ Галилеянинъ, онъ совершаетъ насилія, изгоняетъ торгующихъ изъ храма.

Иродъ, повидимому, заинтересовался.

— Мы желаемъ его видѣть!

— Онъ уже навѣрное исчезъ!

— Скажи-ка намъ, первосвященникъ, что это за человекъ? Правда ли, что онъ Мессія?

— Какъ могу я этому вѣрить? Какой-то сынъ плотника да къ тому же сумасшедшій.

— Правда, что онъ пророкъ?

— Онъ возмущаетъ народъ, преступаетъ законъ; онъ развратникъ, пьяница, онъ великій грѣшникъ. Онъ именуетъ себя сыномъ Всевышняго.

— Имѣете вы доказательства?

— Да, но слишкомъ противорѣчивыя.

— Тогда соберите единодушныя показанія. А пока, священникъ, давай-ка поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Извѣстно тебѣ желаніе сената устроить апофеозъ цезарю и выставить его статую въ храмъ? Что ты объ этомъ думаешь?

— Мы всѣ существуемъ милостью цезаря, а поднимется возстаніе, подобно Мақкавеямъ, всѣ пойдемъ на смерть.

— Ну, и идите на смерть!

Каіафа съ минуту подумалъ, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Я созову Синедрионъ и передамъ о желаніи цезаря.

— Созови! А наканунѣ Пасхи изволь привести мнѣ Галилеянина, я желаю его видѣть.

— Я приведу его.

— Теперь ступай съ миромъ!

Каиафа удалился.

— А грубый народъ этотъ Израиль,—промолвилъ Пилать, чтобы что-нибудь сказать.

— Я самъ Израильтянинъ,—рѣзко отвѣтилъ Иродъ,— я Идумеянинъ, изъ рода Исава, а мать моя отъ проклятаго рода Самаритянъ.

Пилать, замѣтивъ, что Иродъ становится разсѣянъ, кончилъ тѣмъ, что трижды стукнулъ объ полъ жезломъ. Открылся громаднй люкъ, и появился столъ, уставленный яствами, о какихъ только Римляне имѣли понятие.

Лицо Ирода мгновенно просіяло.

Каиафа и Анна, стоя на дворѣ первосвященниковъ, бесѣдовали между собой:

— Въ такомъ случаѣ ужасное совершится, — сказалъ Каиафа — и изображеніе цезаря будетъ выставлено къ празднику; будетъ хуже, если мы допустимъ разыгратъ волненію вмѣсто того, чтобы принести въ жертву одного и обречь его на смерть за своихъ единовѣрцевъ.

— Ты правъ, намъ необходима чрезвычайная искупительная жертва, и такъ какъ Пасха приближается, принесемъ въ жертву Галилеянина.

— Хорошо! Но вѣдь жертва должна быть непорочна, а развѣ этотъ Галилеянинъ непороченъ?

— Непороченъ какъ агнецъ.

— Тогда пусть омоетъ своею кровью грѣхи Израиля. А кто предастъ его намъ?

— Одинъ изъ его учениковъ, онъ дожидается тамъ за оградой!

— Впусти его!

Іоаннъ, будущій Евангелистъ, былъ введенъ, и Каіафа приступилъ къ допросу.

— Что ты можешь показать противъ своего учителя? Преступилъ ли онъ законъ Моисея?

— Онъ исполнилъ законъ.

— Но какаго рода поправки внесъ онъ въ нашъ священный законъ?

— Любить другъ друга!

— Не называлъ ли онъ себя царемъ Іудейскимъ?

— Учитель говоритъ: — «Царство мое не отъ міра сего!»

— Не возбуждалъ ли онъ дѣтей противъ родителей?

— Учитель говоритъ:—«Кто возлюбилъ отца своего или мать свою больше меня, тотъ не достоинъ меня».

— Не говорилъ ли онъ, что люди имѣютъ право пренебрегать своими обязанностями?

Учитель говоритъ: «Долгъ человѣка искать царствія Божія и Правды Его».

— Не говорилъ ли онъ трудящимся, чтобы бросали работу и слѣдовали за нимъ?

— Учитель говоритъ:—«Приидите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные!»

— Не говорилъ ли онъ, что овладѣетъ міромъ?

— Учитель говоритъ: «Живя въ мірѣ, вы испытываете ужасъ, но, утѣштесь, я преодолѣю міръ!»

Каіафа усталъ.

— Но о чемъ бы я ни спрашивалъ этого человѣка, онъ на все молчалъ.

— Учитель отвѣчаетъ въ духѣ и истинѣ,—вы же спрашиваете о плоти и догмѣ!

— Я не понимаю тебя!

— Учитель говоритъ: «Я посланъ возвѣстити страдающимъ радостную вѣсть, вселить надежду въ разбитыя сердца, принести свободу плѣннымъ, слѣпымъ прозрѣніе и мертвымъ воскресеніе».

— Слова, произносимыя тобой по невѣдѣнію, юноша, не дѣлаютъ чести ни тебѣ, ни твоему учителю.

— Горе вамъ, егда хвалятъ васъ, и зачтется каждому, кто кротко переноситъ поношенія злыхъ!

Каіафа обратился къ Аннѣ:

— Этотъ не предастъ намъ Галилеянина!

— У нихъ имѣется другой! Слушай-ка, твое имя Искаріотъ?

— Нѣтъ, Іоаннъ.

— Тогда ступай съ миромъ и пошли намъ Искаріота. Пстой! Скажи въ двухъ словахъ, какъ твой учитель опредѣляетъ смыслъ жизни?

— «Смертью снизуютъ блаженство праведники»,—не задумываясь отвѣтилъ Іоаннъ.

— Да развѣ сама жизнь не есть блаж...

— Смерть врата къ жизни!

— Ну, довольно! Ступай!

И Каіафа, какъ бы желая уразумѣть слышанное, повторилъ про себя:

— Смертью снизуютъ блаженство праведники!—Но вотъ со стороны рынка и совѣта послышался шумъ, тогда Анна и Каіафа взобрались на зубчатыя стѣны и стали смотрѣть, что происходитъ на улицѣ.

Тамъ производили допросъ левита.

— Схватили его?

— Его уличили въ подстрекательствѣ къ возстанію; онъ говорилъ своимъ ученикамъ: продайте одежды и купите мечъ.

— Онъ схваченъ вооруженнымъ?

— При немъ нашли два меча.

— Въ такомъ случаѣ участь его рѣшена!—Послышались крики съ площади передъ Синедріономъ. Сначала словъ нельзя было разобрать, но съ каждой минутой крики возрастали и становились болѣе внятными.

Народъ кричалъ: «Распни! Распни!»

— Не слишкомъ ли жестокая казнь?—сказалъ Каіафа.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Левитъ; одинъ изъ его учениковъ, по имени Петръ Симонъ, выхвативъ мечъ, ударилъ имъ стражника Малха.

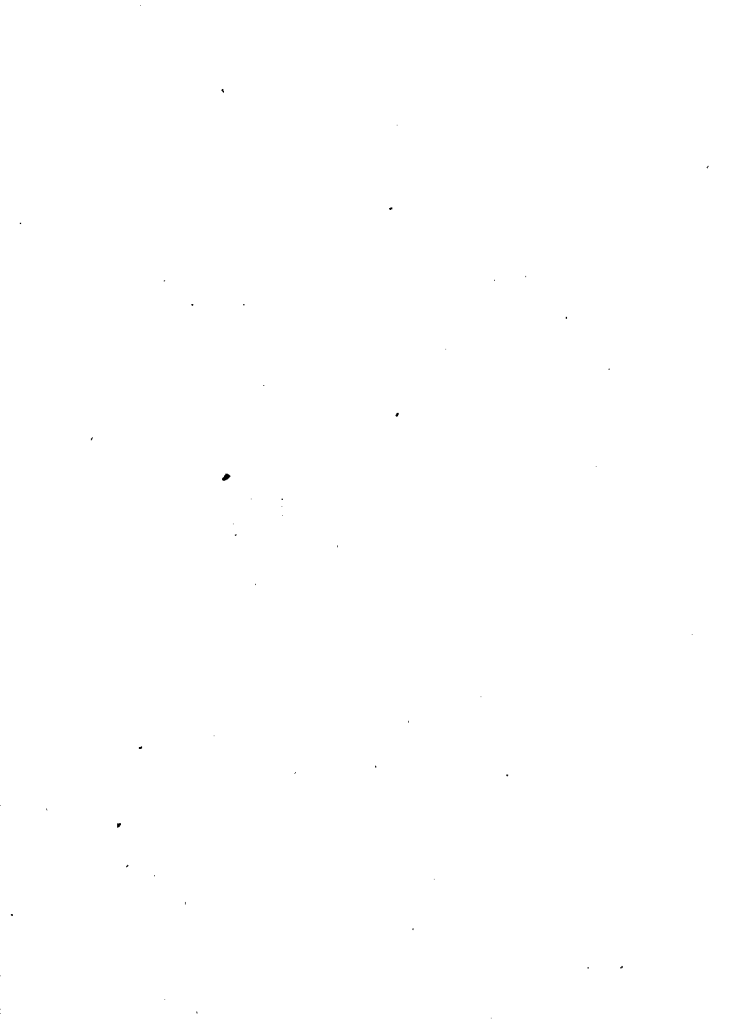
— Какія же намъ еще доказательства?

— Но учитель сказалъ: «Вложи мечъ свой въ ножны—хватающіеся за мечъ, отъ меча погибнутъ».

— Мудрено что-то, — сказалъ Анна и сошелъ внизъ.

А народъ кричалъ: «Распни! Распни Его?»

Кровожадный звѣрь.

Передъ храмомъ Юпитера Латійскаго въ Римѣ встрѣтились два человѣка средняго класса.

Оба, остановившись, разглядывали новое сооруженіе, отличавшееся отъ всѣхъ другихъ и имѣвшее видъ зданія, потерпѣвшаго отъ землетрясенія. Цоколь напоминалъ собою зубчатую крышу, колонны были перевернуты вверхъ ногами, а крыша походила на фундаментъ съ маленькими подвальными окошечками.

— Вотъ мы и опять встрѣтились, Іудей, — сказалъ человѣкъ, похожій по внѣшности на римскаго купца. — Кажется, послѣдній разъ мы видѣлись съ тобою въ Яффѣ.

— Кажется, — отозвался Іудей. — Вѣдь Римлянъ встрѣчаешь теперь повсюду, и вездѣ они чувствуютъ себя какъ дома. Іудеевъ также встрѣчаешь повсюду, но нигдѣ они не чувствуютъ себя дома. Скажи пожалуйста, что это за храмъ?

— Это храмъ Кровожаднаго Звѣря, цезаря Калигулы — безумца, хищника, кровосмѣсителя; онъ самъ воздвигъ его себѣ; его собственная статуя стоитъ въ храмѣ, и божество ежедневно является и совершаетъ передъ ней жертвоприношенія.

И Римлянинъ осѣнилъ себя знаменіемъ, проведя указательнымъ пальцемъ правой руки по лбу сначала сверху внизъ, затѣмъ слѣва направо.

Иудей удивленно взглянулъ на него.

— Развѣ ты не Римлянинъ?

— Римлянинъ, но я Христіанинъ.

— Гдѣ же ты живешь?

— Въ подземельѣ, подъ Римомъ.

При этомъ Римлянинъ указалъ на люкъ, находившійся у его ногъ и похожій на отверстіе клоаки.

— Неужели ты живешь въ этомъ подземельѣ?

— Тамъ совершаются наши богослуженія, и сегодня мы празднуемъ Рождество Христово.

— Кажется кто-то идетъ по улицѣ, — сказалъ Иудей. Когда Римлянинъ открылъ люкъ, чтобы спуститься въ подземелье, изъ отверстія донеслись голоса хора!

«Есть Городъ, гдѣ не свѣтятъ ни солнце ни луна.

Небесный Свѣтъ разливается тамъ.

И свѣтъ тотъ Агнецъ!»

— Кто этотъ агнецъ?

— Иисусъ Христосъ, Спаситель міра.

— Неужели ты вѣришь, что міръ можетъ быть спасень, пока въ немъ существуютъ Калигулы...

— Міръ будетъ спасень, если въ нашихъ сердцахъ не перестанетъ теплиться надежда.

— Вы воспользовались обѣтованіемъ, даннымъ Израилю?

— Нѣтъ, мы унаслѣдовали обѣтованіе, данное Израилю, такъ какъ Христосъ былъ Израильтянинъ.

— Кто-то идетъ!

— Ну, прощай, мы еще встрѣтимся, вѣдь земля принадлежитъ намъ.

По стѣнѣ храма, называемаго народомъ «Опрокинутый мѣръ» пробирался человекъ, — казалось, опасавшійся удара въ спину, — съ лицомъ юноши, но безъ признака растительности на головѣ. Верхняя губа его, вздергиваясь слѣва, открывала длинный клыкъ, а въ то же самое время правый глазъ металъ искры, подобныя отравленнымъ стрѣламъ.

Пробираясь по стѣнѣ, онъ достигъ апсида, гдѣ помещалась статуя, изображавшая само это ужасное существо; все, включая его одежду, было передано безукоризненно.

— Жрецъ, ты здѣсь? — прошепталъ безумный цезарь. Отвѣта не послѣдовало.

— Жрецъ, мой милый жрецъ, я такъ боюсь, неужели ты не придешь?

Тогда появился жрецъ и упалъ на колѣни передъ цезаремъ, воздавая ему хвалу:

Jupiter, optimus, maximus, latioris, бойся своихъ враговъ!

— Развѣ у меня есть враги? Впрочемъ, конечно, есть, потому-то я и боюсь. Вѣришь ты, что я богъ.

— Вѣрю!

— Пусть грянетъ громъ и разсѣются враги мои!

Жрецъ ударилъ въ литавры, и гулъ разнесся по храму.

Цезарь ослабилъ, потомъ захохоталъ.

— Жрецъ, — воскликнулъ онъ, усаживаясь на тронъ, — теперь совершай жертвоприношеніе!

Жрецъ поджегъ маленькій жертвенникъ передъ безумцемъ.

— Хорошо пахнетъ!—сказалъ цезарь. — Теперь я владыка земли и неба. Въ моихъ рукахъ жизнь и смерть! Я повергаю въ Тартаръ и возношу въ Элизіумъ, вотъ какъ я могущественъ? Я укрошаю волны морей, я повелѣваю бурей, я направляю пути небесныхъ свѣтилъ. Я создалъ хаосъ, и родъ людской лежитъ у моихъ ногъ, начиная отъ дѣвственныхъ лѣсовъ Британіи до истоковъ Нила, невѣдомыхъ никому, кромѣ меня. Я произвелъ въ консулы моего любимого коня Индикота, и народъ призналъ его власть надъ собою. Жрецъ, молись мнѣ! Забылъ ты что ли, кто передъ тобою? Я тотъ, которому вѣчно будетъ поклоняться человечество! Гай, цезарь, Калигула, молюсь тебѣ, царь міра! Юпитеръ Логійскій Калигула!

И цезарь повергся на колѣни передъ статуей.

— Кто-то идетъ сюда!—предупредилъ жрецъ.

— Убей его!

— Это трибунъ Кассій Хэрея.

— Напугай его!

— Хэрею не испугаешь!

Трибунъ безъ всякихъ предупрежденій смѣло вошелъ въ храмъ.

— Гай цезарь, твоя жена умерла!

— Тѣмъ лучше, — отозвался цезарь.

— Твоему единственному ребенку разбили голову о стѣну.

— Вотъ такъ славно!—со смѣхомъ воскликнулъ цезарь.

— А теперь пришелъ и твой конецъ!

— Это невозможно. Я бессмертенъ.

— Я буду ждать тебя у храма. Пусть это случится не здѣсь!

— Ползи отсюда, муравей, гдѣ тебѣ достать до меня!

Изъ подземелья подъ храмомъ послышалось пѣніе, пѣль хоръ дѣтей.

— Выйдешь ли ты, наконецъ, собака, иначе я прикончу тебя здѣсь же!

Хэрея, ожидавшій у двери, потерялъ терпѣніе.

— Хэрея, — жалобно взмолился цезарь, — Хэрея, не убивай меня, я буду цѣловать тебѣ ноги!

— Цѣлуй, если хочешь, когда я наступлю тебѣ на горло.

И колоссъ, опрокинувъ тронъ и наступивъ на шею безумца, придавилъ ее пятою; языкъ высунулъ изъ глотки и среди предсмертныхъ мукъ продолжалъ лепетать ругательства.

* *
* *

Кровожадный Звѣрь обладалъ тремя головами; вторая его голова принадлежала Клавдію. Клавдій игралъ однажды въ кости съ другомъ своимъ Каемъ Силіемъ, извѣстнымъ красавцемъ и богачомъ.

— Слѣди за игрой, — шипѣлъ цезарь.

— Я слѣжу! — отвѣчалъ другъ.

— Нѣтъ, ты что-то разсѣянь. Гдѣ ты провелъ эту ночь?

— Я провелъ ее въ Субуррѣ.

— Не смѣй ходить въ Субурру, ты долженъ находиться при мнѣ. Слѣди за игрой!

— Я слѣжу; а на что мы съ тобой играемъ?

— Твоя ставка — жизнь.

— А твоя, цезарь?

— Моя — также твоя жизнь.

— И если ты проиграешь?

— То ты лишишься жизни!

Цезарь стукнулъ по столу кубкомъ отъ костей.

Появился секретарь Нарцисъ.

— Принеси мнѣ письменныя принадлежности, Нарцисъ.

— Противъ укуса змѣи, говорятъ, помогаетъ тиссовая смола...

— А противъ отравленія бѣшеницей?

— Противъ цыкуты? Такого средства нѣтъ. Слѣди за игрой, иначе я буду золъ.

— Сдѣлаться злымъ ты не можешь! — отвѣтилъ Силій.

— Твоя правда, я только такъ пошутилъ.

Вошла супруга цезаря Мессалина.

— Почему Силій сидитъ здѣсь и играетъ въ кости, когда онъ долженъ сопровождать меня въ театр?

— Онъ не смѣетъ уйти, — отвѣчалъ цезарь.

— Какъ ты смѣешь удерживать его, болванъ?

— Онъ мой рабъ, все человѣчество подвластно мнѣ, владыкѣ міра. Всѣ граждане Рима равны передъ Богомъ.

и мною, потому-то Римъ и считается самымъ демократическимъ государствомъ.

— Пусть онъ твой рабъ, но онъ мой супругъ!—сказала Мессалина.

— Твой супругъ? Но вѣдь супругъ твой, кажется, я?

— Да, такъ что же изъ этого?

— Значить ты осмѣлилась выйти замужъ, не спросивъ моего разрѣшенія?

— Да, а почему бы и не такъ?

— Что ни говори, а ты забавная женщина, Мессалина. Я тебѣ прощаю! Ступайте, дѣти мои, веселитесь. Нарцисъ поиграетъ со мною въ кости.

Но лишь только цезарь остался наединѣ съ своимъ секретаремъ, лицо его исказилось.

— Бѣги за ними, Нарцисъ!—прошипѣлъ онъ.—Да захвати съ собой Локусту и дай ей кубокъ. Я женюсь на Агриппинѣ!

Силій, едва захлопнулась за ними дверь, съ самымъ невиннымъ видомъ спросилъ супругу цезаря:

— Ты сама готовила шампиньоны къ ужину цезаря?

— Нѣтъ, я поручила приготовить ихъ Локустѣ, она большая мастерица въ этомъ дѣлѣ!

* * *

Третья голова Кроважаднаго Звѣря принадлежала Нерону. Онъ, въ качествѣ достойнаго сына Агриппины, отравилъ своего своднаго брата Британика, умертвилъ свою мать и жену и въ концѣ концовъ торжественно обвѣнчался съ однимъ гладиаторомъ. Онъ фабриковалъ фальшивыя деньги, разграблялъ храмы, совершилъ однажды артистическое путешествіе по Греціи... и, выступая сначала въ качествѣ артиста, привезъ домой восемьсотъ лавровыхъ вѣнковъ, затѣмъ въ качествѣ извозчика, при чемъ опрокидывалъ своихъ сѣдоковъ и несмотря на это требовалъ съ нихъ плату, пользуясь тѣмъ, что никто не осмѣлился бы ему отказать.

Самъ Клавдій казался ангеломъ по сравненію съ этимъ чудовищемъ, а нравы Рима и Греціи находились при немъ на самомъ низкомъ уровнѣ. Неронъ также былъ причисленъ къ богамъ.

Только что вернувшись изъ Греціи, цезарь засталъ свою столицу въ пламени. Въ пьяномъ видѣ, возмущаясь узкими улицами и жалкими постройками своего старомоднаго Рима, онъ самъ зачастую высказывалъ желаніе поджечь городъ со всѣхъ концовъ, и теперь ему пришла въ голову мысль о поджогѣ.

Цезарь сидѣлъ въ своемъ дворцѣ на Эсквилинскомъ холмѣ въ обширной залѣ съ колоннами и любовался картиной пожара.

Въ мраморномъ залѣ было пустынно: цезарь боялся мебели, могущей служить засадой для убійць. Но на заднемъ планѣ зала была устроена двойная золоченая рѣшетка, за которой сидѣли два ливійскихъ льва съ огненными гривами. Цезарь называлъ ихъ своими котятми.

У рѣшетчатой двери стояли двое рабовъ—Палладій и Александръ, и оба внимательно слѣдили за перемѣнами выражений на лицѣ своего господина.

— Онъ улыбается, — прошепталъ Палладій, — значитъ намъ не сдобровать. — Братъ мой, не горюй, мы еще свидимся! Молись за меня и давай поцѣлуемся на прощаніе!

— Да помилуетъ тебя Господь и да откроетъ тебѣ врата Царствія Своего! Преходящее будетъ вѣчнымъ и смертное безсмертнымъ!

Лицо цезаря, багровое отъ вина и бликовъ пламени, начало постепенно расплываться, а судя по глазамъ и ушамъ, можно было угадать, что онъ къ чему-то прислушивается. Быть можетъ къ крикамъ толпы, называвшей имя поджигателя.

— Палладій, — вдругъ зарычалъ онъ, — Римъ объять пламенемъ!

Рабъ онѣмѣлъ отъ ужаса.

— Палладій, ты оглохъ что ли?

Отвѣта не послѣдовало.

— Палладій, ты онѣмѣлъ? Они говорятъ тамъ внизу, будто я поджогу городъ, — это неправда! Выбѣги на улицу и крикни, что подожгли христіане!

— Нѣтъ, этого я не слѣлаю! — отвѣчалъ рабъ.

Неронъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Развѣ ты не знаешь, что христіане колдуны и словно крысы живутъ въ могильныхъ склепахъ подъ землею, весь Римъ покоится на нихъ! Мнѣ ужъ приходило въ голову отвести туда Тибръ и разомъ затопить ихъ всѣхъ или же, взломавъ стѣну клоаки, залить ихъ катакомбы нечистотами. Ихъ пророческія книги возвѣщаютъ

гибель Рима, онъ называется въ нихъ Вавилономъ! Смотри, вонъ занимается Капитолій! Палладій, выбѣги на улицу и крикни, что христіане подождли Римъ!

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю,—громко и внятно произнесъ Палладій,—не сдѣлаю, потому что это ложь!

— Значить я не ослышался! — заревѣлъ цезарь, вставъ на мѣстѣ.—Если ты отказываешься бѣжать въ городъ, то отправляйся за эту желѣзную рѣшетку и поиграй съ моими котятками.

— Александръ!—громко произнесъ Палладій.—Я молю Бога, чтобы онъ ниспослалъ тебѣ мужество и вѣру.

— Вѣрю, что Спаситель живъ, что онъ не оставитъ меня своею милостію, а приобщитъ къ жизни вѣчной!

— Что это за разговоръ?—спросилъ цезарь, потянувъ за канатъ, прикрѣпленный ко второй рѣшетчатой двери.

— Александръ, отправляйся въ городъ и распространи слухъ, что христіане подождли его!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ,—потому что я самъ вѣрю во Христа,

— Откуда онъ явился?

— Господь, возлюбя людей, послалъ на землю едиnorodнаго Сына Своего Иисуса Христа, и каждый, увѣровавшій въ Него, не погибнетъ, а наслѣдуетъ жизнь вѣчную.

— Неужели ты не погибнешь, если я прикажу тебя уничтожить?

— Ты не можешь этого сдѣлать; жизнь человѣческая находится въ рукахъ Божьихъ.

— Вотъ какъ, онъ не боится смерти! Лентуль! Дай-ка сюда огня; я подожду его одежды, и тогда посмотримъ, сгорятъ онѣ или нѣтъ. Я подожду тебѣ волосы, ногти;

впрочемъ, предварительно мы обольемъ тебя смолой, погрузимъ въ масло и сѣру и увидимъ, какъ ты послѣ этого наслѣдуешь жизнь вѣчную? Лентулъ!

Лентулъ вбѣжалъ въ комнату.

— Господинъ мой, въ городѣ возстаніе, спасайся!

— Спасаться?—Нѣтъ, сначала дай сюда огня!

— Поднялись испанскіе легіоны, и Гальба провозглашенъ царемъ!

— Гальба! О, проклятье!.. Гальба! Тогда надо бѣжать, но куда?

— Въ катакомбы, господинъ мой!

— Нѣтъ, тамъ живутъ христіане, они меня убьютъ.

— Они никого не убиваютъ,—сказалъ Александръ.

— Даже своихъ враговъ?

— Они молятся за своихъ враговъ.

— Значитъ они сумасшедшіе! Тѣмъ лучше!

Христіане собрались въ одной изъ камеръ своего подземелья.

— Капитолій горитъ; этотъ Сіонъ языческій,—сказалъ Александръ.

— То Господь Саваооу мститъ за разрушеніе Іерусалима!

— Не надо говорить мститъ—караетъ.

— Мнѣ послышался шорохъ въ коридорѣ.

— Идетъ кто-нибудь изъ братьевъ!

— Нѣтъ, онъ бы склонился передъ распятіемъ.

— Быть можетъ палачъ!

Появился цезарь, оборванный, грязный; лобъ его былъ

перевязанъ носовымъ платкомъ. Приблизившись къ христіанамъ, которыхъ онъ, судя по ихъ бѣлымъ мантиямъ, принялъ за Грековъ, цезарь казался спокойнымъ и заговорилъ:

— Вы Греки?

— Здѣсь нѣтъ ни Грековъ, ни Іудеевъ, ни Варваровъ, ни Скифовъ, ни слугъ, ни господъ. Всѣ мы братья во Христѣ. Добро пожаловать, братья наши!

— Это Кровожадный Звѣрь!—промолвилъ Александръ.

Цезарь узналъ своего бѣжавшаго раба и въ ужасѣ упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Не убивай меня! Я несчастный каменщикъ, лишившійся разсудка. Скажи куда мнѣ итти—направо или налево, чтобы выбраться отсюда.

— Ты узналъ меня?—спросилъ Александръ.

— Ты Александръ! — отвѣтилъ цезарь.

— Я тотъ, кого ты собирался поджечь! Тотъ самый,

— О, пощади! Не убивай меня!

— Встань, цезарь! Въ жизни и смерти воленъ одинъ Богъ.

— Ты прощаешь мнѣ?

— Тебѣ дадутъ проводника.

— Не нужно, скажи только направо или налево мнѣ итти?

— Налево!

— А ты не лжешь?

— Я никогда не лгу! Вотъ видишь ли, какъ мы не похожи другъ на друга!

— А почему ты не лжешь? Я бы солгалъ на твоемъ мѣстѣ!

Цезарь успокоился и пошелъ куда указано. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, обернулся и произнесъ:

— Фу, рабы, теперь вы мнѣ ни на что болѣе не нужны.

Была бурная ночь, когда Неронъ въ сопровожденіи юноши Спора и нѣсколькихъ рабовъ достигъ помѣстья своего вольноотпущенника Фаона.

Фаонъ не осмѣлился пріютить у себя цезаря и посоветовалъ ему спрятаться въ глинокопнѣ. Цезарь не пожелалъ лѣзть подъ землю, а спрыгнулъ въ прудъ и, слышавъ приближеніе своихъ враговъ, погрузился въ воду. Онъ услышалъ, какъ мчавшіеся мимо враги его говорили, что онъ приговоренъ къ смерти подъ ударами плетей.

Тогда, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ воткнулъ себѣ кинжалъ въ сердце.

Его кормилица и въ то же время любовница Актея похоронила его въ саду на склонѣ горы Пинчіо. Римляне чтили его память и осыпали могилу его цвѣтами.

Но христіане, видѣвшіе въ немъ Кровожаднаго Звѣря, считали его антихристомъ Апокалипсиса.

Апостатъ.

Триста слишкомъ лѣтъ миновало по Рождествѣ Христовомъ, и міровыя событія перенеслись съ береговъ Средиземнаго моря на востокъ. Греція почилъ вѣчнымъ сномъ, Римъ превратился въ руины и представлялъ изъ себя вассальное государство, Александрія на Дельтѣ Нила пришла въ полный упадокъ. Столица міра обрѣталась теперь на Черномъ морѣ, являлась отчасти центромъ, привлекавшимъ переселенцевъ съ сѣвера, и называлась Византіей или, послѣ Константина Великаго, — Константинополемъ. Языческій міръ лежалъ поверженный во прахъ, а христіанство превратилось въ господствующую религію. Но духъ христіанства не проникъ въ плоть и кровь новой имперіи; несмотря на то, что ученіе получило право гражданства и широко распространилось, при дворѣ жили даже болѣе развратно, нежели во времена язычества, а ступени, ведущія къ Византійскому трону, продолжали орошаться кровью.

Но пока Европа передвигалась на востокъ, новыя завоеванія совершались на западѣ и сѣверѣ. Римляне основали пятьдесятъ городовъ по берегамъ Рейна, и вся Галлія, во времена цезарей, находилась подъ владычествомъ римлянъ: молилась ихъ богамъ и посѣщала ихъ храмы.

Ввести христіанство въ Галліи представлялось крайне затруднительнымъ.

Религія Друидовъ, исповѣдуемая народонаселеніемъ, только что была запрещена цезаремъ Клавдіемъ, и на мѣсто ея водворена римская. Нововведеніе, непосредственно слѣдующее за первымъ, могло возбудить недовольство. При томъ же Галлія находилась на пути къ освобожденію, на почвѣ котораго обѣщало возникнуть нѣчто новое.

Въ царствованіе Констанція появились опасности и съ другой стороны, по отношенію къ вновь основаннымъ галльскимъ провинціямъ: германскія племена, Франки и Аллеманы, зарились на богатую страну, гдѣ по склонамъ горъ были разбросаны виноградники, а долины изобиловали злаками.

Чтобы удержать лучшую провинцію, а быть можетъ и изъ какихъ-либо другихъ видовъ, послалъ цезарь своего двоюроднаго брата и зятя Юліана усмирить Германцевъ.

Юліанъ, получившій воспитаніе въ монастырѣ и обладавшій университетскимъ образованіемъ, повидимому, понималъ военное дѣло и, усмиривъ узурпаторовъ, направился къ Лютеціи.

* * *

Легіоны поднялись на Монмартръ, называемый также и Мартирорезмомъ. Во главѣ ихъ шелъ незначительный че-

ловѣкъ съ бородой философа — то былъ Юліанъ, провозглашенный цезаремъ, но пока еще не императоръ.

На вершинѣ горы возвышался храмъ Марса; онъ былъ заколоченъ. Пока разбивались палатки, Юліанъ озираетъ съ вышины невѣдомый ему дотолѣ городъ.

Между двумя рукавами Сены находился островъ и расположился городъ съ храмомъ Юпитера; дворецъ и амфитеатръ помѣщались на склонѣ горы Парнаса на лѣвомъ берегу рѣки.

Отъ времянъ цезаря, на протяженіи трехсотъ лѣтъ дворецъ этотъ былъ временной резиденціей королей, и лишь за послѣднее время Константинъ Великій и Констанцій перенесли ее въ Лютецію, или Парижъ.

Задумчиво смотря на долину, окаймленную рѣкой, цезарь сказалъ:

— Чудный городъ! Вѣдь это Римъ! Рѣка, долины, семь или болѣе холмовъ, точь въ точь какъ въ Римѣ; развѣ вамъ не кажется, что мы стоимъ на Капитоліи; напротивъ гора Парнасъ — нашъ Яникулъ; тамъ на сѣверѣ гора Валеріана — или нашъ Ватиканъ. А этотъ городъ-островъ! Онъ походитъ на корабль, будто островъ Табро, гдѣ воздвигнуть обелискъ, изображающій мачту, такъ поразительно сходство. Но цезарь былъ слишкомъ оригиналенъ, чтобы подражать! Теперь перенесли Римъ въ Византію, Римъ же подобенъ червю; разрѣжь его на двѣ половины, и каждая изъ нихъ будетъ жить своей особой жизнью. Что ты на это скажешь, Максимъ?

— Городъ семи холмовъ и семи императоровъ былъ Римъ; сколько императоровъ будетъ здѣсь, никому невѣдомо.

— Миѣ никогда не приходило въ голову,—возразилъ Юліанъ,— что въ Римѣ было лишь семь императоровъ, по числу его холмовъ... странное совпаденіе!

Мистикъ Максимъ въ качествѣ философа, дающаго опредѣленное теченіе мыслямъ цезаря, сопровождалъ его всюду, подобно софисту Приску.

— Совпаденій не существуетъ, цезарь; все рѣшено и вычислено, все создано съ опредѣленной цѣлью; въ полной гармоніи находятся между собою небесное пространство и земной шаръ...

— Этому ты научился въ Египтѣ, — перебилъ его Юліанъ, — египтяне видятъ свой Нилъ въ созвѣздіи Эриданъ. Интересно знать, подъ какимъ созвѣздіемъ находится Лютеція.

— Подъ Андромедой, подобно Риму,—отвѣчалъ Максимъ,— но Персей покровительствуетъ священной землѣ, и Альгаль звѣзда Іерусалима.

— Зачѣмъ зовешь ты священной эту проклятую страну? — перебилъ его Юліанъ, терявшій самообладаніе, лишь только разговоръ касался христіанства; онъ ненавидѣлъ его.

— Я зову священной страну, ставшую колыбелью Спасителя міра. Какъ тебѣ извѣстно, его рожденіе было чудесно, подобно рожденію Персея! Тебѣ извѣстно также, что Персей освободилъ Андромеду, а Іисусъ Христосъ освободить Римъ и Лютецію.

Юліанъ молчалъ; онъ, въ качествѣ неоплатоника, былъ склоненъ къ вѣчнымъ символамъ, и поэтическій образъ говорилъ ему болѣе, нежели риторическая фигура.

Воспитанный въ монастырѣ христіанскими пастырями, онъ рано познакомился съ ученіемъ Христа; философски

образованный, онъ зачастую убѣждался въ томъ, что зачатки христіанскаго ученія заключались еще въ философіи Сократа и Платона, а познакомившись съ ученіемъ неоплатониковъ, увидѣлъ, что оно ничуть не противорѣчитъ новому ученію. Но, несмотря на это, безграничная ненависть загорѣлась въ немъ по отношенію къ этимъ послѣдователямъ Галилеянина, желавшимъ водрузить всюду свое знамя, объединивъ подъ нимъ всю мудрость бывшихъ временъ. Ему они представлялись грабителями.

Что Христосъ былъ сынъ Божій, казалось ему вполне естественнымъ: какъ пантеистъ, онъ вѣрилъ, что души всѣхъ людей происходятъ отъ Бога и составляютъ часть Божества. Признавая символъ вѣры, принятый недавно на Никейскомъ соборѣ, признавая, что сынъ единокровенъ отцу, онъ толковалъ все это по-своему. Чудеса совершались ежедневно, но волшебники также съ успѣхомъ продѣлывали ихъ. Грѣхопаденіе онъ также признавалъ: еще Платонъ училъ, что душа находится во власти плоти, грѣховной плоти, которую мы должны побѣдить. То же самое говорилъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ: «Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю». И дальше: «По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ чувствую иной законъ, противоборствующій закону ума моего... Жалкій я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла, обреченнаго смерти?» Въ словахъ этихъ слышалась жалоба мыслящаго и чувствующаго существа; жалоба на оковы тѣла, отвращеніе человѣка къ самому себѣ.

Юліанъ, какъ глубоко проникающій и высоко парящій

духъ, чувствовалъ на себѣ эти оковы плоти и съ честью выходилъ изъ борьбы съ ними. Выросши среди убійць и развратниковъ, среди неслыханной роскоши византійскаго двора, гдѣ онъ, къ слову сказать, имѣлъ тысячу цырюльниковъ и тысячу поваровъ, онъ быстро упразднилъ всю эту роскошь и жилъ какъ истый христіанинъ, ведя аскетическій образъ жизни, благородный въ своихъ помыслахъ и поступкахъ. Оковы плоти или грѣхи онъ признавалъ вполне, но не видѣлъ и признака грядущаго освобожденія при помощи Христа.

Триста лѣтъ минуло по Рождествѣ Христовомъ, а жизнь становилась все порочнѣе. Христіане, въ особенности же его дядя Константинъ Великій, жили хуже, чѣмъ язычники; а когда юноша для провѣрки новаго ученія мысленно обратился къ Христу, какъ къ Богу, молитва его не была услышана.

Когда же онъ повѣдалъ свое горе религиозному Евсевію, тотъ отвѣтилъ:

— Будьте терпѣливы и крѣпки въ вѣрѣ! Продолжайте молиться.

Но юноша возразилъ:

— У меня нѣтъ терпѣнія!

Евсевій продолжалъ:

— Освобожденіе наступитъ, но не въ наше время. Тысячелѣтія протекаютъ какъ одинъ день для нашего Владыки Господа! Потерпи дней пять, тогда увидишь!

— Я не хочу терпѣть,—волновался юноша.

— Такъ говорятъ нечестивцы. Но, видишь ли, нетерпѣніе—это одно изъ адскихъ мученій, и ты самъ создаешь адъ въ своей душѣ, потворствуя нетерпѣнію!

Юліанъ ненавидѣлъ Христа, самъ не зная за что. Не философы научили его этому, такъ какъ они приспособили свое ученіе къ христіанству. Примитивныя возраженія Цельза также не могли имѣть вліянія на культурное сознаніе Юліана.

Евсевій такъ объяснялъ ненависть своего ученика ко Христу: кровь язычника течетъ въ его жилахъ. Онъ Иллиріецъ по происхожденію; онъ другой породы, чѣмъ мы. Или быть можетъ гордость и честолюбіе его такъ безграничны, что не допускаютъ вѣры въ могущество Единого Духа. Онъ самъ живетъ какъ Христосъ и учитъ тому же, чему училъ Христосъ, несмотря на то, что ненавидитъ Христа.

* * *

Между тѣмъ Цезарь, желая скрыть свой гнѣвъ, приблизился къ маленькому храму Марса. Зданіе представляло изъ себя руину, двери были растащены, колонны развалились.

Войдя въ храмъ, онъ увидѣлъ въ абсидѣ статую Марса, работы хорошаго греческаго скульптора Арея. Носъ у нея былъ отбитъ, нѣсколькихъ пальцевъ не доставало, и вся поверхность ея была загрязнена.

— Это дѣло рукъ Галилеянъ!—сказалъ Юліанъ,—но имъ это даромъ не пройдетъ.

— Они уже и такъ поплатились за это жизнью!—сказалъ Максимъ.—Діонисъ былъ обезглавленъ на этомъ холмѣ, ему поставлена часовня тамъ внизу, на склонѣ горы.

— Ты также Галилеянинъ?

— Нѣтъ, но я люблю справедливость!

— Справедливость и ея покровительница Астрея покинули землю съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка; Астрея превратилась въ звѣзду и сіяетъ теперь лишь на небѣ.

— Какъ одно изъ созвѣздіи зодіака,—вмѣшался Прискъ; мнѣ кажется, всѣ мы живемъ подъ знаками зодіака, гдѣ же тутъ мѣсто справедливости!

Шумъ доносился со стороны лагеря, а Юліанъ, взобравшись на груды камней, сталъ наблюдать за происшедшимъ.

Вся сѣверо-восточная часть Марсовой горы была усѣяна солдатами, а внизу въ долинѣ красовались палатки, и горѣли костры. Легіоны состояли изъ представителей всевозможныхъ національностей. Тутъ были Римляне, Греки, Египтяне, Кельты, Евреи, Персы, Афганцы, Скионы, Германцы, Бритты и Галлы. Всѣ эти толпы находились въ движеніи и казались роемъ жужжащихъ комаровъ.

— Что значить это волненіе?—спросилъ Юліанъ. Маленькій колоколъ часовни Діониса звонилъ Angelus, и христіане пали на колѣни, тогда какъ язычники продолжали стоять или же заниматься своимъ дѣломъ. Христіане сочли это для себя обидой, язычники были также очевидно обижены.

— Эта религія,—сказалъ Юліанъ,—лишь поселяетъ вражду, проповѣдуя объединеніе. Если бъ Вселенскіе соборы вмѣсто, того чтобы узаконить новое вѣроисповѣданіе, отрѣ-

шившись отъ всякой формальности, объявили бы свободу способамъ служенія Всевышнему, всѣ народы пали бы ницъ передъ Невѣдомымъ. Поглядите на этихъ христіанъ! Во всеоружіи закона они забрали теперь власть въ свои руки и принуждаютъ язычниковъ молиться своему Галилеянину! Но я совсѣмъ не желаю имъ потворствовать. Я стремлюсь объединять народы, но не предписывать имъ вѣроисповѣданіе. Пойдемте въ городъ, мнѣ не хочется вмѣшиваться въ это дѣло.

Нѣсколько христіанскихъ трибуновъ приблизились къ цезарю съ видимымъ намѣреніемъ пожаловаться, но онъ махнулъ рукой, въ знакъ того, чтобы они удалились, потому что разговаривать съ ними онъ былъ не расположенъ.

Юліанъ въ сопровожденіи своихъ философовъ пѣшкомъ направился къ Лютеціи. Ни генераловъ, ни другихъ представителей команды онъ съ собой не захватилъ, такъ какъ никому изъ нихъ не довѣрялъ.

Новый городъ дѣйствительно представлялъ изъ себя Римъ въ миниатюрѣ. Хижины, крытыя соломой, преобладали, но имѣлось нѣсколько храмовъ, часовенъ, префектуры, форумъ и амфитеатръ. Форумъ, или рынокъ, былъ обнесенъ колоннами, между которыми помѣщались палатки торговцевъ и мѣняль; по другую сторону находилось небольшое зданіе префектуры, гдѣ жили эдилъ и квесторъ.

Никѣмъ незамѣченный и никому неизвѣстный цезарь направился въ префектуру. Въ вестибюль ея красовались христіанскіе символы: крестъ, рыба, добрый пастырь и т. д.

Зная, что христіанство было господствующей религіей, цезарь испытывалъ противъ него такую непобѣдимую ненависть, что не могъ даже равнодушно видѣть ихъ сим-

воловъ. Онъ вышелъ изъ префектуры и, позвавъ префекта, приказалъ ему указать себѣ дорогу къ дворцу, расположенному на лѣвомъ берегу рѣки.

Тамъ онъ занялъ одну изъ самыхъ простыхъ комнатъ, напоминавшую монашескую келью.

Такъ какъ онъ много колесилъ по свѣту съ тѣхъ поръ какъ покинулъ Византію, а также не мало времени употребилъ на укрощеніе Франковъ и Аллемановъ, то во дворцѣ на его имя имѣлись письма и между прочимъ письмо отъ императора, доставившее большую неприятность Юліану.

Отношеніе императора къ своему двоюродному брату Юліану всегда было отчасти двусмысленное, почти враждебное; теперь же, послѣ выигранныхъ Юліаномъ сраженій, зависть и опасенія овладѣли духомъ византійскаго деспота. Письмо содержало въ себѣ приказъ вернуть легіоны, такъ какъ война окончена.

Юліанъ предвидѣлъ опасности, грозившія вновь завоеваннымъ провинціямъ, оставленнымъ на произволь судьбы, но чувство долга и внутренняя порядочность диктовали повиновеніе, и онъ, безъ дальнѣйшихъ размышленій по этому поводу, отправилъ высочайшій приказъ въ лагерь.

Это случилось въ вечеръ перваго дня.

На слѣдующій день Юліанъ въ сопровожденіи своихъ ученыхъ друзей отправился на прогулку.

Сойдя съ проѣзжей дороги, они медленно поднимались на гору Парнасъ и, наконецъ, вступили въ дубовую рощу, растущую по его сѣверному склону.

Среди безконечныхъ философствованій и споровъ они забыли о времени и мѣстѣ и углублялись все дальше и дальше въ лѣсную чашу.

Наконецъ общество выбралось на поляну, спугнувъ стадо пасущихся на ней козь, и размѣстилось на грудѣ камней, по странной случайности расположившихся въ формѣ круга.

Среди дубовъ они замѣтили высокій кустарникъ, листва котораго была мѣстами совершенно другой окраски, и мѣсто это они приняли за птичьи гнѣзда.

— Никогда не видывалъ такого множества вороньихъ гнѣздъ,—замѣтилъ цезарь.

— Это не вороньи гнѣзда, ваше величество,—возразилъ Элезаръ, исполнявшій роль секретаря.— Это священная омега, растущая на дубахъ, и благодаря вліянію космическихъ силъ принявшая округленную форму, присущую землѣ и другимъ тѣламъ небеснымъ.

— Развѣ это...

— Да, и кажется мы зашли въ священную рощу, гдѣ совершаютъ свои жертвоприношенія Друиды, несмотря на то, что культъ этотъ воспрещенъ закономъ.

— Воспрещенъ, несмотря на свободу вѣроисповѣданія, возвѣщенную въ приказѣ императора!

Юліанъ не любилъ намековъ на эту свободу, позволяющую христіанамъ всюду водворять свою религію. Онъ

всталъ, за нимъ поднялось и все общество, и они пошли дальше.

Вскорѣ они подошли къ Сювенѣ и ея виноградникамъ; смоковницы и персиковыя деревья росли вдоль изгороди. Взобравшись на холмъ, они увидѣли передъ собою всю долину Сены съ ея лугами, садами и виллами.

— Вотъ она, благословенная земля Ханаана!—воскликнулъ Юліанъ, пораженный очаровательнымъ пейзажемъ.

На противоположномъ берегу рѣки возвышалась гора Марсъ съ ея храмами и часовнями; на пустыхъ пространствахъ мѣстами бѣлѣла известь, и они казались издали палатками, подобными тѣмъ, что въ невѣроятномъ количествѣ были разбиты на вершинѣ горы.

Философы долго стояли, созерцая эту картину, какъ вдругъ раздался шумъ, напоминавшій приближеніе грозы.

Но небо было безоблачно, и свита въ недоумѣніи стала прислушиваться.

Гулъ перешелъ въ крики, затѣмъ ревъ; послышался стукъ мечей.

Теперь, казалось, вся гора Марсъ закишѣла народомъ; она стонала отъ основанія до вершины, и бѣлыя искры сыпались изъ нея. Будто потокъ помчалось это нѣчто живое и сверкающее съ горы по направленію къ городу.

Тогда только они поняли.

— Легіоны взбунтовались, — воскликнулъ Максимъ.

— Это слѣдствіе эдикта!

— Они ищутъ цезаря!

— Благоразумные вернутся и направятся домой.

Общество направилось по берегу рѣки противъ теченія, чтобы не терять изъ виду легіоны.

Съ возрастающей силой мчался темный потокъ, сверкая оружіемъ и металлическими шлемами.

Ускоривъ шаги, путешественники достигли дворца, гдѣ происходило сильное волненіе.

Юліанъ былъ отъ природы человѣкъ мужественный, но застѣнчивость, свойственная мыслителю, зачастую внушала ему страхъ передъ открытымъ выступленіемъ. Черезъ купальню онъ прошелъ въ свою одинокую комнату, въ ожиданіи дальнѣйшаго хода событій. Онъ зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, томимый безпокойствомъ, какъ будто именно теперь наступалъ рѣшительный моментъ его жизни.

И вотъ случилось то, чего онъ ожидалъ.

Послышались крики со двора:

— Да здравствуетъ цезарь Юліанъ императоръ!

— Мы избираемъ Юліана своимъ императоромъ!

— Корона принадлежитъ Юліану!

— Смерть Константину, убійцѣ и нѣженкѣ!

Сомнѣнія не было! Легіоны провозгласили Юліана императоромъ, такъ какъ они не желали покидать страну, завоеваніе которой стоило имъ столькихъ жизней.

Юліанъ, не домогавшійся власти, боявшійся отвѣтственности, рѣшилъ было воспротивиться, но послы отъ войска стали предостерегать его:

— Если ты откажешься, то тебя убьютъ!

— Кто не осмѣливается владычествовать, тотъ будетъ поверженъ во прахъ!

И вотъ Юліанъ сдѣлался владыкой громаднаго государства, простиравшагося отъ береговъ Чернаго моря до Атлантическаго океана.

Ночь, послѣдовавшую за этимъ днемъ, императоръ провель въ раздумьѣ; и когда по утру, принявши ванну, онъ вышелъ къ своимъ друзьямъ, то какъ бы переродился. Онъ яко бы сбросилъ маску и появился съ новымъ лицомъ, полнымъ новаго выраженія, почти неузнаваемымъ. Несмотря на прямоту своей натуры, Юліанъ, подобно Константину, принужденъ былъ вѣчно лицемѣрить, покровительствуя и подчиняясь новой христіанской религіи, которую не признавалъ и ненавидѣлъ. Да, его почти принудили признать троичность лицъ божества, божественное происхожденіе Іисуса, посѣщать службы, соблюдать посты. Теперь же, ставъ властелиномъ; онъ не замедлилъ воспользоваться своей свободой и явился такимъ, какимъ былъ.

Первымъ его поступкомъ явилось отдѣленіе овецъ отъ козловъ, такъ какъ, обособивъ Галилеевъ, онъ создалъ ихъ собственные легіоны, яко бы для облегченія христіанамъ исполненія ихъ религіозныхъ обрядовъ. Въ то же время онъ окружилъ себя исключительно язычниками всевозможныхъ національностей: Евреями, Сирійцами, Персами и Скиѣами; словомъ, къмъ угодно, только не христіанами.

Немедленно облекся въ пурпуръ и золото, увѣнчалъ голову сверкающей короной императора, подрѣзалъ и позолотилъ бороду и не показывался народу иначе, какъ верхомъ на конѣ, окруженный блестящей свитой.

Затѣмъ, принявъ присягу народа, онъ рѣшилъ для торжественнаго дня устроить театральное представленіе. Пред-

полагалось исполнить популярную въ то время трилогію Эсхила «Прометей». Актеровъ онъ привезъ съ собой, а театръ былъ къ его услугамъ. Слухи объ этомъ вскорѣ распространились по городу и были съ восторгомъ встрѣчены язычниками и смущенно христіанами. Грубый народъ ожидалъ, конечно, состязанія гладіаторовъ или травли звѣрей, но примирился и на театральномъ представленіи.

День насталъ, и городъ блисталъ праздничнымъ убранствомъ. Представленіе должно было длиться весь день безъ перерывовъ для ѣды; и такъ какъ весна была холодная, съ перемѣнной погодой, то каждый долженъ былъ застаться кукуллой — родъ широкаго короткаго плаща съ капюшономъ, что являлось положительной необходимостью, такъ какъ театръ находился подъ открытымъ небомъ.

Цезарь, съ этого времени Августъ, явился къ назначенному времени въ театръ въ сопровожденіи своихъ философовъ, мѣста которыхъ находились въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ цезарь сидѣлъ въ царской ложѣ, куда повелѣлъ явиться префекту, эдилу и квестору.

Онъ былъ нѣсколько удивленъ, не найдя на своихъ мѣстахъ представителей города, а такъ какъ театральныя представленія находились въ вѣдѣніи эдила, то начать безъ него не рѣшались.

Народъ общимъ вставаніемъ привѣтствовалъ появленіе цезаря, а нѣкоторые трибуны прокричали «ура», затѣмъ послѣдовало неловкое молчаніе, и всѣ съ холоднымъ любопытствомъ разглядывали особу императора.

Наконецъ послѣдній, уставъ отъ ожиданія, позвалъ своего секретаря еврея Элезара и приказалъ ему немедленно

отправиться въ префектуру и справиться о причинѣ такого запозданія, самъ же подалъ знакъ къ началу представленія.

Актеры появились и по обычаю древнихъ совершили жертвоприношеніе, служившее прологомъ къ каждой трагедіи. Такъ какъ кровавыя жертвы были упразднены въ религиозныхъ обрядахъ всѣхъ религій, даже іудейской, по разрушеніи храма въ царствованіе Тита, 70 лѣтъ спустя по Рождествѣ Христовомъ, то это необычное зрѣлище вызвало всеобщее любопытство. Легіонеры привыкли видѣть кровь, но граждане и ихъ жены отвернулись въ моментъ закланія козла, приносимаго въ жертву Діонису.

Причину, заставившую Юліана воскресить этотъ древній обрядъ, предполагали въ его благомъ намѣреніи объединить всѣ религиозныя воззрѣнія, проникнуть въ философскій смыслъ обрядовъ каждой религіи. Жертва являлась даромъ, какъ бы символомъ величайшей благодарности, но въ словахъ мистика Максима императоръ почерпнулъ еще ту мысль, что кровь есть источникъ жизни, и видъ ея обладаетъ таинственной силой поднимать человѣческій духъ, подавляя въ немъ низменныя стремленія.

Дитя проливаетъ кровь матери, рождаясь на свѣтѣ, и священное закланіе должно служить символомъ страданій, сопутствующихъ рожденію человѣка. На могилахъ полководцевъ убивали рабовъ, и даже при Юліи Цезарѣ Римляне для одного исключительнаго случая заклали триста плѣнныхъ. Руководствуясь этими и имъ подобными философскими соображеніями, Юліанъ пошелъ по пути, приведшему его къ гибели.

Послѣ жертвоприношенія, возбудившаго смѣхъ среди солдатъ и слезы среди женщинъ, началось представленіе

на языкѣ его автора. По-гречески говорили всѣ образованные люди, начиная отъ Палестины до Галліи; люди же необразованные не понимали языка и не могли слушать со вниманіемъ.

Когда хоръ вторично вышелъ на сцену, появился посоль Элеазаръ.

— Порученіе я исполнилъ, — сказалъ онъ. — Епископъ Сены, старшій священнослужитель Галльской церкви, явился въ городъ и служитъ мессу въ храмѣ. Всѣ представители города находятся тамъ и приносятъ свои извиненія императору; они думаютъ, что цезарю извѣстно нежеланіе христіанъ посѣщать театральныя представленія, и ссылаются на свободу вѣрованій.

Цезарь поблѣднѣлъ.

— Хорошо! Они мнѣ за это заплатятъ! А теперь, Еврей Элеазаръ, садись со мною рядомъ и давай поболтаемъ. Актеры непозволительные, и я не выношу ихъ греческаго произношенія.

Элеазаръ сталъ было возражать, но цезарь не терпѣлъ возраженій.

Такъ протекло до-обѣденное время, и когда окончилась первая часть трилогіи, многіе изъ публики, повидимому, желали удалиться, но всѣ выходы были заперты, такъ какъ играть передъ пустой залой было бы неловко, да къ тому же и являлось бы оскорбленіемъ для императора.

Но недовольство публики возрастало съ каждой минутой, всѣ устали и проголодались.

Присутствіе Еврея въ царской ложѣ также подѣйствовало неблагопріятно. Не потому, чтобы Евреевъ ненави-

дѣли; такое отношеніе къ нимъ возникло лишь много позднѣе, во времена Крестовыхъ походовъ. Въ первые вѣка христіанства Іудевъ не чуждались, такъ какъ думали, что новое ученіе явилось изъ Іудей и есть не что иное, какъ продолженіе ученія Моисея. Поэтому не происхожденіе Элезара заставляло публику косо смотрѣть на него, а скорѣе его невзрачная вѣншность и невысокое положеніе. Это было принято также за вызовъ по отношенію къ христіанамъ въ особенности, такъ какъ Евреи считались чужеземцами и язычниками.

Когда во второй части трилогіи Прометей былъ прикованъ къ скалѣ, актеръ, исполнявшій его роль, желая изобразить Распятаго, принялъ Его позу, раскинувъ руки и опустивъ голову на грудь.

Тогда публика, заинтересованная зрѣлищемъ, не понимая языка и не будучи знакома съ миѳологіей, вообразила, что на сценѣ представляютъ страданія Христа. Но такъ какъ подобныя представленія никогда еще не происходили на сценѣ, то это вызвало неудовольствіе, и публика начала перешоптываться.

Цезарь былъ золъ, но ни одинъ мускулъ не шевелился на его лицѣ, а когда человекъ, спокойный какъ онъ, начинаетъ приходиться въ ярость, то теряетъ сознаніе. Онъ сидѣлъ молча, и въ умѣ его зрѣли планы мести этимъ варварамъ, презрѣвшимъ мудрость бывшихъ вѣковъ.

Наконецъ настало время обѣда, и нетерпѣніе становилось очевиднымъ.

Небо покрывалось тучами, и хлопья снѣга медленно падали на землю, подобно бѣлымъ перьямъ. Имѣвшіе съ собой плащи закутались въ нихъ. Актеры поглядывали на

ложу императора, но онъ сидѣлъ неподвижно подь открытымъ небомъ. Онъ былъ воинъ, и такой пустякъ, какъ непогода, не могъ испугать его.

Теперь началось пророчество Прометейа Іо о томъ, кому надлежитъ родиться на свѣтъ, побѣдить Зевса и освободить Прометейа.

Культурные христіане и язычники недоумѣвая переглянулись между собой, когда Іо произнесла:

— Что говоришь ты? Я должна произвести на свѣтъ того, кто спасетъ тебя.

А когда Прометей отвѣтилъ:

— Въ третьемъ колѣнѣ десятаго поколѣнія произойдетъ это!—въ театрѣ поднялся ропотъ.

Въ десятомъ поколѣніи, значить круглымъ счетомъ черезъ 700 лѣтъ, какъ разъ послѣ Рождества Христова; 763 годъ—начало христіанскаго лѣтосчисления, конецъ мифологической эры, къ эпохѣ которой принадлежала трагедія.

Юліанъ замѣтилъ, что лишь подлилъ масла въ огонь и сыгралъ въ руку христіанъ, самъ того не желая. Эсхиль предсказывалъ рожденіе Христа съ безусловной точностью, а также и поражение Зевса—что было лишнимъ для убѣжденныхъ аоназіанцевъ и непонятны для аріанъ, отвергавшихъ божественное происхожденіе Христа.

Снѣгъ падалъ все сильнѣе, и вскорѣ снѣжная пелена покрыла всю землю. Цезарь былъ блѣденъ какъ смерть и сидѣлъ неподвижно, негодуя на самого себя; на тѣхъ злыхъ духовъ, которые подсказали ему выборъ именно этой вещи; на небо, издѣвавшееся надъ нимъ.

Вся публика, засыпанная снѣгомъ, вступила въ пренія

по поводу божественной природы Христа; простой народъ смѣялся и благодушествовалъ.

Одни актеры, игравшіе подъ навѣсомъ, не страдали отъ непогоды. Но вотъ холстъ подъ напоромъ влажнаго снѣга провисъ и лопнулъ.

Тогда вся публика вскочила со своихъ мѣстъ и принялась громко смѣяться; актеры вылѣзали изъ подъ груды снѣга; двери открылись, и всѣ бросились вонъ, за исключеніемъ цезаря и его философовъ.

* * *

Юліанъ, сдѣлавшись императоромъ, сейчасъ же отправилъ пословъ въ Византію и теперь ждалъ отвѣта отъ туда.

Это происходило передъ новымъ годомъ, незадолго до наступленія зимняго стоянія солнца. Христіане начинали тогда праздновать Рождество Христово и, согласно римскимъ нравамъ, заимствовали часть обрядовъ изъ Сатурналій—праздниковъ въ честь Сатурна. Юліанъ, возмущенный брошенной ему назаряями перчаткой, началъ приготовляться къ отпору или наступательнымъ дѣйствіямъ и при помощи своей власти рѣшилъ возстановить языческій міръ и возвратитъ ему все отнятое, показавъ при этомъ христіанамъ, откуда они почерпнули всю свою мудрость

и философское міропониманіе. Въ то же время онъ хотѣлъ пересадить христіанство на языческую почву, чтобы, благодаря ихъ слянію, возникла новая религія, отвѣчающая наибольшему количеству запросовъ духа человѣческаго. Храмъ Юпитера на островѣ, образуемомъ рѣкою, заколоченный долгое время, былъ открытъ среди ночи, и въ немъ загорѣлись огни. Послышался стукъ молота, скрипъ пилы, мотыкъ и лопать.

Это длилось довольно долгое время, и въ городѣ поднялся ропоть.

Однажды ночью Юліанъ въ обществѣ Максима, Приска и Элеазара сидѣлъ въ опистодомѣ, или комнатѣ жреца, за жертвенникомъ храма Юпитера. Весь храмъ былъ освѣщенъ, и сейчасъ же можно было замѣтить слѣды ремонта, произведеннаго тамъ за послѣднее время. По лѣвую сторону, между рядами колоннъ, помѣщался амвонъ, или кафедра; а передъ ней стулъ для проповѣдника, далѣе подсвѣчникъ съ семью свѣчами, купель, столъ съ хлѣбами предложенія и жертвенный алтарь.

Такова была попытка Юліана совмѣстить новое ученіе со старымъ, слить воедино языческой, христіанской и іудейской міры. Геліогобаль также пытался устроить нѣчто въ этомъ же родѣ, но болѣе грубымъ способомъ; введя въ Римѣ сирийскій культъ солнца, онъ въ то же время удержалъ всѣхъ боговъ міра, не исключая и египетскихъ. Тогда ни христіане, ни іудеи не пошли на это.

Юліанъ не любилъ евреевъ, но ненависть его къ христіанамъ была такъ велика, что онъ поддерживалъ строптивыхъ обитателей Палестины, исключительно съ цѣлью противопоставленія ихъ христіанамъ. Въ довершеніе всего онъ

отдалъ приказъ возстановить Иерусалимскій храмъ и по поводу послѣдняго обстоятельства собралъ здѣсь для переговоровъ своихъ философовъ, а въ томъ числѣ и Элеазара.

— Что вы думаете относительно возстановленія Иерусалимскаго храма?—закончилъ свою рѣчь Юлианъ.—Ты, Максимъ, долженъ высказаться первымъ.

— Цезарь Августъ, — отвѣчалъ мистикъ Максимъ, — Иерусалимъ стертъ съ лица земли, согласно предсказаніямъ пророковъ, и храмъ не можетъ быть возстановленъ.

— Не можетъ?! Онъ долженъ быть возстановленъ.

— Нѣтъ, не можетъ! Хотя мать Константина и воздвигла церковь на мѣстѣ погребенія Христа, все же храмъ не можетъ быть возстановленъ. Развѣ со временъ Соломона исторія этого города не представляетъ изъ себя исторію его разрушенія? Въ началѣ его разрушителями были филистимляне, арабы, сирійцы, египтяне и халдеи. Затѣмъ Александръ Птоломей и въ концѣ концовъ Антиохъ Епифанъ, который разрушилъ стѣны храма и поставилъ въ алтарѣ статую Юпитера. Теперь, замѣть себѣ: за 63 года до Рождества Христова храмъ былъ окончательно разрушенъ Помпеемъ, и вспомни затѣмъ, какія событія свершились въ Римѣ въ 63 году по Рождествѣ Христовомъ? Вспомни! Вѣдь неаполитанскій городъ Помпея, того же имени, какъ этотъ полководецъ, въ 63 году былъ разрушенъ землетрясеніемъ; это явилось возмездіемъ, и Господь Саваоѣ побѣдилъ Юпитера Зевса.

— Видишь ли, — перебилъ его Юлианъ, — всѣ твои пиагорическія вычисленія не имѣютъ въ моихъ глазахъ ни малѣйшей цѣны. Если бы оба эти событія произошли за

63 года до Рождества Христова, то подобное совпаденіе еще пожалуй могло быть для меня отчасти убѣдительнымъ.

— Постой, Цезарь, ты сейчасъ увидишь, что я правъ. Послѣ набѣга Помпея и опустошенія, произведеннаго Кассіемъ, Иродъ построилъ новый городъ и воздвигъ новый храмъ. Вскорѣ затѣмъ, лѣтъ 70 спустя по Рождествѣ Христовомъ, храмъ Иерусалимскій былъ снова и уже окончательно разрушенъ Титомъ. Но не прошло и девяти лѣтъ, какъ гора Саммо стала извергать невиданное дотолѣ пламя, и въ этомъ пламени погибли Геркуланумъ и Помпея. Геркуланумъ и Помпея представляли изъ себя нѣчто въ родѣ Содома и Гоморры, а Веспасіанъ, предшественникъ Тита, живя въ Иерусалимѣ, причислилъ себя къ богамъ и имѣлъ храмъ въ Помпеѣ: храмъ этотъ погибъ во время землетрясенія. Или, быть можетъ, ты, подобно Нерону, воображаешь, что христіане въ 64-омъ году подожгли вулканъ и были причиною случившейся катастрофы.

Юліанъ задумался.

— Девять лѣтъ протекло между этими событіями, а все-таки странно.

— Да,—возразилъ Максимъ,—но въ томъ же самомъ 70-мъ году, когда Титъ разрушилъ Иерусалимъ, сгорѣлъ и Капитолій.

— Стало быть боги сражаются между собой, а мы являемся лишь солдатами!—воскликнулъ Юліанъ.

Софистъ Прискъ, любившій словопренія, рѣшилъ подлить масла въ огонь подъ видомъ успокоенія.

— Христось сказалъ, что не останется камня на камнѣ и что храмъ никогда не воздвигнется вновь.

— Это сказалъ Христось? Хорошо, въ такомъ случаѣ

пусть докажетъ, что онъ Богъ, потому что я желаю возстановить храмъ Соломона.

Затѣмъ, обращаясь къ Элеазару:—Ты вѣришь въ знаменія?—спросилъ онъ.

— Вѣрю такъ же, какъ въ Бога, какъ въ Бога Авраама, который вывелъ насъ изъ плѣна египетскаго и даровалъ намъ землю ханаанскую; вѣрю, что пророчество исполнится и нашъ старый городъ и храмъ будутъ возстановлены.

— Да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей! Храмъ возникнетъ снова, но не въ три дня, какъ намѣревался воздвигнуть его Галилеянинъ.

Зимнее солнцестояніе наступило, и празднества Сатурналіи начались въ Лютеціи. Язычники праздновали этотъ періодъ въ воспоминаніе о легендарномъ золотомъ вѣкѣ, покровителемъ котораго считался Сатурнъ. Тогда миръ царилъ на землѣ; левъ игралъ съ ягненкомъ; невоздѣланныя поля давали обильную жатву; люди не ковали желѣза для вооруженія, были добры и справедливы. Этотъ чудный праздникъ былъ установленъ Римлянами и воспринятъ отъ нихъ христіанами, съ пришествіемъ Христа ожидавшими наступленія новаго золотого вѣка.

Юліанъ пожелалъ возвратить язычникамъ ихъ преимущества и въ то же время показать назареемъ, откуда возникли ихъ религіозные обряды.

Язычники начали свои приготовленія къ празднику. Лавки были заперты, и городъ былъ убранъ по-праздничному, когда изъ базилики на рыночной площади показалась рано утромъ процессія. Во главѣ ея шествовалъ самъ Сатурнъ съ рогомъ изобилія, хлѣбными колосьями и голубками; за нимъ слѣдовали богатство, счастье, миръ и

справедливость. Затѣмъ шелъ актеръ, одѣтый цезаремъ, ведя за руку плѣнника, освобожденнаго для торжественнаго праздника отъ своихъ цѣпей. За нимъ шли вельможи подъ руку съ своими рабами, потомъ женщины и дѣти съ снопами въ рукахъ и рассыпали по улицѣ зерна для воробьевъ.

Процессія ходила по улицамъ и вначалѣ производила пріятное впечатлѣніе на публику. Затѣмъ она вошла въ храмъ, въ абсидѣ котораго красовалась статуя Юпитера или Зевса. Статуя была изваяна такъ хитро, что одновременно походила и на Бога Отца и на Моисея, какъ ихъ изображали въ тѣ времена. Неподалеку отъ нихъ, нѣскольکو ниже, стоялъ Орфей, похожій на Добраго Пастыря, съ ягненкомъ на плечахъ, а на поколѣ, въ видѣ барельефа, было изображено его сошествіе въ Гадесъ, откуда онъ возвращался съ богиней справедливости, Дике, переименованной изъ Эвридике. Это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ христіанамъ.

Передъ статуей стоялъ еврейскій столъ съ хлѣбами предложенія и виномъ; символъ, послужившій христіанамъ для установленія таинства евхаристіи или причащенія. Какъ бы случайно былъ принесенъ языческій новорожденный и окрещенъ въ купели. На вопросъ одного, заранѣе подготовленнаго къ этой роли субъекта, «развѣ язычники крестятъ своихъ дѣтей?» другой такой же актеръ отвѣчалъ, что предки наши всегда подвергали омовенію новорожденныхъ.

Все это было не что иное, какъ комедія, подготовленная Юліаномъ.

Затѣмъ Максимъ, поднявшись на кафедру, прочелъ фи-

лософскій трактатъ, въ духѣ неоплатониковъ, заключавшій въ себѣ поясненія всѣхъ обрядовъ, символовъ и обычаевъ. Онъ доказалъ, что язычники всегда поклонялись единому богу, а лишь многочисленныя свойства его воплощались ими въ различные образы. Затѣмъ онъ ясно доказывалъ божественность Христа, Его чудесное Рожденіе и существованіе на свѣтѣ чудесъ. «Всѣ мы носимъ въ себѣ божественное начало, такъ какъ созданы богомъ, отцомъ челоѣчества. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ безсѣмennomъ зачатіи Христа, такъ какъ Платонъ также родился отъ дѣвы». Онъ закончилъ свой трактатъ слѣдующимъ восклицаніемъ.

— Чудо! Почему бы намъ не вѣрить въ чудо, если мы вѣримъ въ Единого Всемогущаго Бога. Онъ Всемогущъ, такъ какъ повелѣваетъ законами природы, имъ самимъ учрежденными. Кто не вѣритъ въ чудеса, тотъ не что иное какъ осель!

Проповѣдь слушали язычники и христіане. Послѣдніе впервые слушали проповѣдь, такъ ясно объясняющую съ трудомъ понимаемое ими ученіе; язычники же вынесли изъ нея впечатлѣніе, что они ничѣмъ не отличаются отъ христіанъ.

— Что же стоитъ между нами?—воскликнулъ Максимъ, воодушевленный воцарившимся единодушіемъ и согласіемъ. Не дѣти ли мы единаго Отца, не всѣ ли мы созданы Единымъ. Не собрались ли мы здѣсь въ воспоминаніе лучшаго періода жизни, который миновалъ, но безусловно вернется, подобно солнцу, неизмѣнно восходящему надъ землею. Вернутся времена общаго братства и любви, когда не будетъ господъ, не будетъ рабовъ.

Здѣсь нѣтъ больше ни Іудеевъ, ни Грековъ ни варваровъ, — мы всѣ братья и сестры, объединенные общей вѣрой! Поэтому возлюбите другъ друга, какъ дѣти одного отца, какъ братья, облобызайте другъ друга, радуйтесь, совершенствуйтесь, будьте какъ одна душа, и Богъ любви и мира воцарится на землѣ!

Собраніе было въ восторгѣ, и со слезами на глазахъ всѣ пали въ объятія другъ друга, пожимая другъ другу руки и цѣлуясь между собой.

Тогда внезапно загорѣлся рядъ свѣтильниковъ алтаря, это входило въ обычай церемоній Сатурналій и означало восходъ солнца; обычай, воспринятый и христіанами во время праздника Рождества Христова.

Затѣмъ ввели нищихъ, и вельможи омыли имъ ноги. Двѣнадцать рабовъ были усажены за столъ, а хозяева ихъ прислуживали имъ.

Юліанъ, скрываясь въ опистодомѣ, наблюдалъ за всей этой церемоніей и радовался въ душѣ, считая, что ему удалось унизить христіанъ воспроизведеніемъ этаго языческаго обычая, служившаго проблемой челоуѣколюбія и великодушія, существовавшихъ во всѣ вѣка! Вотъ что Юліанъ хотѣлъ наглядно доказать.

Наконецъ вывели дѣтей, и каждый изъ нихъ получилъ по куклѣ, кто по восковой, кто по гипсовой.

Иллюзія была создана искусно, и христіане были очарованы.

— Язычники тѣ же христіане, — восклицали они! — Къ чему распри и ссоры, когда мы составляемъ единое цѣлое!

Сердца взволновались, успѣхъ былъ полный. Первый день ознаменовался побѣдой.

Но вѣдь на слѣдующій день христіане собирались праздновать Рождество Христово, и ихъ торжество должно было явиться лишь копіей праздника язычниковъ.

* * *

Семь дней тянулись Сатурналии, и Юліанъ, ослѣпленный успѣхомъ, рѣшилъ теперь появиться во всемъ своемъ подавляющемъ могуществѣ среди языческихъ торществъ.

Философы предостерегали его, но онъ уже никого не слушалъ; онъ долженъ былъ воскресить гекатомбы, и сто разукрашенныхъ быковъ должны были пасть на площади передъ храмомъ Юпитера, принесенные въ жертву древнимъ богамъ.

— Это безуміе!—жаловался Элеазаръ.

— Когда боги караютъ, они поражаютъ слѣпотой!

— Онъ рушитъ теперь все, что создалъ раньше!

Трудно понять, какъ образованному, талантливому эстету Юліану могла притти въ голову идея такого кроваваго жертвоприношенія. Вѣдь это было убійство, казнь — и ни палачъ, ни его служители не могли рассчитывать на симпатіи народа. Приходится думать, что ненависть къ христіанамъ помутила разумъ Юліана, когда онъ, облеченный въ одежды жреца, вывелъ на арену перваго быка съ позолоченными рогами и бѣлой повязкой на лбу.

Разведя жертвенный огонь, онъ вылилъ чашу вина на голову быка и, воткнувъ ему ножъ въ горло, перевернулъ его тамъ.

Толпа содрогнулась отъ ужаса и какъ бы оцѣпенѣла.

Когда же полилась кровь и цезарь, распоровъ трупешушее тѣло, сталъ разбираться во внутренностяхъ животного, поднялись крики, перешедшіе затѣмъ въ вопли, и всѣ разбѣжались.

— Apostata! слышалось впервые.

Пораженіе было полное, и животныя, выпущенныя вожаками, понеслись по улицамъ.

Цезарь въ своей бѣлой одеждѣ, забрызганной кровью, долженъ былъ въ единственномъ числѣ направиться къ своему дворцу, преслѣдуемый гнѣвными криками язычниковъ и христіанъ.

— Убійца!—кричали они.

— Apostata! Богоотступникъ!

— Безумецъ!

Придя къ себѣ, Юліанъ какъ бы окаменѣлъ, но даже не перемѣнилъ одежды, сѣлъ за письменный столъ и написалъ эдиктъ противъ христіанъ.

Этимъ эдиктомъ имъ преграждались всѣ пути къ образованію и къ занятію административныхъ должностей.

То былъ первый шагъ къ паденію.

Вечеромъ того же дня Юліанъ получилъ письмо; письмо было отъ императора Константина изъ Византіи; послѣдній не признавалъ избранія Юліана и грозилъ выслать противъ него войска въ Галлію.

Это было совершенно неожиданно, и Юлианъ выступилъ съ своимъ войскомъ изъ Лютеціи навстрѣчу своему двоюродному брату.

Вначалѣ судьба благопріятствовала Юлиану; Константинъ умеръ въ пути, и Юлианъ сталъ единодержавнымъ.

Это обстоятельство онъ принялъ за знаменіе, что боги покровительствуютъ ему, и, сбодренный благоволеніемъ неба, предпринялъ походъ.

Но на этомъ и потухла его счастливая звѣзда. Рассказываютъ, что передъ походомъ на Персію онъ разрѣзалъ на куски женщину съ цѣлью гаданья по ея внутренностямъ, чтобы получить предсказаніе относительно своего будущаго. По всей вѣроятности это не болѣе какъ сказка, подобно многимъ другимъ рассказамъ, касающимся его смерти. Неоспоримо лишь то, что Галилеянинъ побѣдилъ Зевса и побѣдилъ уже навсегда. Неоспоримы также и свидѣтельства еврейскихъ и языческихъ историковъ, что Иерусалимскій храмъ никогда болѣе не могъ возникнуть, и, лишь только закладывался его фундаментъ, какъ изъ нѣдръ земли вырвалось пламя, сопровождаемое землетрясеніемъ.

Тѣмъ же землетрясеніемъ были разрушены и Дельфы, „этотъ центръ земного шара, а также религіозной и политической жизни Эллады“.

Аттила.

108

Съ воцареніемъ Константина Великаго пали Элада, Римъ и Палестина; культура передвинулась къ югу, и Константинополь сталъ столицей Европы, а Римъ, Испанія, Галлія и Германія находились подъ управленіемъ сатраповъ. Казалось Европа отцвѣла, а Римъ погребенъ навѣки, но это лишь казалось. Исторія человѣческой культуры шла не прямымъ путемъ, а съ многочисленными отклоненіями въ стороны и, вслѣдствіе этого, являла теперь лишь кажущуюся картину господства обскурантизма.

Христіанство, стремившееся теперь на западъ, шло съ востока, и потому Византія представляла изъ себя какъ бы промежуточную станцію. Въ Римѣ, оставленномъ на произволь судьбъ, такъ называемые сатрапы сидѣли въ Майландѣ и Равеннѣ; назрѣвало нѣчто сильное въ области духа и втихомолку готовилось избраніе новой династіи, съ цѣлью своевременно передать власть въ руки достойнѣйшаго.

Сбывалось пророчество Тацита, и новый потокъ готовъ былъ нахлынуть съ сѣвера — нація здоровая, благородная, миролюбивая. То были германцы, овладѣвшіе короной на цѣло тысячелѣтіе съ 800 г. до 1815 г. Уже въ началѣ пятаго столѣтія Вестготы заняли Римъ и снова двинулись назадъ. Другія германскія племена наводнили Галлію, Испанію,

Британію; но ни одно изъ племенъ не обосновалось въ Италиі.

И вотъ выступилъ на арену новый народъ таинственнаго происхожденія, но пророчество Ханаана, казалось бы, исполнившееся на Германцахъ, временно перешло на сторону Гунновъ, засѣвшихъ въ Венгріи и взбудоражившихъ всѣ національности міра. Вокругъ деревяннаго замка на берегу Тиссы, окруженнаго бараками, собрались Греки, Римляне, Византійцы, всевозможныя германскія племена, и все это склонялось передъ престоломъ дикаря, обладавшаго необъяснимой притягательной силой.

Въ 453 г. этотъ властелинъ, такъ бурно проведшій свою жизнь, имѣвшій на своемъ вѣку громадное количество женъ, пожелалъ справить свадьбу и созвалъ на нее гостей со всѣхъ концовъ міра; созвалъ, а не пригласилъ—по обычаю князей.

Всадники мчались къ нему съ сѣвера, юга, востока и запада.

* * *

На западномъ берегу Дуная, тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ поворотъ къ нынѣшнему Грану, встрѣтились два человека, ѣхавшіе верхомъ, предводительствуя караванами. Много дней тянулись караваны вдоль зеленаго берега рѣки, подь

тѣнью рогозовъ и ольхъ, сопутствуемые стаями утокъ и цапель. Теперь они готовились покинуть прохладные лѣса и вступить въ солончаковую степь, простирающуюся вплоть до береговъ желтой Тиссы.

Одинъ изъ предводителей каравана былъ римлянинъ, по имени Орестъ, прославленный и извѣстный всюду; другой Руджіеръ изъ остзейскихъ провинцій, извѣстный подъ именемъ Эдеко; онъ былъ князь и не смѣлъ ослушаться Аттилы.

До сихъ поръ двѣ знаменитости мало говорили между собой и относились другъ къ другу недовѣрчиво; но, вступивъ въ просторъ степи, пространство которой было прозрачно и открыто со всѣхъ сторонъ, лица ихъ также какъ бы прояснились, и недовѣріе разсѣялось.

— Зачѣмъ ты ѣдешь на эту свадьбу? — спросилъ Орестъ,

— Потому что не смѣю поступить иначе! — отвѣтилъ Эдеко.

— Такъ же какъ и я.

— И какъ сама невѣста! Она вѣдь бургундка и также не смѣла сказать нѣтъ.

— Неужели? А по-моему она бы посмѣла.

— Стало быть она любитъ дикарей!

— Я этого не сказалъ.

— Быть можетъ ненавидитъ? Ужъ не новая ли Юдифъ ожидаетъ Олоферна.

— Какъ знать? Бургундцы не любятъ Гунновъ съ тѣхъ поръ, какъ они разграбили Вормсъ.

— Во всякомъ случаѣ непостижимо, какъ онъ могъ подняться послѣ Каталаунской битвы?

— Непостижимо все, что касается этого человека, если, впрочемъ, его можно назвать человекомъ.

— Ты правъ! Онъ должно быть пошелъ по слѣдамъ своего дяди Руа, этого таинственнаго Руа; онъ умертвилъ своего брата Бледа. Двадцать лѣтъ, подобно желѣзному кнуту, висѣлъ надъ нашими головами и, однажды, подоѣля къ самому Риму, отправился обратно.

— Но, кажется, онъ обѣщалъ своимъ солдатамъ, что Римъ перейдетъ въ ихъ владѣніе.

— Почему онъ пощадилъ тогда Римъ?

— Это никому неизвѣстно! Никто ничего не знаетъ объ этомъ человекѣ, да кажется и онъ самъ ничего не знаетъ о себѣ. Въ народѣ ходятъ слухи, что гунны произошли отъ вѣдьмъ и дьяволовъ пустыни. Когда же Аттилу спрашиваютъ, къ чему онъ стремится и что онъ изъ себя представляетъ, онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: «Бичъ божій». Онъ не основываетъ государства, не строитъ городовъ, но царитъ надъ всѣми государствами и разрушаетъ города.

— Возвратился къ невѣстѣ: ее вѣдь зовутъ Ильдиго, она христіанка?

— Да, но что за дѣло до этого Аттилѣ? Онъ вѣдь не исповѣдуетъ никакой религіи.

— Но должна же у него быть какая-нибудь религія, разъ онъ называетъ себя бичомъ божіимъ и утверждаетъ что нашелъ мечъ бога войны.

— Онъ крайне терпимъ. Его первый министръ Онегивій грекъ и христіанинъ...

— Признаться, странный онъ человекъ; вмѣсто того, чтобы сидѣть въ Константинополѣ или Римѣ, онъ устроилъ себѣ резиденцію среди солончаковой степи.

— Вѣроятно благодаря тому, что эта мѣстность напоминаетъ ему равнины его далекаго востока. Та же почва, та же растительность, та же фауна; онъ чувствуетъ себя здѣсь какъ дома.

Они умолкли, такъ какъ солнце взошло, и началась жара. Низкій тамарискъ, полынь и солончаковая трава не давали тѣни. Степные жаворонки и бульдуруки были единственными живыми существами, встрѣчавшимися на всемъ пространствѣ степи. Стада рогатаго скота козъ и кабановъ исчезли, такъ какъ полмилліонное войско Аттилы пожрало все, а его лошади уничтожили малѣйшіе слѣды какой бы то ни было годной для пищи растительности.

Къ полдню караванъ внезапно остановился; на горизонтѣ показалось голубое озеро, а на берегу его городъ съ высокими башнями и зубчатыми стѣнами.

— Неужели мы подъѣзжаем?—спросилъ Эдеко.

— Быть не можетъ, намъ остается еще двадцать миль, или три дня пути.

Но городъ былъ виденъ несомнѣнно, и караваны прибавили ходу.

Прошло полчаса; городъ, вмѣсто того чтобы приближаться, казалось, удалялся, становился меньше, исчезалъ изъ поля зрѣнія.

Еще черезъ полчаса онъ пропалъ окончательно, а съ нимъ вмѣстѣ и голубое озеро.

— Бываютъ на свѣтѣ чудеса, но подобныхъ мнѣ не приходилось видѣть,—сказалъ римлянинъ.

Это фата-моргана, или миражъ,—пояснилъ ему вождь.

Караванъ съ наступленіемъ вечера сдѣлалъ привалъ и расположился на ночлегъ.

На узкой полосѣ земли между Бодрогомъ и Тиссой находился лагерь Атиллы; городомъ его нельзя было назвать. Дворецъ представлялъ изъ себя деревянное зданіе, окрашенное въ яркія краски и походившее на громадную палатку въ стилѣ, заимствованномъ у Китая — страны шелковыхъ издѣлій.

Женская половина, плотно примыкавшая къ дому, имѣла нѣсколько неправильную форму не то въ стилѣ сѣверныхъ готовъ, не то въ Византійскомъ съ его неизмѣнными сводчатыми потолками.

Обстановка дворца состояла изъ предметовъ, отнятыхъ у многихъ странъ и народовъ; множество золота и серебра, шелковыхъ и бархатныхъ занавѣсей, римская мебель, греческіе доспѣхи, гальское оружіе и готскія ткани. Все это напоминало жилище разбойника, да и было, впрочемъ, таковымъ.

За оградой начинался лагерь съ его дымными палатками. Масса барышниковъ и конокрадовъ сновало по улицамъ, а количество лошадей равнялось количеству людеи.

За предѣлами лагеря паслись стада свиней, овецъ, козъ, рогатаго скота, — живой провіантъ этой безчисленной орды, которая умѣла лишь грабить и разрушать, но не создавать.

Въ утро свадьбы въ этомъ лагерѣ сновали тысячи маленькихъ человѣчковъ съ кривыми ногами и широкими

плечами, покрытые крысиными шкурками съ болтающимися по икрамъ лохмотьями,

Съ любопытствомъ выглядывали они изъ своихъ палатокъ, когда проѣзжали приглашенные на праздникъ чужеземцы, верхомъ на коняхъ.

По главной улицѣ выѣхалъ навстрѣчу высокимвъ гостямъ наслѣдникъ, сынъ Аттилы, Эллакъ; при помощи толмача онъ привѣтствовалъ новоприбывшихъ и проводилъ ихъ къ дому отца.

— И это принцъ? И это люди? — сказалъ Орестъ, обращаясь къ Эдеко.

— Это барышникъ, а остальные крысы, — отвѣтилъ Эдеко.

— Призраки или лемуры, вампиры, видѣнія пьянаго бреда! Что это за лица! вмѣсто глазъ—дыры, вмѣсто рта—трещотки, носъ какъ у черепа, уши будто ручки у горшка.

— Совершенно вѣрно! И отъ этихъ полуголыхъ людей, безъ броней и щитовъ бѣжали римскіе легіоны! Это какіе-то кобольды, которые берутъ своей численностью и натискомъ.

— Не завоюютъ же они свѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ не въ этомъ году!

Оба гостя послѣдовали за принцемъ Эллакъ, который все слышалъ и все понималъ, хотя дѣлалъ видъ, что не знаетъ чужеземнаго языка.

На женской половинѣ фаворитка Церкасъ подшивала вуаль невѣсты.

Ильдико, прекрасная бургундка, съ разсѣяннымъ видомъ стояла у окна и задумчиво смотрѣла вдаль. Она видѣла въ Вормсѣ этого героя, передъ которымъ содрогались народы, и была совершенно очарована величественной внѣшностью крошечнаго человѣчка. Властная, своевольная, она соблазнилась перспективой раздѣлить съ своимъ мужемъ тронъ, передъ которымъ склонилось все; это и было причиной ея согласія на бракъ съ нимъ.

Она не имѣла понятія о нравахъ и обычаяхъ чужеземнаго народа и поэтому представляла себѣ совершенно иначе свое положеніе, какъ жены властелина. Только сегодня узнала она, что на свадебномъ пирѣ она не должна появляться, что не будетъ возсѣдать на тронѣ рядомъ съ своимъ супругомъ, а просто-напросто на ряду съ другими женщинами сдѣлается обитательницей гарема.

Церкасъ, фаворитка, съ злорадствомъ повѣдала своей соперницѣ все это, и гордая Ильдико размышляла теперь о томъ, что ей слѣдовало предпринять. Друзей у нея не было во дворцѣ, а обратиться къ помощи чужеземныхъ князей было невозможно.

Церкасъ шила и пѣла унылую пѣсню востока:

Тигръ бѣжитъ по слѣдамъ льва.

Сидди Кунъ,

Сидди Кунъ.

Путь его лежитъ черезъ степь.

Урганъ, Калганъ, Коссогамъ.

Копыта его изъ мѣди, зубы изъ стали.

Далай Норъ,

Далай Норъ.

Кто забрелъ въ его болого,

Тому не вырваться оттуда.

Далай Норы!

Ильдико повидимому пришла къ какому-то рѣшенію.

— Можешь ты одолжить мнѣ шелку, я хочу шить.

Иголка была дана, но оказалась черезчуръ мала; она потребовала болѣе крупную и выбрала самую большую, но шить не стала, а заткнула ее въ лифъ.

Вдругъ въ дверяхъ появилось существо, такое отвратительное и злобное на видъ, что Ильдико приняла его за дьявола. Онъ былъ черенъ какъ уголь или либіецъ изъ центральной Африки, а голова его сидѣла на животѣ, такъ какъ грудь отсутствовала; то былъ горбатый карликъ, по имени Гамилькаръ, находившійся въ качествѣ шута при дворѣ Аттилы. Но шутъ не отличался остроуміемъ, былъ круглымъ дуракомъ, всему вѣрившимъ, и поэтому служилъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.

Всунувъ письмо въ руку Церкасъ, онъ исчезъ.

Церкасъ, прочтя письмо, поблѣднѣла и какъ бы переродилась. Не въ состояніи промолвить слова отъ душившаго ее гнѣва, она зацѣла.

Тигръ бѣжитъ по слѣдамъ льва...

— Ильдико, ты пріобрѣла сообщницу!—воскликнула она

наконецъ. — Эта сообщница здѣсь въ комнатѣ, у окна, на твоей груди!

И, бросившись на шею бургундской дѣвѣ, она плакала и смѣялась въ одно и то же время.

— Дай сюда иглу, твою чудную большую иглу; я вдѣну въ нее нитку; нѣтъ, я наточу ее, или воткну въ свою подушечку, или погружу въ мой флаконъ съ духами, въ мой собственный маленькій флаконъ, и тогда мы сообщимъ ее въ пасть тигра, чтобы онъ пересталъ кусаться! Siddi! Khur! Siddi! Khur!

— Дай мнѣ прочесть письмо, — перебила ее Ильдико.

— Ты не поймешь ничего! Я передамъ тебѣ его содержаніе. — Владыка нашъ замышляетъ вступить въ бракъ съ Гоноріей, дочерью короля Валентиніана, и намѣренъ по этому случаю всѣхъ насъ предать сожженію — что онъ считаетъ достойной тризной.

Ильдико протянула руку въ знакъ согласія.

— Сегодня ночью! Пусть одинъ уколъ булавки освободитъ міръ отъ его владыки!

Эдеко и Орестъ сидѣли въ приготовленной для нихъ комнатѣ и отдыхали послѣ своего путешествія. Въ полдень имъ захотѣлось прогуляться, но дверь оказалась запертою.

— Развѣ мы плѣнники? Что эта за ловушка? — сказалъ римлянинъ.

— Да и вѣсть ничего не даютъ, — отозвался Эдеко.

Снаружи послышались два голоса.

— Мы ихъ удавимъ, это самое простое!

— Мнѣ кажется лучше поджечь! Длинный силенъ...

— Они воображали, что мы не понимаемъ ихъ языка.

Оба заключенные не вполне отдавали себѣ отчетъ въ происходившемъ, были крайне озадачены и думали, что конецъ ихъ близокъ.

Тогда въ стѣнѣ отворилась потайная дверь, и шутъ Гамилькаръ просунулъ въ нее свою голову,

— Хоть ты и самъ дьяволъ, но отвѣть на нашъ вопросъ!— воскликнулъ римлянинъ.

— Спрашивайте, господа...

— Развѣ мы плѣнные, что король вашъ не показывается намъ?

Голова принца Эллака также высунулась изъ двери.

— Короля вы увидите только вечеромъ на свадебномъ пирѣ, — сказалъ принцъ съ злобной усмѣшкой.

— А до тѣхъ поръ мы будемъ голодать?

— У насъ это называется поститься, и мы всегда такъ дѣлаемъ передъ пиромъ, чтобы побольше съѣсть.

— По крайней мѣрѣ можно намъ выйти отсюда?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ принцъ, имѣвшій видъ лошадинаго барышника.—Надо подчиняться нравамъ страны.

Съ этими словами онъ захлопнулъ за собою дверь.

— Почему знать! Аттила воплощенное коварство. Тебѣ развѣ не извѣстны его два письма; одно посланное королю Вестготовъ Датриду, гдѣ онъ просилъ его о союзѣ противъ Римлянъ, якобы ихъ общихъ враговъ, и посланное въ тотъ же день обращеніе къ Римлянамъ съ просьбой о союзѣ противъ Вестготовъ. Обманъ раскрылся, и Аттила очутился между двумя стульями.

— Повидимому онъ безсмертенъ, иначе давно уже былъ бы убитъ въ сраженіи, такъ какъ всегда идетъ впереди всѣхъ.

До вечера обонхъ гостей продержали взаперти, затѣмъ дверь открылась, и церемоніймейстеръ провелъ ихъ въ залу, предназначенную для свадебнаго пира.

Въ огромномъ залѣ стояли безчисленные ряды скамей и столовъ, покрытыхъ драгоценными тканями, и сплошь уставленные золотыми и серебряными кубками.

Всѣ гости были въ сборѣ, но ни единого знакомаго лица не видѣли передъ собою двое пришельцевъ и тщетно искали глазами жениха съ невѣстой.

Когда чужеземные гости разсѣлись по указаннымъ мѣстамъ, они начали перешоптываться, обмѣниваясь вопросами и предположеніями о мѣстѣ, откуда появится король.

Орестъ и Эдеко съ любопытствомъ оглядывали стѣны и потолокъ, не въ состояніи рѣшить, откуда должно появиться это чудесное видѣніе; поражать своихъ гостей сюрпризами и забавлять различными шутками было въ обычаѣ наивнаго и отчасти лукаваго народа.

Вдругъ всѣ гости разомъ поднялись съ мѣстъ. На заднемъ планѣ внезапно взвилась кверху драпировка занавѣски и открылась эстрада, а на эстрадѣ сидѣлъ небольшого роста человѣкъ; передъ нимъ былъ столъ и мягкая софа. На столѣ стоялъ деревянный кубокъ.

Человѣкъ сидѣлъ неподвижно, съ остановившимся взоромъ.

Нѣсколько позади стоялъ его министръ, Онегезій, не спуская глазъ съ своего господина; послѣдній взглядомъ отдалъ ему какое-то приказаніе.

Министръ подалъ знакъ, и гости сѣли. Аттила продол-

жалъ сидѣть въ той же позѣ, поджавъ подъ себя ноги и облокотившись рукою о столъ. Онъ никого не привѣтствовалъ и даже не отвѣчалъ на привѣтствія гостей.

— Онъ на насъ и не смотритъ! Онъ только показывается намъ!—прошепталъ Орестъ.

— А самъ все видитъ!

Онегезій, прочтя приказаніе во взорѣ своего господина, поднялъ свой посохъ; тогда выступилъ пѣвецъ съ инструментомъ, совмѣщавшимъ въ себѣ арфу и барабанъ. Пробѣжавъ пальцами по его струнамъ, пѣвецъ ударилъ въ барабанъ и запѣлъ:

То была пѣснь о подвигахъ Аттилы, прославлявшая героя въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ, и, если бы пирующие не прерывали ее своимъ «припѣвомъ», сопровождаемымъ стукомъ короткихъ мечей, то оно длилось бы безъ конца. Пѣвецъ изображалъ Каталаунское пораженіе, какъ неоконченную но доблестную, битву.

Чужеземцы, взирая на тщедушнаго властелина въ простой одеждѣ изъ темной кожи, мало-по-малу прониклись непобѣдимымъ чувствомъ уваженія къ его особѣ.

Болѣе нежели простое тщеславіе сквозило въ его сосредоточенномъ безмолвіи; онъ, казалось, презиралъ все и всѣхъ. Лежа въ полуоборотъ къ гостямъ, онъ показывалъ имъ лишь профиль, и никто за исключеніемъ министра не могъ уловить его взгляда.

Лишь только окончилась пѣснь, Аттила поднялъ свой кубокъ и, ни съ кѣмъ не чокнувшись, осушилъ его.

Это послужило сигналомъ къ общей выпивкѣ, и вино полилось рѣкою, наполняя серебряные и золотые кубки,

которые необходимо было сразу осушить до дна, такъ какъ властелинъ, никогда не напиваясь самъ, любилъ сидѣть въ кругу пьяныхъ.

Нѣсколько минутъ спустя выступилъ негръ Гамилькаръ и началъ свои кривлянья.

Гордый властитель, повернувшись сначала спиной къ пирующимъ, растянулся на софѣ, но малѣйшее его движеніе было преисполнено величія, и даже лежа на спинѣ съ изогнутыми колѣнями, закинутыми подъ голову руками, и глазами, устремленными въ потолокъ, онъ продолжалъ всѣмъ импонировать.

— Гдѣ же невеста?—спросилъ Орестъ одного изъ собутельниковъ, гунна.

— У насъ не принято и говорить о своихъ женахъ! Какъ это можно ихъ показывать?—отвѣтилъ гуннъ.

Вино продолжало литься рѣкою, но блюдо болѣе не подавалось. Тѣмъ временемъ пирующие колотили кулаками по столу и пѣли.

Вдругъ среди общаго разгула зала наполнилась дымомъ, и, казалось, все зданіе запылало.

Всѣ съ крикомъ вскочили съ своихъ мѣстъ, но министръ стукнулъ объ полъ жезломъ, и общество расхохоталось.

Все оказалось шуткой—снаружи былъ сожженъ возъ соломы.

Когда спокойствіе водворилось, Атиллы уже не было видно; онъ исчезъ черезъ потайную дверь.

Гости снова усѣлись за столъ, и пиръ длился до утра.

Солнце уже взошло, а Орестъ съ однимъ изъ авар-

скихъ князей все еще сидѣли за своими кубками. Въ залѣ царилъ невообразимый беспорядокъ, а большинство гостей плясало снаружи вокругъ костра.

— Ну и свадьба!—промолвилъ Орестъ.— Не скоро ее забудешь! Хорошо бы поговорить съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ! Не знаю только, удастся ли?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ аваръ, — онъ говоритъ лишь въ случаѣ необходимости. Къ чему, по его мнѣнію, обманывать другъ друга? Это человѣкъ умный, не лишенный добродушія и человѣколюбія, онъ избѣгаетъ ненужной крови, не мститъ побѣжденнымъ и охотно прощаетъ зло.

— Во что онъ вѣритъ? Страхится ли смерти?

— Онъ вѣритъ въ свой мечъ и въ свою судьбу. Въ смерти онъ видитъ лишь переходъ къ истинной жизни, поэтому считаетъ себя здѣсь на землѣ гостемъ или странникомъ.

— Значитъ онъ христіанинъ?

— Очевидно; разъ уже онъ получилъ благословеніе отъ папы въ Римѣ! Чего же больше!

За стѣнами раздавались вопли. Сначала казалось они шли изъ дворца, затѣмъ разнеслись по всему лагерю. Полумилліонная орда ревѣла, и ревъ этотъ походилъ на плачъ. Пирующие поспѣшили наружу, гдѣ глазамъ ихъ представилось странное зрѣлище:

Гунны дико скакали и, ударяя себя по лицу ножами, выкрикивали непонятныя слова.

Эдеко подошелъ ближе и протискался въ сопровожденіи Ореста въ середину толпы.

— Аттила умеръ! Слава Христу!

— Умеръ! Это дѣло рукъ Ильдико?

— Нѣтъ, говорятъ она сидѣла у трупа съ опущенною вуалью и рыдала.

— Стало быть она убійца.

— Да, но эти дикари слишкомъ высокомерны, чтобы допустить, что Аттила могъ пасть отъ руки смертнаго.

— Какое счастье!

— Скорѣе въ Римъ, сообщить новость.

— Награда ожидаетъ вѣстниковъ. Рѣшено.

Орестъ и Эдеко отправились въ путь тѣмъ же утромъ.

Имъ не суждено было забыть эту свадьбу, по случаю которой они сблизились другъ съ другомъ. Позднѣе знакомство ихъ возобновилось при другихъ еще болѣе грозныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ сынъ Эдеко Одоакръ свергнулъ съ престола сына Ореста, послѣдняго изъ Римскихъ императоровъ Ромула Августа. По странной случайности онъ носилъ имя Ромуль, подобно первому царю Римаза, и Августъ, подобно первому императору Рима. Жизнь свою онъ окончилъ въ изгнаніи, получая пенсіонъ въ шесть тысячъ золотомъ, и жилъ въ Кампаніи на виллѣ, нѣкогда принадлежавшей Лукуллу.

Рабство Египетское.

Старый Амрамъ, столяръ по черному дереву и шкатулочный мастеръ, жилъ на берегу рѣки въ глиняной хижинѣ, покрытой пальмовыми листьями. Тамъ у него была жена и трое дѣтей. Лицомъ онъ былъ желтъ и носилъ длинную бороду. Очень искусный въ своемъ ремеслѣ, рѣзбѣ по слоновой кости и твердому дереву, онъ служилъ при дворѣ фараона и потому работалъ также и во храмахъ.

Вотъ однимъ утромъ, въ серединѣ лѣта, онъ всталъ съ постели передъ самымъ восходомъ солнца, собралъ въ мѣшокъ свои инструменты и вышелъ изъ хижины. На порогѣ онъ остановился и, обратившись лицомъ къ востоку, произнесъ тихую молитву. Затѣмъ онъ началъ свое путешествіе среди лавокъ рыбаковъ, все время идя по черному, растрескавшемуся возвышенію вдоль рѣки, на которомъ цапли и голуби отдыхали послѣ утренняго завтрака.

Сосѣдъ его, рыбакъ Нефтъ, осматривалъ свои сѣти и клалъ карповъ, харіусовъ и сомовъ въ различныя большія отдѣленія лодки.

Амрамъ поклонился и, въ знакъ дружбы, захотѣлъ сказать ему нѣсколько словъ:

— Нилъ пересталъ прибывать?—сказалъ онъ.

— Остановился на десяти локтяхъ! Это значить--голодь!

— Ты знаешь, Нефтъ, почему Ниль можетъ подняться только до пятнадцати локтей?

— Потому, что иначе мы бы потонули, — отвѣтилъ безхитростно рыбакъ.

— Да, понятно, а этого быть не должно. Итакъ, Ниль имѣетъ Владыку, который распоряжается уровнемъ воды, и Онъ, Который измѣрилъ сводъ небесный и создалъ землю, Онъ поставилъ водѣ предѣлъ; и этотъ предѣлъ, котораго мы не видимъ, равенъ пятнадцати локтямъ. Потому что при большомъ наводненіи въ странѣ Уръ, въ Халдеѣ, въ странѣ нашихъ предковъ, вода поднялась до пятнадцати локтей, ни больше, ни меньше. Да, Нефтъ, я говорю „мы“, потому что ты изъ нашего народа, хотя говоришь на другомъ языкѣ и поклоняешься чужимъ богамъ. Я желаю тебѣ добраго утра, очень хорошаго утра, Нефтъ!

Онъ оставилъ пристыженнаго рыбака, пошелъ дальше и вошелъ въ предмѣстье, гдѣ начинались городскіе дома изъ нильскаго кирпича и дерева.

Торговецъ мѣняла Елеазаръ только что открылъ свою лавку въ то время, какъ его слуга поливалъ улицу передъ домомъ.

— Благодатное утро, братъ Елеазаръ!—привѣтствовалъ его Амрамъ.

— Не могу этого сказать, — отвѣчалъ ворчливо купецъ. — Ниль остановился и начинаетъ убывать; плохія времена.

— За плохими временами слѣдуютъ хорошія, это зналъ еще нашъ отецъ Авраамъ; и когда Іосифъ, сынъ Іакова, предвидѣлъ семь скудныхъ годовъ, онъ посовѣтовалъ фараону собрать въ житницы...

— Можетъ быть; но теперь это все позабыто!

— Да, ты забылъ также и обѣтованіе, которое Господь далъ своему другу Аврааму...

— Это о странѣ Ханаанъ? Мы ждемъ ее четыреста лѣтъ, а теперь, вмѣсто того, дѣти Авраама сдѣлались рабами...

— Авраамъ вѣрилъ и въ хорошіе, и въ дурные дни, въ радости и въ страданія, и ему это было зачтено, какъ добродѣтель.

— Вообще, я не вѣрую,—перебилъ его Елеазаръ, но вѣрю, что все идетъ назадъ и что мнѣ придется закрыть лавку, если будетъ неурожай...

Авраамъ печально пошелъ дальше и пришелъ на базаръ, гдѣ купилъ себѣ хлѣбъ изъ проса, кусокъ угря и нѣсколько луковицъ...

Когда торговка взяла монету, она плюнула на нее; тогда Авраамъ, взявши сдачу, сдѣлалъ то же самое.

— Ты плюешь на деньги, еврей? — просопѣла торговка.

— Въ какой землѣ живешь, тотъ и обычай блюдешь,—возразилъ Авраамъ.

— Нечистая собака, ты еще отвѣчаешь?

— Я отвѣчаю на рѣчь а не на ругань.

Еврей пошелъ дальше, потому что началъ собираться народъ. Онъ встрѣтилъ цырюльника Еноха, и они привѣтствовали другъ друга знакомъ, который былъ изобрѣтенъ ихъ соплеменниками и означалъ: «мы вѣримъ въ обѣтованіе, данное Аврааму, и ждемъ съ надеждою и терпѣніемъ».

Наконецъ Авраамъ достигъ храмовой площади, прошелъ черезъ аллею сфинксовъ и остановился передъ маленькою

дверью лѣваго пилона. Онъ семь разъ ударилъ въ нее рукою; показался служитель, взялъ Амрама за руку и ввелъ его. Молодой жрецъ завязалъ ему глаза повязкою; и послѣ того, какъ обыскали его мѣшонокъ, столяра взяли за руку и ввели во храмъ. Вели по лѣстницамъ то вверхъ, то внизъ, то совсѣмъ прямо. Обходили столбы; порою слышалось журчаніе воды. Пахло то сыростью, то еиміа-момъ.

Наконецъ остановились, и съ глазъ Амрама сняли повязку. Онъ находился въ маленькой комнатѣ съ разрисованными стѣнами, нѣсколькими скамейками и шкафомъ. Роскошная рѣзная дверь изъ чернаго дерева отдѣляла эту комнату отъ большого зала, который, съ одной стороны, широкою лѣстницею соединялся съ террасой, обращенной на востокъ.

Жрецъ оставилъ, Амрама одного, показавъ ему, что дверь слѣдуетъ исправить, и недвусмысленнымъ жестомъ потребовавъ отъ него молчанія и тайны.

Когда Амрамъ остался одинъ и въ первый разъ очутился внутри священныхъ стѣнъ, которыя ему, какъ еврею, не могли внушать благоговѣнія, онъ все-таки былъ охваченъ какимъ-то ужасомъ передъ всѣмъ таинственнымъ, о чемъ слышалъ рассказы еще съ юности. Чтобы освободиться отъ страха передъ неизвѣстнымъ, онъ рѣшилъ удовлетворить свое любопытство, не считаясь съ опасностью быть выгнаннымъ, если встрѣтитъ кого-нибудь.

Когда онъ пошелъ въ большой залъ, онъ взялъ для виду въ руки тонкій рубанокъ.

Залъ занималъ громадное пространство: Посрединѣ находился фонтанъ изъ розоваго гранита; среди водоема

возвышался обелискъ. Стѣны были разрисованы фигурами въ однотонныхъ краскахъ, большею частью красной охрой, но также желтой и черной красками.

Онъ снялъ сандалии и пошелъ дальше, въ галерею, въ которой стояли гробы для мумій, прислоненные къ стѣнамъ.

Послѣ этого онъ проникъ въ помѣщеніе, подѣ куполомъ, на сводѣ котораго были изображены большія созвѣздія сѣвернаго неба. Въ срединѣ комнаты подѣ ними стоялъ столъ, а на немъ лежало полушаріе, покрытое чертежами, похожими на карты. У окна былъ еще столъ, а на немъ модель величайшей пирамиды, поставленная на землѣрную доску съ масштабомъ. Рядомъ стояла алидада, инструментъ для измѣренія угловъ.

Тутъ не видно было выхода; но послѣ нѣкоторыхъ поисковъ непосвященный нашелъ лѣстницу изъ дерева акаціи; она вела наверхъ, въ угловую башню. Амрамъ шелъ по этой лѣстницѣ безъ конца, а когда выглянулъ въ слуховое окно, то оказался все еще на одной высотѣ съ крышей залы съ куполомъ. Онъ продолжалъ свое восхождение, и, когда, снова отсчитавъ сто ступеней, выглянулъ въ слуховое окно, то находился на уровнѣ чердака залы съ куполомъ.

Тутъ отворилась досчатая дверь, и пожилой мужчина въ полужреческой одеждѣ встрѣтилъ Амрама поклономъ, какъ знакомаго и ожидаемаго начальника. Но когда онъ увидѣлъ чужого, то изумился, и оба долго осматривали другъ друга, прежде чѣмъ смогли вымолвить хоть слово.

Амрамъ, который находился въ невыгодномъ положеніи пойманнаго на запрещенномъ поступкѣ, приступилъ къ словесной борьбѣ.

— Рувимъ, развѣ ты не узнаешь меня? Твоего друга юности и родного тебѣ по обѣтованію?

— Амрамъ, мужъ Уохебеты, сынъ Кехата! Да, я знаю тебя!

— И ты — здѣсь? Ужъ тридцать лѣтъ, какъ ты пропалъ у меня изъ виду!

— А ты?

— Меня позвали починить дверь — вотъ и все, но когда я остался одинъ, то захотѣлъ осмотрѣться.

— А я — писцомъ при высшей школѣ...

— И приносишь жертвы чужимъ богамъ?

— Нѣтъ, Амрамъ, я не приношу жертвъ чужимъ богамъ и сохранилъ вѣру въ обѣтованіе. Я вошелъ въ этотъ домъ, чтобы узнать тайны мудрецовъ и открыть изнутри ту крѣпость, которая держитъ Израиля въ плѣну.

— Тайны? Почему самое высокое должно быть тайнымъ?

— Потому что народъ понимаетъ только низкое.

— Вѣдь, вы сами не вѣрите въ тѣхъ животныхъ, которыхъ называете священными?

— Нѣтъ, это — только символы. Видимые знаки для нагляднаго объясненія невидимаго. Мы, жрецы и ученые, поклоняемся только Единому, Сокрытому въ его видимой формѣ: солнцу, которое даетъ и поддерживаетъ жизнь. Помнишь, какъ въ пору нашей юности фараонъ Аменофисъ IV силой уничтожилъ старыхъ боговъ и почитаніе священныхъ животныхъ? Онъ двинулся изъ Фивъ, внизъ по рѣкѣ, проповѣдуя вѣру въ Единаго Бога. Знаешь ли, откуда онъ взялъ эту вѣру? Отъ израильтянъ, которые, послѣ жснитъбы Юсифа на Ансетъ, дочери благороднаго

жреца Она, размножились и вступали въ бракъ даже съ дочерьми фараоновъ. Но послѣ смерти Аменофиса все было снова восстановлено, столица опять перенесена въ Оивы, и вытащены наружу старые боги, — все ради народа.

— А вы продолжаете поклоняться Единому, Сокрытому, Вѣчному!

— Да, продолжаемъ.

— Такъ развѣ вашъ богъ не тотъ же, что Богъ Авраама, Исаака и Иакова?

— Быть можетъ, потому что вѣдь существуетъ онъ Одинъ!

— Это странно, но въ такомъ случаѣ почему вы преслѣдуете евреевъ!

— Чужіе народы обыкновенно не любятъ другъ друга. Ты знаешь, что нашъ фараонъ только что ходилъ войною на сирійцевъ, народъ Хетовъ?

Въ страну Ханаанскую и ея окрестности, въ страну отцовъ нашихъ и обѣтованія! Ты видишь: Господь Саваоѣ, нашъ Богъ, посылаетъ его, чтобы открыть путь нашему народу!

— Ты еще вѣришь въ обѣтованіе?

— Такъ же твердо, какъ въ то, что существуетъ Господь! И мнѣ сказано, что скоро придетъ время, когда мы покинемъ рабство и направимся въ страну обѣтованную.

Писецъ ничего не отвѣтилъ, но его лицо выразило столько же сомнѣнія въ словахъ Авраама, сколько увѣренности въ томъ, что скоро произойдетъ нѣчто совсѣмъ другое.

Абрамъ, вѣру котораго не могли поколебать никакія объясненія, перемѣнилъ тему и заговорилъ о другомъ, о безразличномъ.

— Вотъ удивительная лѣстница.

— Это—подъемъ, а не лѣстница.

Абрамъ бросилъ взглядъ наверхъ, на потолокъ купола и нашелъ новый предметъ для продолженія разговора, котораго не хотѣлъ прекращать.

— Это—небо?—спросилъ онъ.

— Это—небо.

— И его тайны?

— Ахъ, тайны! Для каждаго, кто ихъ можетъ понять, онѣ доступны.

— Скажи ихъ въ краткихъ словахъ.

— Астрономія — не моя область, и я мало знаю о ней, но все-таки постараюсь отвѣтить въ краткихъ словахъ. Сводъ, который ты видишь, это—небо; доска, которая лежитъ тамъ на столѣ, земля. Ну, мудрецы говорятъ такъ: вначалѣ покоились рядомъ земля, «Сиби», и небо; «Нугитъ». Это значитъ, они были едино. Но божество воздуха и солнечнаго свѣта «Су» подняло небо и поставило его сводомъ надъ землей. Неподвижныя созвѣздія, намъ извѣстныя, являются поэтому какъ бы отпечаткомъ, восковою печатью земли; и ученые, читая по звѣздамъ, могутъ изслѣдовать и неизвѣстныя страны нашей земли. Посмотри на созвѣздія, которыя знаешь. На сѣверѣ—Большая Медвѣдица; на югѣ, въ опредѣленное время года Охотникъ (Оріонъ) со своимъ четвереугольникомъ изъ четырехъ звѣздъ и съ тремя въ серединѣ. Эти три звѣзды мы, евреи, называемъ Посохомъ Якова, а че-

резь верхнюю изъ нихъ проходить небесный экваторъ, который соотвѣтствуетъ земному экватору, гдѣ предполагаются истоки нашего Нила. Ну, ты знаешь также столь милое намъ созвѣздіе рѣки (Нила). Смотри какъ оно вытекаетъ изъ созвѣздія Охотника (Оріона) и на небѣ дѣлаетъ столько же изгибовъ, какъ Нилъ, здѣсь, на землѣ. Итакъ, кто хочетъ знать сокровыя тайны земли, долженъ изучать ихъ на небѣ. Наши ученые знаютъ только страны, лежащія къ востоку; но мѣстности, расположенныя на сѣверѣ, подъ Большой Медвѣдицей, намъ незнакомы, какъ и страны, лежащія на закатѣ солнца. Однако, кажется, что странамъ Медвѣдицы предназначены великія задачи. Четыре и три—ихъ числа, какъ и числа Охотника. Три—есть божественное съ его свойствами; четыре—совершенство въ возможности; три и четыре образуютъ чудесное число семь. Людямъ приносятъ жертвы въ нечетномъ числѣ—три; а богамъ въ четномъ числѣ—четыре.

Вотъ, приблизительно то, что я мимоходомъ узналъ о тайнахъ неба. Если ты хочешь теперь узнать о нѣкоторыхъ соотвѣтствующихъ тайнахъ земли, то посмотримъ на гробницы нашихъ фараоновъ, которыя кромѣ видимой цѣли быть гробами имѣютъ еще тайное назначеніе, именно: хранить въ цифрахъ и мѣрахъ то, что ученымъ удалось узнать о взаимныхъ отношеніяхъ между «Сибу» и «Нуитъ». Сначала вотъ что: гробница фараоновъ или пирамида зиждется на числахъ *четыре* и *три*. Основаніе—четыре, стороны три. Вѣдь это одна изъ тайнъ неба. Но основаніе большой пирамиды шириной въ 365 священныхъ локтя. Вотъ тебѣ и 365 дней большого года. А трехре-

берияя грани пирамиды длиной въ 186 большихъ локтей или въ одинъ *стадій*. Ты видишь тутъ, откуда взялась мѣра длины. Если ты умножишь ширину основанія на число 500, которое равняется приблизительно двойной ширинѣ въ большихъ локтяхъ, то получишь длину, которая равная $\frac{1}{360}$ всего круга, по которому проходитъ солнце въ теченіе года. Тутъ 360 дней маленькаго года. Эта длина соотвѣтствуетъ четыремъ минутамъ времени, и жители страны, которая на одинъ градусъ западнѣе нашей, видятъ восходъ солнца на четыре минуты позже, чѣмъ мы... Больше ничего не знаю о числахъ и мѣрахъ! Если ты хочешь узнать дальнѣйшее, напримѣръ, почему стороны пирамиды имѣютъ наклонъ въ 51 градусовъ, то спроси у астрономовъ. Напротивъ того, лѣстница въ комнату съ гробницей образуетъ уголъ въ 27 градусовъ: онъ соотвѣтствуетъ разницѣ между наклономъ небесной и земной оси.

Арамъ слушалъ съ особымъ вниманіемъ объясненія ученаго писца о могилахъ фараоновъ и, когда Рувимъ называлъ числа, онъ прислушивался и закрывалъ глаза, будто хотѣлъ что-то точно запомнить. Наконецъ, онъ вмѣшался и заговорилъ самъ.

— Ты упомянулъ напоследокъ о 27 градусахъ. Хорошо! Это — наклонъ не небесной оси, но центра, млечнаго пути, который можетъ быть и есть истинная небесная ось и проходитъ на 27 градусовъ сѣвернѣе экватора, тогда, какъ наклонъ земной оси къ орбитѣ равенъ 23 градусамъ. Но ты забылъ третью пирамиду, царя Менкеры, основаніе которой имѣетъ въ ширину 107 большихъ локтей. Это число 107 можно найти три или пять разъ во

вселенной, потому что между солнцемъ и землею 107 разъ можетъ помѣститься солнце. 107 — это разстояніе и планеты Венеры отъ солнца; 107 — и разстояніе Юпитера отъ солнца, выраженное въ единицахъ или въ ихъ множественности.

Рувимъ смутился. — Что? Откуда это у тебя? Держишь меня здѣсь и дурачишь! Гдѣ ты этому выучился?

— У нашихъ старѣйшинъ и мудрецовъ, которые сохранили память о родинѣ, землѣ Урѣ въ Халдеѣ. Вы презираете Ассирію, мужи египетскіе, ибо полагаете Ниль средоточіемъ земли. Но въ безконечности есть много средоточій. За Ассиріей, у Евфрата и Тигра, лежитъ другая страна на другой рѣкѣ, и эта страна называется Семирѣчье, потому что ея рѣки вливаются въ морѣ семью рукавами, какъ и Ниль.

— Ниль имѣетъ 7 рукавовъ. Ты правъ какъ семисвѣтникъ, который обозначаетъ свѣтъ земли, долженствующій свѣтить каждой странѣ, гдѣ рѣка раздробляется, чтобы впасть въ океанъ. Рѣки, видишь ли, кровеносные сосуды земли, и, какъ эти сосуды, онѣ несутъ попеременно голубую и красную кровь. Такъ наша страна имѣетъ свой голубой и свой кроваво-красный Ниль. Голубой ядовитъ, какъ темная кровь, а красный плодоносенъ и жителенъ, какъ красная кровь. Такъ все созданное имѣетъ себѣ соотвѣтствіе вверху на небѣ, и внизу на землѣ, потому что

с э о — ино и Т о р ъ с е г о Е д и н ѣ , о д и н ѣ и т о т ѣ ж е !

Рувимъ молчалъ и слушалъ.

— Говори дальше! — сказалъ онъ наконецъ.

Абрамъ продолжалъ такъ: — Гробницы фараоновъ тоже выросли изъ земли, на которой находятся. Первая или

большая пирамида создана по подобію соли, когда она сгущается отъ солнечнаго жара. Если бъ ты могъ посмотрѣть сквозь каплю росы на обломокъ каменной соли, то нашелъ бы, что онъ состоитъ изъ безчисленнаго множества четырехугольныхъ камешковъ, какъ и большая пирамида. Но если сгustiшь въ камень квасцовый щелокъ, ты увидишь цѣлое поле пирамидъ. Квасцы, это—соль глины. Вотъ—тебѣ соль земли и соль моря! А есть еще родъ пирамидъ, верхушки которыхъ стесаны. Это—первоначальная форма сѣры, когда она дѣлается изъ извести. Итакъ, мы имѣемъ воду, землю и известь съ ея кремнемъ. А есть еще третій родъ пирамидъ, у которыхъ стесаны углы, и онѣ походятъ на сгущенный кремль или на горный кристаллъ. Вотъ тебѣ и горная почва. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи нильскаго ила можно найти всѣ эти формы и вещества: глину, соль, сѣру и кремль. Поэтому Ниль есть кровь земли, а горы—ея мясо, но не кости.

Рувимъ, который теперь назывался Фатеромъ, смотрѣлъ на Амрама съ ужасомъ и восхищеніемъ; и только тогда, когда тотъ замолчалъ, онъ снова открылъ ротъ.

— Ты—не столяръ и шкатулочный мастеръ. Ты—не Амрамъ!

Я—воистину столяръ и шкатулочный мастеръ, но принадлежу и къ священству Израила. Я—сынъ Кехада, сына Левія, сына Якова, сына Исаакова, сына Авраамова. Я—левитъ и супругъ Іохебеты. Миріамъ и Ааронъ мои родившіяся дѣти, не родившагося я ожидаю. Теперь возвращаюсь къ моей работѣ; проводи меня!

Фатеръ пошелъ впередъ, но избралъ не тотъ путь, которыми пришелъ Амрамъ.

Когда они проходили мимо открытой двери, которая вела въ большой залъ съ книжными полками, Амрамъ съ любопытствомъ остановился и хотѣлъ войти, чтобы по-смотреть на это множество книгъ. Но Фатеръ удержалъ его за платье.

— Не входи туда! Тамъ все засады и западни! Хранитель книгъ сидитъ спрятаннымъ въ серединѣ зала и жадно стережетъ сокровища. Онъ велѣлъ застлать полъ сухими ивовыми вѣтвями, которыя скрипятъ, какъ только вступишь на нихъ. Онъ слышитъ, когда кто-нибудь пробирается, и подстерегаетъ, не прольскользнетъ ли къ запрещеннымъ книгамъ какой-нибудь писецъ. Онъ волшебникъ! Онъ услышалъ насъ и—насъ ощупываетъ! Ты развѣ не чувствуешь, какъ холодный змѣиный языкъ касается твоей щеки, твоего лба, твоего вѣка?

И въ самомъ дѣлѣ—это онъ, который протянулъ пальцы своей души, какъ мы протягиваемъ руки! Но теперь я отрѣжу его щупальцы, которыми онъ хочетъ обыскать.

Онъ взялъ ножъ и махнулъ имъ по воздуху.

Амрамъ ощутилъ теплоту и въ тотъ же моментъ увидѣлъ большую ехидну, которая вилась на полу въ предсмертной судорогѣ.

— Вы тутъ занимаетесь чернокнижіемъ?—сказалъ онъ.

— Развѣ ты этого не зналъ? Я этого не ожидалъ!

Въ ту же минуту разступилась стѣна и обнаружилась другая, сырая, состоящая изъ нильскаго ила, гдѣ перевивались крокодилы и змѣи, тогда какъ бегемотъ угрожающе топалъ передними ногами.

Амрамъ испугался, но Фатеръ вынулъ амулетъ въ формѣ скарабея и, держа его передъ собою какъ щитъ, онъ

прошелъ среди чудовищъ, которыя растаяли какъ дымъ, Амрамъ же послѣдовалъ за нимъ.

— Только отводитъ глаза этотъ чернокнужникъ! — сказалъ Фатеръ.

Онъ помахалъ рукой, и все зрѣлище исчезло.

Теперь они снова стояли въ первомъ залѣ и, показывая на ниломѣръ, Амрамъ сказалъ:

— Голодь!

— Безъ сомнѣннй! Потому надо заткнуть всѣ лишнйе рты...

— Что?..

Фатеръ проговорился и замѣтилъ это.

— Я хочу сказать, — продолжалъ онъ, — что фараонъ долженъ озаботиться насчетъ запасовъ хлѣба.

— Теперь ему пригодился бы второй Иосифъ.

— Къ чему? — перебилъ Фатеръ, горячѣе, чѣмъ хотѣлъ.

— Развѣ ты не знаешь, что Иосифъ, сынъ Іакова, сдѣлалъ египтянъ рабами фараона? Ваши хартіи и наши хартіи рассказываютъ, что онъ взялъ у крестьянъ ихъ землю въ залогъ за помощь во время семи голодныхъ лѣтъ и что съ тѣхъ поръ одинъ только фараонъ сталъ владѣтелемъ всей земли египетской.

— Ты не Рувимъ, ты Фатеръ — египтянинъ, потому что, если бы ты былъ отъ Израиля, то не говорилъ бы такъ. Наши пути расходятся. Я иду къ своему дѣлу!

Амрамъ принялся за работу, а Фатеръ скользянулъ въ тѣнь столбовъ и исчезъ. Но Амрамъ видѣлъ по его сторбленной спинѣ, что онъ носитя со злыми замыслами.

Когда Амрамъ вечеромъ пришелъ домой, то узналъ, что жена его родила мальчика. Онъ былъ, какими вообще бываютъ здоровыя дѣти, только не кричалъ; послѣ купанья его завернули въ льняныя одежды и положили въ самый темный уголъ хижины.

Передъ восходомъ солнца на слѣдующее утро Амрамъ снова пошелъ на работу въ храмъ Солнца и съ завязанными глазами былъ введенъ въ комнату, гдѣ его и оставили, однако, безъ всякихъ совѣтовъ и предупрежденій касательно его поведения.

Эта безпечность показалась ему равнодушіемъ и ясно указывала на общую распушенность служителей храма. Поэтому онъ снова пошелъ въ колонную залу и, посмотрѣвъ съ безпокойствомъ на ниломѣръ, увидѣлъ, какъ упала вода. Итакъ, никакой надежды на тѣ пятнадцать локтей, которыхъ требовала земля для урожая.

Пройдя далѣе, онъ вышелъ на восточную террасу и попалъ въ открытую колоннаду. Но прежде чѣмъ двинуться и пойти дальше, онъ принялъ мѣру предосторожности: сталъ кидать маленькіе кусочки папируса, чтобы по нимъ найти дорогу назадъ.

Онъ шелъ по дворамъ, узкимъ какъ колодцы, но остерегался лѣстницъ; ему пошелъ впрокъ вчерашній опытъ. Наконецъ онъ очутился въ лѣсу изъ колоннъ, изъ которыхъ каждая заканчивалась на вершинѣ изображеніемъ бутона лотоса; и когда онъ прислушался, то сверху, съ

крыши до него донеслось будто тихое пѣнье дѣтскихъ голосовъ. Приложивъ ухо къ одному изъ столбовъ, онъ слышалъ звуки, болѣе громкіе, точно отъ цитры и арфы. Онъ зналъ, что ихъ производило солнце, которое уже согрѣло камни крыши и только теперь восходило.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и вдругъ открылась терраса съ жертвенникомъ. Съ террасы къ рѣкѣ вела лѣстница со сфинксами, и видна была вся долина, ограниченная на востокѣ цѣпью горъ вдоль Краснаго моря.

У жертвенника стоялъ жрецъ въ бѣлой льняной одеждѣ съ пурпурными коймами. Онъ поднималъ руки къ небу и стоялъ неподвижно. Руки были совершенно бѣлыми, такъ какъ вся кровь отлила къ плечамъ, а лицо старика, казалось, напрягалось отъ силы, которую онъ получалъ сверху черезъ руки. По временамъ его тѣло вздрагивало, какъ будто сквозь него пробѣгали огненные токи. Онъ молчалъ и смотрѣлъ на востокъ.

Вотъ выдвинулся блестящій край солнечнаго диска изъ за гребня горъ, и бѣлыя руки жреца сдѣлались прозрачными, розово-красными, какъ и лицо. Онъ открылъ ротъ и сказалъ:

— Богъ — Солнце, владыка блестящихъ лучей, будь благословенъ утромъ, когда ты восходишь, и вечеромъ, когда ты заходишь; я призываю тебя, Властитель вѣчности, Солнце обоихъ горизонтовъ, Творецъ, который самъ сотворилъ себя! Всѣ боги громко ликуютъ, когда они видятъ тебя, Царя неба; я становлюсь снова конь, когда я вижу твою красоту. Слава тебѣ, когда ты идешь въ страну жизни, ты, Отецъ боговъ!

Онъ замолчалъ и, продолжая стоять, протянулъ руки къ солнцу, какъ бы впитывая его тепло.

Тутъ въ лѣсу колоннъ послышалось звяканіе оружія, которое сейчасъ же замерло, и сразу послѣ этого показался статный мужчина безъ бороды, одѣтый въ золото и пурпуръ. Его походка была безшумна, какъ у пантеры, и казалось, что онъ плыветъ надъ поломъ; полъ отражалъ его образъ, который слѣдовалъ за нимъ, — точно свѣтлая тѣнь, по которой онъ шелъ.

Когда онъ вышелъ на террасу, солнце дало ему темную исполинскую тѣнь, которая легла за нимъ какъ коверъ.

— Уже на молитвѣ, ты, мудрѣйшій изъ мудрыхъ! — привѣтствовалъ фараонъ верховнаго жреца.

— Мой господинъ меня позвалъ, и твой слуга повиновался. Мой господинъ вернулся въ свою страну послѣ долгаго и славнаго, побѣдоноснаго похода въ далекія, чужія страны. Твой слуга бьетъ челомъ фараону!

Фараонъ сѣлъ на тронъ, обратившись лицомъ къ восходящему солнцу, и началъ говорить, какъ человекъ, желающій привести свои мысли въ порядокъ.

— Мои колесницы промчались по красной землѣ сирійцевъ; мои кони ступали по военнымъ дорогамъ Вавилона и Ниневіи; я пересѣкъ Евфратъ и Тигръ и прошелъ по странѣ между этими двумя рѣками; я подошелъ къ странѣ пяти рѣкъ и видѣлъ издали Семирѣчье, гдѣ начинается страна шелка, которая тянется до восхода солнца; я возвратился обратно и направилъ свои шаги къ сѣверу, Скиію и Колхиду. Куда я ни приходилъ, я слышалъ ропотъ и видѣлъ движеніе. Народы пробудились; въ храмахъ предсказываютъ возвращеніе боговъ, потому что люди были

оставлены одни, чтобы заботиться о своих дѣлахъ и направлять свои судьбы; но они плохо заботились и дурно направляли. Справедливостью сдѣлалась несправедливость и правдой ложь; вся земля вздыхаетъ объ избавленіи. Наконецъ молитвы достигли престола, престола Всемилосерднаго. И теперь возвѣщаютъ мудрые, кроткіе, святые на всѣхъ языкахъ радостную вѣсть: боги возвращаются. Приходятъ снова, чтобы помочь человѣчеству привести въ порядокъ запутанное, чтобы дать законы и оградить справедливость! Эту вѣсть я приношу какъ кобѣдную добычу, и ты, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, прими ее прежде всѣхъ отъ твоего господина.

— Ты слышишь, о, повелитель-фараонъ, все, что говорится по всему свѣту; твое око смотритъ дальше, чѣмъ звѣзды на небѣ, видитъ глубже, чѣмъ око солнца!

— И все-таки то, что боги дали мнѣ услышать во снѣ, ухо мое приняло, а разумъ не понималъ. Объясни мнѣ сонъ!

— Скажи его, повелитель!

— Я ничего не видѣлъ, но слышалъ голосъ, когда сонъ угасилъ свѣтъ очей моихъ. Онъ говорилъ въ темнотѣ и сказалъ: «Красная земля распространится по всѣмъ странамъ міра, а черная исчезнетъ какъ песокъ въ морѣ».

— Нетрудно истолковать сонъ моего повелителя, но онъ не обѣщаетъ ничего добраго.

— Объясни его!

— Хорошо! Красная земля это Сирія, ты знаешь, господинъ! Сирія, гдѣ живетъ презрѣнный народъ Хетовъ, есть наслѣдственная страна евреевъ — Ханаанъ; черная земля, земля Нила — Египеть, есть твоя страна, повелитель!

— Опять сверен, всегда сверен! Прошли столѣтія съ тѣхъ

поръ, какъ этотъ народъ пришелъ въ нашу страну; они размножились, не безпокоя насъ. Я не люблю ихъ, но не питаю къ нимъ вражды. Теперь же я ихъ боюсь. Трудиться пришлось имъ, въ концѣ концовъ, больше всѣхъ, но они не ропщутъ; они терпѣливы, какъ-будто ждутъ чего-то неизбѣжнаго, что непременно будетъ.

— Отпусти ихъ, повелитель!

— Нѣтъ, тогда они уйдутъ и устроятъ себѣ собственное царство!

— Отпусти ихъ!

— Нѣтъ, я хочу истребить ихъ!

— Отпусти ихъ!

— Я непременно истреблю ихъ!

— А какъ же сонъ, повелитель!

— Я его толкую, какъ предостереженіе и напоминаніе...

— А не какъ предсказаніе неизбѣжно грядущаго?

— Нѣтъ, какъ напоминаніе и предостереженіе.

— Не трогай этого народа, повелитель, потому что ихъ Богъ сильнѣе нашихъ.

— Ихъ Богъ — Богъ Халдеевъ. Пусть же сразятся наши боги! Я сказалъ, а ты слышалъ. Я ничего не прибавлю и ничего не возьму назадъ.

— Повелитель, ты видишь солнце на небѣ и вѣришь, что оно свѣтитъ всѣмъ народамъ. Развѣ ты не вѣришь, что на небѣ Единный Владыка правитъ судьбами всѣхъ народовъ?

— Такъ должно быть! Но надъ этой страной Владыка неба поставилъ правителемъ меня, и вотъ я управляю!

— Ты управляешь, повелитель, но не господствуешь

надъ погодой и вѣтромъ; ты не можешь поднять уровень нильской воды ни на одинъ палецъ и не можешь воспрепятствовать тому, что въ нынѣшнемъ году опять будетъ неурожай.

— Неурожай? Что говоритъ водомѣръ?

Повелитель, солнце вступило въ созвѣздіе Вѣсовъ, и вода уже убываетъ. Это голодъ!

— Въ такомъ случаѣ я истреблю всѣ бесполезные и чужіе рты, которые огничаютъ у населенія хлѣбъ. Я уничтожу евреевъ.

— Отпусти ихъ на свободу, государь!

— Я призову повивальныхъ бабокъ и велю умертвить всѣхъ мальчиковъ, какіе родятся у еврейскихъ женщинъ. Я сказалъ; теперь буду дѣлать!

Фараонъ всталъ съ престола и ушелъ быстрѣе, чѣмъ пришелъ; а Амрамъ поворотилъ назадъ, но нашелъ только одинъ кусочекъ папируса.

Онъ остановился и очень испугался, такъ какъ не умѣлъ найти свой путь.

Солнце поднялось, и колоннада уже не звучала: въ ней стало тихо. Послушавъ мгновеніе, Амрамъ замѣтилъ ту особую тишину, какая создается, когда дѣти, сдѣлавши что-нибудь запрещенное, подслушиваютъ и не хотятъ себя выдать. Онъ чувствовалъ, что кто-то находится вблизи и что этотъ кто-то хочетъ остаться скрытымъ; но направляеть свое вниманіе на него, Амрама.

Чтобы узнать навѣрное, Амрамъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ была самая глубокая тишина. И вотъ, за столбомъ стоялъ Фатеръ, который не выказалъ ни малѣйшаго смущен-

нія, а только показалъ свою ладонь, на которой лежали всѣ куски папируса, разсыпанные Амрамомъ.

— Не слѣдуетъ бросать кусочковъ на полъ, — сказалъ Фатеръ съ непередаваемой усмѣшкой. — Да, не гнѣвайся, я хочу тебѣ только добра. Ибо теперь ты послѣдуешь за мной, а не вернешься къ работѣ, которая была только западней, такъ какъ злоумышляютъ на твою жизнь. Тебѣ слѣдуетъ возвратиться въ домъ свой и позаботиться о своемъ новорожденномъ младенцѣ, чтобы его не погубили. Ты видишь, что Рувимъ-Фатеръ—настоящій израильтянинъ, хотя ты не хотѣлъ вѣрить этому!

Амрамъ послѣдовалъ за нимъ, вышелъ вонъ и пошелъ домой.

* * *

Юхебета ходила взадъ и впередъ по саду фараонову и поливала тыквы. Она ходила съ ведромъ между воротами къ рѣкѣ и грядой тыквъ. Иногда же выходила за ворота и нѣкоторое время отсутствовала. Дочь ея, Мириамъ, прикрѣпляла виноградныя лозы къ садовой стѣнѣ, но, казалось, ея вниманіе было направлено преимущественно на главный ходъ, который велъ къ дѣтнему дворцу царевенъ. Въ то время какъ руки исполняли работу, ея голова поворачивалась туда и сюда между воротами къ рѣкѣ и главнымъ ходомъ, какъ листья пальмы, когда по нимъ пробѣгаетъ вѣтеръ.

Когда мать замѣшталась, она пошла отъ стѣны къ воротамъ, внизъ, по низкому берегу, гдѣ слабый южный вѣтеръ качалъ тростникъ. Каменный дроздъ изъ пустыни сидѣлъ на береговомъ камнѣ, махалъ хвостомъ и трепеталъ крыльями, какъ-будто хотѣлъ показать то, что открылъ; онъ кричалъ и гоготалъ о чемъ-то необыкновенномъ въ тростникѣ. Высоко въ воздухѣ парилъ коршунъ, описывая спираль и нагнувши голову къ землѣ, точно высматривая тамъ что-то. Мириамъ нарвала почекъ лотоса и бросила ими въ дрозда, который отлетѣлъ подальше, но клювомъ все еще указывалъ на тростникъ.

Дѣвушка подобрала платье и влѣзла въ воду; она увидѣла, что мать стоитъ въ лѣсу изъ папирусовъ, полузакрытая ими и, нагнувшись надъ тростниковой корзинкой, кормить лѣвою грудью маленькаго ребенка.

— Мать, — зашептала Мириамъ, — приближается дочь фараона. Она идетъ купаться къ рѣкѣ.

— Господи, Боже Израиля, сжапись надъ моимъ ребенкомъ.

— Если ты уже напоила мальчика, то спѣши, идемъ!

Мать сводомъ нагнулась надъ ребенкомъ; ея волосы свисли точно пологъ, и двѣ слезы упали изъ ея глазъ на протянутыя руки младенца. Потомъ мать поднялась, сунула въ ротъ ребенку сладкій финикъ, тихо закрыла крышку корзины, пробормотала молитву и вышла изъ воды.

Слабый вѣтеръ съ суши закачалъ тростникъ, и вода подернулась рябью.

— Корзина плыветъ, — сказала она, — но рѣка течетъ

красная отъ крови и густая какъ сливки! Господи, Боже Израиля, помилуй насъ!

— Онъ помилуесть, — отвѣчала Мириамъ, — какъ онъ помиловадь отца нашего Авраама, который получилъ обѣтованіе за то, что повиновался и вѣрилъ: «сѣменемъ твоимъ благословятся всѣ народы».

— А теперь онъ убиваетъ всѣхъ новорожденныхъ.

— Твоего сына—нѣтъ!

— Еще нѣтъ!

— Молись и надѣйся!

— О чемъ? На что? Чтобы его не пожрали рѣчные чудовища, не поглотили волны рѣки, чтобы палачи фараоновы его не убили! Вотъ такъ надежда!

— Есть у насъ еще обѣтованіе и оно живетъ: «сѣмя твое одолѣетъ врата вражескія.»

— Къ тому же Амрамъ, твой отецъ, убѣждалъ...

— Въ Рамзесъ и Питонъ, гдѣ нашъ народъ отбываетъ барщину на постройкахъ; онъ пошелъ туда, чтобы предостеречь и напомнить! Онъ хорошо сдѣлалъ. Тише, подходить дочь фараона!

— Не можетъ же она купаться въ крови нашего ребенка.

— Она все-таки подходит! Но она другъ бѣдныхъ евреевъ, не бойся!

— Она дочь своего отца.

— Египтяне намъ двоюродные братья, потомки Хама мы Симовы! Симъ и Хамъ были братья!

— Но Хамъ былъ изгнанъ своимъ отцомъ Ноемъ, и Хаанаанъ былъ сыномъ Хама.

— Но Ной сказалъ: — Да будетъ благословенъ Го-

сподь, Богъ Сима, и Ханаанъ да будетъ ему рабомъ. Ты слышала? Симъ получилъ обѣтованіе, а мы — потомки Сима.

— Господи Саваоѣ, помоги намъ. Корзину гонить вѣтромъ! Ее гонить къ купальнѣ, и ястребъ тамъ, вверху, въ воздухѣ...

— Это коршунъ, мать!

Юхебета бѣгала по берегу какъ покинутая собака; она била себя въ грудь и плакала крупными тяжелыми слезами.

Послышались голоса и шаги. — Дочь фараона около насъ! — Господь, Богъ Израиля, надъ нами!

Обѣ женщины спрятались въ тростникъ, а въ воротахъ къ рѣкѣ показалась дочь фараона со своими рабынями. Она вступила на мостъ къ купальнѣ, которая была сдѣлана въ видѣ палатки изъ крашеной верблюжьей шерсти и удерживалась сваями, вбитыми во дно рѣки.

Но корзину пригнало къ мосту, и она возбудила лютобытство царевны. Она остановилась и ждала. Юхебета и Миріамъ изъ-за вѣтра не могли слышать, что она говорила, но видѣли по ея спокойнымъ движеніямъ, что она ждетъ развлечения отъ страннаго дара рѣки.

Вотъ она послала рабыню на берегъ. Та побѣжала и сломала длинную тростинку, которую подала своей госпожѣ. Последняя начала ловить корзину и вытащила ее на мостъ. Она наклонилась, упала на колѣни. Вотъ она открыла крышку. Юхебета увидѣла двѣ маленькихъ ручки, торчавшія къверху. Царевна громко разсмѣялась и обратилась къ женщинамъ. Она сказала что-то, выражавшее радость; а затѣмъ подняла ребенка, который тотчасъ прижался къ ея

дѣвственной груди и сталъ ошупывать бѣлую рубашку. Тогда царевна поцѣловала ребенка и прижала его къ груди, потомъ встала и повернулась къ берегу.

Мириамъ, которая теперь потеряла всякій страхъ, выступила впередъ и бросилась ницъ.

— Видишь, Мириамъ, я нашла ребеночка, — сказала царевна, которая звалась Теммой. — Мнѣ далъ его Нилъ, поэтому онъ—дитя боговъ. Теперь ты должна достать кормилицу.

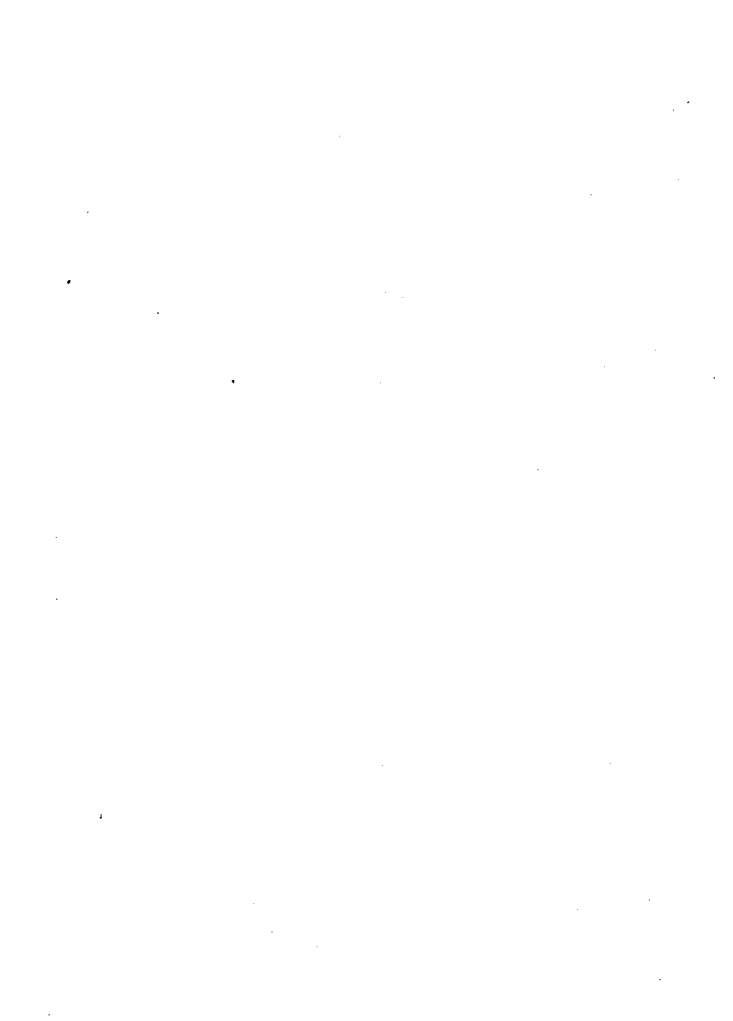
— Гдѣ же мнѣ ее взять, милостивая госпожа?

— Ищи! Но до вечера изволь найти. Не забудь, что этотъ ребенокъ—мой: вѣдь я вынула его изъ воды. Я уже дала ему имя: онъ долженъ называться Моисеемъ. И воспитаю его такъ, чтобы онъ сталъ человѣкомъ намъ по душѣ. Иди съ миромъ и найди мнѣ кормилицу!

Дочь фараона пошла съ ребенкомъ во дворецъ, а Мириамъ нашла свою мать въ камышѣ, гдѣ та слышала, что говорила и рѣшила дочь фараона.

— Мать, дочь фараона воспитаетъ сына Амрама и Юхебеты. Дѣти Хама будутъ служить дѣтямъ Сима. Хвала Господу, Богу Сима! Теперь ты вѣришь въ обѣтованіе, мать?

— Теперь вѣрю и восхваляю Господа за Его великое милосердіе.

Рабъ рабовъ Божиѣхъ.

Римъ сталъ провинціальнымъ городомъ, зависямымъ отъ Византіи, и управлялся равенскимъ экзархомъ, но часто бывалъ покидаемъ на произволь судьбы, когда сѣверные варвары доставляли себѣ удовольствіе разорять и жечь его. Уже три вѣка не бывалъ въ Римѣ ни одинъ императоръ: въ такомъ презрѣніи находилась теперь столица міра, представлявшая собой развалины, засыпанныя мусоромъ.

Но уже начали утилизироваться остатки дворцовъ и храмовъ: изъ собранныхъ обломковъ возникали церкви. Черезъ пятьсотъ лѣтъ по смерти Нерона, посреди цирка этого тирана, тамъ, гдѣ мученики принимали смерть, стояла уже старая церковь св. Петра. Въ разныхъ мѣстахъ города были еще церкви, всего не менѣе семи, а епископъ Рима жилъ въ Латеранскомъ дворцѣ, рядомъ съ церковью такого же названія. Существовали и монастыри, а у Аппіевой дороги стоялъ монастырь св. Андрея, совсѣмъ подлѣ церкви Креста Иисусова, выстроенной у входа въ катакомбы.

Лѣтнимъ утромъ, въ два часа пополудни всѣ отцы и братія были уже на ногахъ, отчитали или отцѣли раннюю обѣдню на клиросѣ, а потомъ игумень пошелъ въ садъ, чтобы предаться размышленіямъ.

Было еще темно, но между оливковыми и померанцевыми деревьями блистали звѣзды, и садовые цвѣты кивали подь слабымъ утреннимъ вѣтромъ.

Игумень, которому было лѣтъ пятьдесятъ, ходилъ взадъ и впередъ по крытой аллеѣ и на южномъ концѣ ея останавливался каждый разъ, глядя на мраморную плиту, положенную рядомъ съ другими такими же плитами. Это была его могила, уже готовая, рядомъ съ могилами другихъ, ранѣе умершихъ игуменовъ. На мраморѣ были вырѣзаны его имя и годъ рожденія, а для года смерти оставлено пустое мѣсто.

— Ахъ, Господи, надолго ли еще Ты меня забылъ здѣсь?—вздыхнулъ онъ и вернулся по прежнему пути.

Долго проходилъ онъ такъ, до наступленія дня, а потомъ усѣлся въ бесѣдкѣ и сталъ писать въ книгѣ, которую вынулъ изъ кармана.

Шумъ пробуждавшагося города не развлекалъ его; ничто не развлекало пятидесятилѣтняго сѣдоволосаго челоуѣка, который съ двухъ часовъ былъ уже на ногахъ, но ничего еще не ѣлъ. Звонили колокола, тархтѣли повозки. Ревъ Тибра слышался и сквозь шумъ. А старикъ все писалъ, между тѣмъ какъ свѣтъ зари слабо освѣщалъ его морщинистое лицо.

Наконецъ по песчаной дорожкѣ вошелъ послушникъ и поставилъ около игумена чашку молока и хлѣбъ. Того передернуло, точно его вызвали издалека, и онъ крикнулъ на юношу:

— Оставь меня въ покоѣ!

Послушникъ остановился, испуганный и огорченный.

Тутъ маленькая пѣвчая птичка, сидѣвшая въ листьѣ,

пустила трель. Игумень поднялъ взоръ, лицо его прояснилось, онъ взглянулъ на чашку съ молокомъ, которую жадно схватилъ было, чтобы поднести къ устамъ, но, замѣтивъ огорченіе молодого человѣка, онъ пріостановился.

— Прости мой гнѣвъ, но я былъ такъ далеко отсюда. Чтобы наказать себя, я сдѣлаю вотъ что!

Онъ хотѣлъ вылить молоко на землю, но, чтобы не погубить его безъ пользы, вылилъ его на грядку, гдѣ росла темно-желтая лилія.

Такъ какъ послушникъ, очевидно, не собирался уходить, игумень спросилъ:

— Ты хочешь со мною говорить? Говори.

— Святой отецъ...

— Я — не святы; Единный Святы—Господь вашъ Богъ на небѣ! Хочешь ли жаловаться, такъ начинай!

— Я былъ богатымъ юношей, который пошелъ и продалъ все, что имѣлъ...

— Это сдѣлалъ и я, когда былъ молодъ, а потомъ построилъ семь монастырей и не раскаивался въ этомъ. Вотъ тебѣ и отвѣтъ! На что ты сѣтуешь?

Юноша молчалъ.

— Можетъ быть, тебѣ голодно? Но вокругъ насъ голодаютъ люди, и мы должны дѣлиться съ бѣдняками.

— Не это одно, почтенный отецъ; но все оно не исполняетъ своего назначенія...

— Говори далѣе.

— Скучная пища не умерщвляетъ плоти, ибо когда я бѣгаю цѣлый день голоднымъ, то поневолѣ думаю о ѣдѣ и въ церкви, и на молитвѣ, и въ одиночествѣ. Отъ недостатка сна я цѣлый день дремлю и засыпаю на кляросѣ.

Желанья, которыхъ я доселѣ не зналъ, пробуждаются отъ ихъ подавленія: видя вино, я чувствую настоящую жажду согрѣть имъ мое тѣло.

— Такъ поди и попроси кого-нибудь изъ братьевъ бичевать тебя, пока не обольнешься кровью; тогда согрѣтся твое тѣло.

— Я это дѣлалъ, но отъ побоевъ пробуждаются новыя желанія: сладострастіе.

— Читай Августина.

— И это пробовалъ. Но хуже всего для меня грязь. Если бы можно искупаться...

— Ты грязенъ? Значитъ, внутри у тебя грязь? Я никогда не купаюсь, но всегда тѣлесно чистъ. Но одно я уже замѣтилъ: коль скоро нечисты мои помыслы, становится нечистымъ и тѣло! Какъ ты думаешь, что могло бы тебѣ помочь? Не хочешь ли, пожалуй, жениться? Тертуліанъ говоритъ: «Нѣтъ разницы между бракомъ и распутствомъ». А Иеронимъ предполагаетъ, что лучше горѣть, нежели жениться.

— А какъ же Павелъ?

— Оставь Павла! Чего же ты желаешь?

— Я не могу оставаться здѣсь, такъ какъ думаю, что побѣдить страсти можно только ихъ удовлетвореніемъ.

— Рабъ Сатаны, развѣ не знаешь ты, что страсти неутолимы? Ты вѣдь жилъ прежде у твоихъ родителей! Ты набѣдался каждое утро досыта! Ладно. Развѣ въ полдень снова ты не томился голодомъ? Да непремѣнно! Значитъ, насытиться ты не можешь. Нынѣ скажу тебѣ одно: ты — дитя міра и здѣсь не ко двору. А потому иди съ миромъ! Бѣшь свиную пищу, которая не насыщаетъ; когда же пре-

исполнишься къ ней отвращеніемъ, мы съ привѣтомъ примемъ тебя. Домъ родительскій всегда открытъ для блуднаго сына.

Юноша не ушелъ, а залился слезами.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не могу вернуться въ міръ, ибо ненавижу его, и міръ меня ненавидитъ; но здѣсь я пропаду!

Старикъ всталъ и заключилъ юношу въ объятія.

— Бѣдное дитя!

— Таковъ міръ, — продолжалъ онъ, — такова жизнь; но разъ это такъ и разъ ты видишь, что это такъ, то остается только жить и считать вопросомъ чести дожить до тѣхъ поръ, пока смерть не придетъ освободить насъ.

— Нѣтъ, я хочу умереть сейчасъ, — прорыдалъ юноша.

— Кому же не хочется этого, сынъ мой? — вырвалось у старика. — Если бы ты зналъ... если бы только зналъ...

Но онъ не далъ себѣ высказаться.

— Что же намъ теперь дѣлать? Ступай къ отцу Мартыну и вели дать себѣ поѣсть и стаканъ вина, но только одинъ; потомъ поди и выпипись! Спи цѣлый день или два дня! А послѣ того приди мнѣ показаться! Такъ! Теперь иди! Только тебѣ нужно отъ меня разрѣшеніе.

Онъ сѣлъ, написалъ что-то на листкѣ, вырванномъ изъ книги, и съ этимъ полномочіемъ юноша ушелъ, однако пристыженный и не безъ колебанія.

Игуменъ все сидѣлъ, но уже не писалъ. Вмѣсто того онъ принялся крошить хлѣбъ и разбрасывать крошки по столу. Тотчасъ явилась птичка и подхватила крошку; потомъ ихъ прилетѣло нѣсколько, и онѣ усѣлись на рукахъ и плечахъ старика.

Сверху свѣшивался побѣгъ винограда и тихо качался по вѣтру. Его винтообразный кончикъ какъ бы ощупывалъ воздухъ, ища опоры. Это позабавило игумена, и онъ въ шутку протянулъ палець.

— Сюда, малюточка, вотъ тебѣ опора.

Усикъ какъ-будто услыхалъ и тотчасъ обвился вокругъ его пальца, образовавши на немъ кольцо.

— Это кольцо мнѣ дается? — пошутилъ старикъ. Можетъ быть я стану епископомъ? Да помилуетъ меня Богъ!

Въ дверяхъ бесѣдки показался деканъ.

— Мѣшаю я тебѣ, братъ мой?

— Нисколько; я тутъ сижу и играю.

— Птицы и цвѣты! Да и бѣлыя лиліи? Я ихъ еще не видалъ.

— Бѣлыя? Тутъ только что были темножелтыя. Гдѣ же ты ихъ видишь?

— Вотъ здѣсь.

Игуменьъ взглянулъ внизъ, на то мѣсто, куда только что вылилъ свое молоко, и, въ самомъ дѣлѣ, тамъ были только однѣ бѣлыя лиліи и ни единой желтой. Онъ ничего не посмѣлъ сказать, ибо о такихъ вещахъ говорить нельзя, но улыбнулся въ сердцѣ своемъ и увидѣлъ въ этомъ милость Божію.

— Ну, деканъ, что дѣлается въ городѣ?

— Тибръ убываетъ.

— Слава Богу; только весь затибрскій городъ уже погубленъ наводненіемъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы насталъ настоящій потопъ и потопилъ бы насъ всѣхъ, все человѣчество; да такъ когда-нибудь и будетъ!

— Безнадежно мыслишь по обыкновенію.

— Нѣтъ, не безнадежно, но моя надежда — тамъ, а не здѣсь. Самъ Христось говоритъ въ Апокалипсисѣ, что здѣсь нѣтъ ничего, на что можно рассчитывать, ибо что здѣсь называется счастьемъ, то на самомъ дѣлѣ — лишь труды и бѣдствія.

— Нѣтъ, братъ, это не такъ.

— Ты процвѣтаешь въ тинѣ; со мною же этого не бывало. А теперь кажется, что приходится залѣзть туда обѣими ногами. Еще съ юности началъ я спасать душу, удалившись отъ міра. Но меня принудили вернуться въ міръ, силою втолкнули въ суету. Просто-напросто меня назначили префектомъ. Я желалъ отдать себя служенію Господу, а принужденъ былъ выдавать провіантъ для бѣдныхъ, покупать кровати для больницъ, смотрѣть за канализаціей и водопроводомъ. Время ежедневныхъ хлопотъ не давало воспарить моему духу, и я погрузился въ матерію, увязъ такъ глубоко, что не чаялъ и подняться.

— Но народъ благословлялъ тебя...

— Молчи! Я, никогда не обнажавшій меча, долженъ былъ собирать солдатъ и вести ихъ въ поле. Когда мнѣ было шесть лѣтъ, Римъ былъ разграбленъ готомъ Тотилой и такъ обезлюдѣлъ, что въ живыхъ осталось только пятьсотъ римлянъ. Когда мнѣ было семь лѣтъ, пришелъ Велизарій; когда исполнилось двѣнадцать, пришелъ Нарзесъ; потомъ меня отправили посломъ въ Константинополь; меня, ненавидящаго путешествія и публичности! Все пришлось мнѣ перенести, что было мнѣ наиболѣе постыло! Вотъ теперь я усталъ и хочу покоя. Сижу здѣсь и жду, пока откроется моя могила!

— Помнишь ли, что говоритъ Виргилій въ Георгикѣхъ о трудѣ земледѣльца?

— Нѣтъ, я ненавижу язычника...

— Постой! Онъ говоритъ такія слова мудрости: «Когда Зевсъ посылаетъ дурную погоду, мышей и гадовъ, то это происходитъ затѣмъ, чтобы пробудить энергію поселанина и вызвать въ немъ изобрѣтательность». Итакъ, несчастія посылаются затѣмъ, чтобы міръ двигался впередъ.

— Міръ идетъ назадъ, къ своей погибели и осужденію. Вотъ уже пятьсотъ лѣтъ мы ждемъ избавленія, а только видимъ, какъ одно дикое племя смѣняется другимъ, убиваетъ, грабитъ и распутничаетъ. Видишь ли ты разумность въ этихъ посѣвахъ безъ жатвы?

— Богохульникъ! Да, я вижу, какъ перепаживаютъ зелена, чтобы удобрить почву!

— Драконовъ посѣвъ и адская жатва! Нѣтъ, теперь я уйду въ могилу и запру за собою двери: я имѣю право на отдыхъ послѣ цѣлой жизни тяготы и трудовъ!

— Вотъ зазвонили къ часамъ!

— Jam moesta quiesce queraela...

* * *

Тибръ затопилъ Римъ, разрушилъ цѣлые кварталы, но пощадилъ монастырь св. Андрея.

Однимъ утромъ игуменъ опять писалъ у себя въ саду,

сидя такъ, что ему видно было свою могилу каждый разъ, какъ онъ поднималъ взглядъ со своей работы.

Погруженный въ свое дѣло, онъ не слышалъ, что происходило вокругъ, но замѣтилъ, что цвѣты закачались на грядкахъ, что у ногъ его запрыгали лягушки, что запахло сыростью, прѣлью, гнилью.

Онъ все писалъ; но глазъ его хоть и слѣдилъ за ходомъ пера по бумагѣ, все-таки увидѣлъ что-то темное, которое двигалось по землѣ, растягивалось чернымъ ковромъ и приближалось.

Вдругъ у него промокли ноги, и могилбный холодъ проникъ въ его тѣло.

Тутъ онъ очнулся и понялъ! Вода въ Тибрѣ поднялась и выгоняла его изъ послѣдняго убѣжища.

— Я не хочу! — закричалъ онъ, когда ударилъ набатъ и монахи бѣжали.

Онъ ушелъ наверхъ, къ себѣ въ келью, съ твердымъ рѣшеніемъ не бѣжать. Не выйдетъ онъ опять въ міръ, а умереть здѣсь! Потопъ, о которомъ онъ молился, насталъ.

Но въ кельѣ онъ впалъ въ искушеніе и молитву.

— Господи, почто наказуешь невинныхъ? Почто поражаешь друзей твоихъ и даешь процвѣтать врагамъ? Уже пятьсотъ лѣтъ взыскиваешь ты на чадахъ своихъ грѣхи отцовъ! Если этого недостаточно, то истреби насъ всѣхъ сразу!

Вода поднималась и плескалась о стѣны; садъ былъ затопленъ, и его могила полна воды. Но игумень остался, гдѣ былъ; онъ то пѣлъ хвалебные гимны, то предавался

гнѣву, послѣ чего онъ просилъ прощенія, а затѣмъ гнѣвался вновь.

Наконецъ онъ сѣлъ, чтобы продолжать писать свое большое сочиненіе, долженствовавшее стяжать ему безсмертіе! «Magna Moralia». Насталъ полдень, но онъ не ощутилъ голода, такъ какъ упражненіемъ приучилъ себя обходиться безъ пищи по три дня.

Послѣ полудня онъ поднялъ взоръ съ книги, услышавъ шумъ у окна. Туда пристала лодка, и въ ней сидѣлъ послушникъ Августинъ.

Эта необыкновенная, почти веселая сцена вызвала у него улыбку и, вспомнивъ о бесѣдѣ съ юношей, онъ спросилъ черезъ открытое окно:

— Ну, лакомка, дали тебѣ вина и жирной пищи?

— Нѣтъ, почтенный отецъ; я не взялъ, когда узналъ, что могу взять. Доступность прогнала искушеніе. Теперь, однако, имѣю сказать нѣчто другое. Въ городѣ — чума, и люди мрутъ какъ мухи!

— Еще и чума! О, Господи, сколь долго будешь Ты совсѣмъ забывать о насъ! Еще и чума!

Съ этимъ онъ всталъ.

— Всѣ по мѣстамъ! Исполнимъ нашъ долгъ, благословимъ Господа и умремъ.

Игумень вылѣзъ изъ окна въ лодку и покинулъ свой тонущій корабль.

* * *

Вода въ Тибрѣ спала, но оставила по себѣ змѣй, рыбъ и лягушекъ, которыя дохли и заражали воздухъ. Народъ спасся на холмы. На Палатинѣ изъ одной церкви сдѣлали больницу. Тутъ ходилъ игумень Андреевскаго монастыря, подавалъ больнымъ напитокъ, утѣшалъ умирающихъ.

— Почему боитесь вы смерти, дѣти? Лучше бойтесь жизни, ибо она есть истинная смерть!

Онъ былъ здѣсь совсѣмъ какъ дома, сіялъ неустрашимостью и ясностью и пытался прочесть на лицахъ умершихъ: «хорошо ли имъ на томъ берегу?»

Смерть не хотѣла брать его. Порою онъ ѣздилъ въ лодкѣ на другіе холмы и ходилъ среди больныхъ и умиравшихъ, такъ что народъ сталъ видѣть въ немъ безсмертнаго, сошедшаго на землю для утѣшенія людей. Болѣе пожилые припомнили, какъ онъ былъ префектомъ и защищалъ городъ отъ готовъ, вандаловъ и лангобардовъ; слава его все росла.

Чума свирѣпствовала, и количество смертей возросло такъ, что не успѣвали хоронить покойниковъ. Торговля прекратилась, и крестьяне перестали привозить въ городъ свѣстные припасы. Наступилъ голодъ.

Настоятель бывшаго Андреева монастыря, по имени Григорій, утратилъ мужество и рѣшилъ бросить все.

— Противъ Бога не могу бороться, и если въ томъ Его воля, чтобы Римъ погибъ, то безбожно ей препятствовать.

Среди этихъ бѣдствій умеръ Пелагій II, римскій епископъ, или папа, какъ его называли потомъ. И народъ единогласно призвалъ игумена Григорія. Онъ же поступилъ какъ Саулъ и императоръ Юліанъ: онъ скрылся.

Изъ города онъ бѣжалъ въ Сабинскія горы, гдѣ, въ пещерѣ, жилъ отшельникъ. Народъ же пошелъ за нимъ вслѣдъ, выгнали его и увелъ обратно въ Римъ, гдѣ онъ получилъ посвященіе подъ именемъ Григорія I.

* * *

Тринадцать лѣтъ правилъ Григорій былою столицею міра. Онъ былъ намѣстникомъ, такъ какъ равенскаго экзарха уже не существовало съ тѣхъ поръ, какъ его выгнали лангобарды. Онъ требовалъ помощи отъ императора Византіи, но не добился ея. Тогда ему пришлось со всѣмъ справляться одному и удалось силою слова обезоружить короля Агилульфа, угрожавшаго Риму.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и епископомъ и, какъ таковой, управлялъ въ то же время западными общинами; ему удалось довести ихъ до отреченія отъ аріанства и до сліянія въ одно общее вѣроисповѣданіе, которое стало называться вселенскимъ, или католическимъ.

Къ язычникамъ Англій онъ отправилъ бывшего посланника Августина, такъ какъ тотъ скоро преодолѣлъ первоначальныя затрудненія. И маленькій лакомка окончилъ жизнь архіепископомъ въ Кентерберіи.

Когда-то столь робкій и утомленный жизнью, игумень съ расширеніемъ дѣятельности почувствовалъ возрастаніе

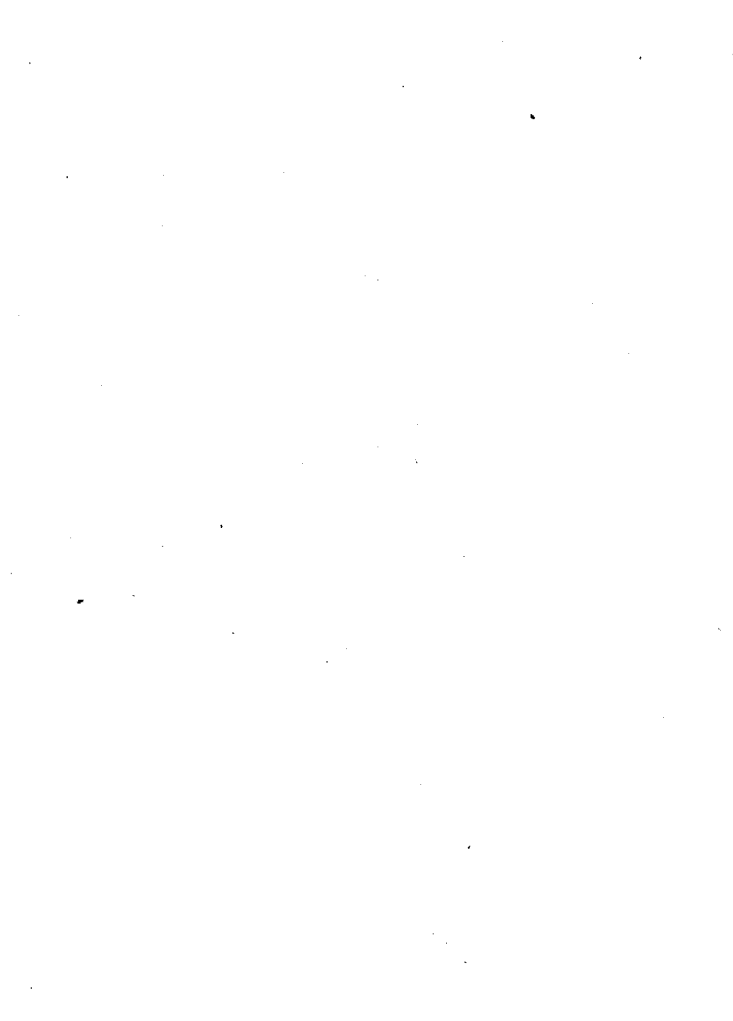
силъ, и вмѣстѣ съ призваніемъ у него открылась способность осуществить его. Ему хватало времени на все;—на великое и малое. Онъ преобразовывалъ литургію, писалъ письма, сочинялъ книги; вводилъ порядокъ въ церковное пѣніе...

Простота его жизни осталась, однако, прежнею. Въ Латеранскомъ дворцѣ у него была келія, и отсюда онъ управлялъ душами отъ горъ Шотландіи до Геркулесовыхъ столбовъ.

Власть его была равна власти Цезаря, но у него не было легионовъ; было только перо и немножко чернилъ. То начиналось царствіе Христово; только владычество это было духовное, и Григорій былъ намѣстникомъ.

Измаилъ.

По смерти Григорія Великаго христіанство, повидимому, одержало побѣду во всей тогда извѣстной Европѣ, Византіи, Палестинѣ, Египтѣ и на африканскомъ побѣрежѣ Средиземнаго моря. Но только что побѣдитель рѣшился успокоиться, какъ произошло нѣчто новое, неожиданное; для христіанства оно явилось угрозою и вывело новое племя на сцену исторіи. Потомки Измаила, незаконныя дѣти Авраама, блуждавшія въ пустыняхъ, начали, продолжая свои странствія, собираться подъ знамена и искать себѣ земли обѣтованной.

Черезъ шесть лѣтъ по смерти Григорія «возсталъ», въ то время сорокалѣтній, пророкъ, по имени Магометъ; какъ пожаръ разлились его полчища, и сто лѣтъ спустя христіанская Европа подумала, что насталъ Страшный Судъ. Первые завоеванія христіанства—Сирія, Палестина, Малая Азія, Египеть и африканскій берегъ отпали отъ него и поклонились новому антихристу; Византія жила подъ грозою, Сицилія и Сардинія были завоеваны, а Італія находилась въ опасности.

Съ южной оконечности Испаніи въ ясную погоду виденъ былъ африканскій берегъ, гдѣ жили сарацины.

Испанія была такая страна, которая, находясь довольно

далеко отъ Рима, выросла и развилась въ одну изъ богатѣйшихъ провинцій, послѣ того какъ получила первыя основы цивилизаціи отъ финикійцевъ и карфагенянъ. Когда же Римъ распался, то варвары, шедшіе отъ Балтійскаго моря и принадлежавшіе къ новымъ германскимъ народамъ, которымъ еще Тацитъ предрекъ ихъ будущность, напали на Испанію, основали тамъ свои царства и теперь, въ началѣ VIII вѣка, владѣли тамъ великолѣпными столицами Севильей и Толедо.

Въ Севильѣ, въ прекрасной Андалузій, у Гвадалквивира, старый еврей Элеазаръ сидѣлъ въ своей оружейной лавкѣ и подсчитывалъ дневную кассу.

— Въ нынѣшнее время продается много оружія, — вдругъ сказалъ чужестранецъ, незамѣтно подошедши къ прилавку.

Элеазаръ поднялъ взоръ, нашелъ, что наружность хорошо одѣтаго чужеземца симпатична, и осторожно отвѣтилъ:

— Да, продаю не мало.

— Вы ждете войны?

— Здѣсь постоянно война, впрочемъ, больше словесная.

— Ты говоришь о двѣнадцати соборахъ, здѣсь бывшихъ? Христіане не могутъ жить безъ разногласій!

Элеазаръ ничего не отвѣтилъ.

— Извини, — продолжалъ чужестранецъ, — но я забылъ, съ кѣмъ говорю, а послѣдній соборъ тебѣ пріятнѣе бы изгнать изъ памяти.

— Нѣтъ, никогда! Какъ же это возможно?

— Онъ былъ направленъ противъ твоихъ соплеменниковъ...

— А мой единственный сынъ, собиравшійся жениться на христіанской дѣвицѣ, долженъ былъ ее покинуть вслѣдствіе запрещенія браковъ между евреями и христіанами...

— Ну, и чѣмъ же дѣло кончилось?

— Онъ не пережилъ этого, а наложилъ на себя руки; когда же и она послѣдовала за нимъ въ царство смерти, мы оказались виновными, потеряли имущество и свободу.

— Элезаръ, развѣ ты не знаешь меня? — вскричалъ чужеземецъ.

— Нѣтъ!

— Но если я назовусь по имени, то ты поймешь, кто я такой: Юлій, графъ Юлій...

— Вы — графъ Юлій?

— Я — тотъ, чья дочь Флоринда была воспитана въ Толедо и попала въ руки короля Родериха, разбойника и распутника... Можно ли мнѣ войти къ тебѣ въ горницу? Намъ предстоитъ сказать другъ другу многое.

Элезаръ колебался, хотя между оскорбленными отцами погибшихъ дѣтей могло быть много общаго. Только онъ боялся христіанъ, которые какъ разъ начали преслѣдовать іудеевъ.

Графъ понималъ это, но тѣмъ не менѣе настаивалъ, такъ какъ, очевидно, пришелъ съ опредѣленными цѣлями.

— Пусти меня въ горницу, и я открою тебѣ свою тайну и твою.

Элеазару не хотѣлось уступать, и онъ вступилъ въ переговоры.

— Скажите хоть слово, хоть одно, которое бы убѣдило меня, — попросилъ онъ.

— Оппасъ! Вотъ тебѣ одно.

Элеазаръ раскрылъ глаза шире, но попросилъ еще слово.

— Сынъ Зиджада!

— Еще лучше! — сказалъ Элеазаръ. — Ну, теперь послѣднее!

— Баръ-Кохъ-Ба!

Элеазаръ протянулъ ему руку.

— Вступите подъ кровь мой, вкусите моего хлѣба и отвѣдайте благословеннаго вина.

Въ одну минуту лавка была заперта. Оба старика успѣлись за ужинъ въ задней комнатѣ.

Бесѣда была въ ходу.

— Насъ, евреевъ, здѣсь, въ Испаніи, нѣсколько сотъ тысячъ. Когда императоръ Адрианъ въ послѣдній разъ разрушилъ Іерусалимъ, онъ прислалъ сюда пятьдесятъ тысячъ евреевъ. Съ тѣхъ поръ прошло шестьсотъ лѣтъ, и мы, разумѣется, размножились, даже до такой степени, что теперь явилась возможность заставить креститься девяносто тысячъ нашихъ... Вѣдь и я крещенъ, но, хотя меня полили водою, я остался при вѣрѣ отцовъ моихъ; да и какъ же иначе? У христіанъ нѣтъ одной вѣры, а есть ихъ множество. Соборъ, засѣдавшій въ Толедо въ 589 г., училъ, напримѣръ, что Святой Духъ исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына; а соборъ 675 года заявилъ, что Сынъ посланъ не только Отцомъ, но и Святымъ Ду-

хомъ. Вѣдь это нелѣпо! Поэтому они сами отпадаютъ отъ своего ученія. Но вмѣсто того чтобы вернуться къ Ветхому Завету, который есть источникъ Новаго, они погружаются въ невѣріе и язычество. Такъ случилось съ самимъ толедскимъ архіепископомъ Оппасомъ, который называетъ себя ненавистникомъ Христа и предпочитаетъ Исламъ римской вѣрѣ.

— Ты знаешь Оппаса?

— Да, онъ — нашъ!

— Ты говоришь объ Исламѣ? Что думаешь ты объ этомъ ученіи?

— Да вѣдь это наша святая вѣра: единый Богъ, единый и истинный! А пророкъ вѣдь — потомокъ Авраама, унаслѣдовавшій обѣтованіе! Измаиль хотъ отъ рабыни, но все же сѣмя Авраама!

— Но Магометъ выгналъ евреевъ изъ Аравіи?

— Да, онъ это сдѣлалъ: онъ не достигъ совершенства; однако, это перемѣнилось: все мѣняется, и тѣмъ лучше. Магометъ получилъ свои первыя впечатлѣнія отъ своего двоюроднаго брата Вураки, который былъ еврейскаго происхожденія; и вначалѣ Магометъ чувствовалъ сильное расположеніе къ израильтянамъ; даже на молитвѣ предписано было вѣрующимъ поворачиваться не въ сторону Каабы, а въ сторону Іерусалима. Существуетъ и такое преданіе, что пророкъ самъ былъ еврей; оно, пожалуй, и правда, такъ какъ онъ былъ арабъ или измаильтянинъ что одно и то же.

— И теперь вы хотите служить лучше полумѣсяцу, нежели кресту?

— Конечно.

— Симонъ, котораго вы зовете Баръ-Кохи-Ба, ведетъ переговоры съ архіепископомъ Оппасомъ, чтобы низложить Родериха?

— Это вѣрно.

— Ладно, тогда я съ вами! Но запомни, что я тебѣ скажу: такъ какъ наша общая цѣль состоитъ въ низложеніи вестготскаго короля, то я, въ качествѣ губернатора Цеуты, запросилъ эмира Муссуаль-Назира и его полководца Тарика, сына Зиджада, не дадутъ ли они намъ помощи за передачу имъ Цеуты съ окрестностями. Думаешь ли ты, что уже можно начать бурю?

Элеазаръ пожевалъ свою бороду.

— Развѣ она еще не бушуетъ?—выговорилъ онъ сухо.

— Вы зашли дальше, чѣмъ мнѣ извѣстно?

— Что вамъ извѣстно?

— Такъ, такъ! У васъ ужъ вонъ что? Ну, ладно! Значить, моей прекрасной Испаніи тоже конецъ!

-- Ничто не кончается: все лишь мѣняется, отбывъ свое время. Испанія уже поцарствовала, давая Риму императоровъ: Траяна, Адриана, Антонія, Марка Аврелія, Θεодосія, которые точно такъ же могли быть иберійцами или финикійцами. Испанія дала Риму ученыхъ и писателей: Сенеку, Лукана, Марціала, Квинтильяна, Помпонія Мелу, Колумеллу. Тому уже пятьсотъ лѣтъ. А затѣмъ мы пережили варварство подъ властью крещеныхъ сѣверянъ съ Балтійскаго побережья. Теперь же намъ не помѣшаетъ кое-что восточное!

— Ты вѣришь въ будущность Ислама?

— Да, безусловно! Мусса поклялся, что пройдетъ по слѣдамъ Аннибала черезъ Галлію и Германію въ Римъ,

чтобы «язычниковъ и поклонниковъ женщины» обратить къ единому и истинному Богу.

— Ты это знаешь? Значить, возврата нѣтъ?

— Нѣтъ! Уже поздно! Девятнадцатаго іюля полумѣсяцъ взойдетъ надъ Испаніей и, конечно, выдержитъ до полнолунія. Что наступитъ потомъ, мы того не знаемъ; да это и не наше дѣло, ибо властвуетъ одинъ лишь Господь Саваоѣ.

* * *

Семнадцатаго іюля 1711 года, какъ только стемнѣло, зажжены были костры на самой южной оконечности Испаніи, Punta de Eugora; а съ африканскаго берега, за двѣ мили оттуда, ствѣчали подобными же сигналами. Съ океана подулъ западный вѣтеръ и пригналъ сарацинскій флотъ съ пятью тысячами вооруженныхъ людей и лошадьми.

На оконечности Европы, впоследствии назвавшейся Гибралтаромъ, высоко на отвѣсномъ утесѣ стояли длиннобородые горожане и помѣшивали костры, подбрасывали дровъ, раздували пламя.

Утромъ у подножья утеса высадился авангардъ, и съ этого началось завоеваніе Испаніи маврами.

На слѣдующій день подоспѣлъ Мусса-ибнъ-Нассиръ съ главными силами.

Вестготскій король поспѣшно собралъ стотысячное

войско и, считая себя неодолимымъ, поѣхалъ самъ полюбоваться на побѣду. Одѣтый въ золото и шелкъ, точно византійскій императоръ, онъ полулежалъ въ повозкѣ изъ слоновой кости, влекомой двумя бѣлыми мулами, а за нимъ слѣдовали его виночерпїи и женщины его гарема.

Три дня все шло хорошо, но на четвертый случилось нѣчто неожиданное.

Въ тѣснинахъ между горами и рѣками Андалузїи его войска едва могли двигаться, а король сталъ лагеремъ на берегу Гвадалеты. Вдругъ онъ увидѣлъ, что его народъ стремится съ высотъ подобно потоку, — одинъ отрядъ подъ начальствомъ архїепископа Оппаса, а другой — предводимый графомъ Юліемъ.

Родерихъ, подумавши, что они бѣгутъ отъ врага, снялся съ лагеря; но не успѣлъ повернуть назадъ, а былъ оттѣсненъ къ рѣкѣ. Онъ рѣшился вплавь достигнуть другого берега, но здѣсь наткнулся на стрѣлковъ изъ лука.

Къ берегу подскакала на рыжей лошади амазонка и направила свой лукъ на утопавшаго, который боролся съ теченїемъ.

Онъ видѣлъ, что на томъ берегу стоятъ его войска и черезъ рѣку машутъ врагу бѣлыми знаменами, слѣдовательно подаютъ сигналъ къ миру.

Когда онъ понялъ, что тутъ — измѣна, то пошелъ ко дну, а съ нимъ и владычество вестготовъ.

Мусса тотчасъ вступилъ въ Толедо, прежде чѣмъ успѣли состояться выборы новаго короля. Такимъ образомъ Исламъ перешелъ въ Европу и оставался здѣсь до 1492 г.

Евреи, оказавшіе маврамъ сильнѣйшую поддержку, тотчасъ получили свободу, и въ каждый испанскій городъ въ качествѣ намѣстника посаженъ былъ еврей.

Тысячелѣтнее царство.

Въ 998 году Римъ сталъ нѣмецкой имперіей, а нѣмецкій императоръ — римляниномъ. Оттонъ III, воспитанный своей матерью, гречанкой Тефано, унаслѣдовалъ ея любовь къ южнымъ странамъ и потому жилъ большею частью въ своемъ дворцѣ, на Авентинскомъ холмѣ, устроился какъ императоръ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать Римъ столицей нѣмецкаго государства. Ему тогда было двадцать лѣтъ. Онъ отличался честолюбіемъ, пылкой фантазіей, благочестіемъ и жестокостью.

Въ его отсутствіе пробудился древній римскій духъ: благородный сенаторъ Кресцентій, провозгласивъ себя народнымъ трибуномъ, освободилъ Римъ отъ нѣмцевъ, прогналъ папу Григорія V и посадилъ на его мѣсто Іоанна XVI.

Императоръ быстро вернулся въ Римъ, взявъ въ плѣнъ Кресцентія съ его папой и послѣ того показалъ римлянамъ такой спектакль, какого они не видывали, но видали ихъ прадѣды.

Кварталъ папы Льва, заключавшій въ себѣ Ватиканскій Холмъ съ древнѣйшею церковью Петра и папскимъ дворцомъ, сообщался съ городомъ черезъ *pons Aelius*, или мостъ Адріана. У начала моста, справа, находилась могила

Адриана, похожее на башню зданіе, въ которомъ погребались императоры до Каракаллы. Когда готы взяли Римъ, усыпальница стала крѣпостью и долго оставалась ею.

Когда римляне проснулись въ памятное утро 998 года, они увидѣли двѣнадцать большихъ деревянныхъ крестовъ, воздвигнутыхъ на террасѣ крѣпости Адриана. Высоко надъ ними виднѣлся архангелъ Михаилъ съ обнаженнымъ мечомъ, поставленный Григоріемъ Великимъ еще въ его время.

На мосту Аелія собралась большая толпа зрителей; въ ихъ числѣ находились французскій купецъ и готскій пилигримъ, пришедшіе съ запада черезъ кварталъ папы Льва.

Солнце давно уже взошло, и мечъ архангела пылалъ.

— Что это тамъ за кресты? — спросилъ пилигримъ, прикрывая отъ свѣта глаза рукою.

— Ихъ двѣнадцать! Можетъ быть, они означаютъ двѣнадцать апостоловъ?

— Нѣтъ, тѣ отстрадали; и благочестивый императоръ вновь не распинаетъ учениковъ Господнихъ.

— Да, императоръ! Саксъ! Ни готъ, ни лангобардъ, ни даже франкъ не овладѣли Римомъ, а—саксъ изъ проклятаго народа, про который Карлъ Великій думалъ, что съ корнемъ вырвалъ его изъ земли! Онъ послалъ ихъ десять тысячъ въ Галлію, чтобы осчастливить врага этими дикарями, а четыре съ половиною тысячи обезглавилъ въ одинъ день, не проведя отъ того и одной ночи безъ сна. Дивны пути Господни!

— Послѣдніе дѣлаются иной разъ первыми...

— О, Господи Иисусе, Спаситель міра, тамъ шевелится что-то на крестахъ! Видишь!

— Да, ей Богу! Нѣтъ, я не могу смотрѣть на это!
Это—распятыя люди!

Два римлянина стояли около чужеземцевъ.

— Германъ, ты отомщенъ!—сказалъ одинъ.

— Арминій былъ саксъ?—сказалъ другой.

— Вѣроятно, потому что онъ жилъ въ Гарцѣ.

— Тысячу лѣтъ назадъ шла здѣсь по улицамъ Туснельда, въ триумфальномъ шествіи Германика, и несла подъ сердцемъ неродившагося Тумелика. Нужна цѣлая тысяча лѣтъ, чтобы быть отомщеннымъ!

— Тысяча лѣтъ проходитъ какъ одинъ день! А эти наши римскіе братья на крестахъ развѣ не мученики за свободу Рима?

— Мученики за наше право! Но на этотъ разъ они оказались неправыми, потому что такъ угодно было богамъ.

Теперь сцена перемѣнилась. Толпу народа у крѣпости раздвинула кучка солдатъ. Сидя задомъ напередъ на ослѣ, ѣхалъ папа Іоаннъ XVI. У него были обрѣзаны уши и носъ и выколоты глаза. Это было жалкое зрѣлище, которое становилось еще отвратительнѣе оттого, что надъ его головой вѣтеръ раскачивалъ свиной пузырь.

Народъ молчалъ и содрогался, потому что это былъ все-таки Христовъ намѣстникъ, преемникъ св. Петра, не будучи при этомъ мученикомъ.

Какой-то сициліецъ стоялъ на мосту рядомъ съ евреемъ. Сициліецъ былъ магометанинъ, потому что Сицилія тогда была во власти сарацинъ, которые владѣли ею около ста лѣтъ.

— Ему приходится, должно быть, страдать за своихъ

предшественниковъ!—сказалъ еврей. — Вѣдь это христіанское убѣжденіе: *satisfactio vicaria*.

— Страдать необходимо,—отвѣтилъ сарацинъ,—и я не заплачу, что эта порнократія пришла къ подобному концу! Сто лѣтъ папы жили какъ каннибалы. Помнишь Сергія III, который жилъ съ дѣвкой Ѳеодорою и ея дочерьюми? А Іоаннъ X продолжалъ съ матерью и дочерью Марозіей, изъ которыхъ послѣдняя сначала собственноручно убиваетъ брата, а потомъ душитъ папу подушкой. Іоанну XII было всего двѣнадцать лѣтъ, когда онъ сталъ папой. Онъ позволилъ подкупить себя и поставилъ въ епископы десятилѣтняго мальчика въ конюшнѣ, вступилъ въ кровосмѣшеніе съ наложницей отца и превратилъ Латеранъ въ публичный домъ. Онъ игралъ въ карты, пьянствовалъ и клялся Юпитеромъ и Венерой... Да ты, вѣрно, знаешь все это!

— Да, —отвѣтилъ еврей,—христіане живутъ въ геенѣ, съ тѣхъ поръ какъ покинули единого и истиннаго Бога. Они дураки, украли у насъ обѣтованіе Мессіи; но обѣтованіе Авраамово все-таки у насъ осталось. Римъ — сумасшедшій домъ, Германія—бойня, а Франція—домъ терпимости! Во всякомъ случаѣ, отрадно то, что они губятъ другъ друга.

Онъ сѣлъ на перила моста, чтобы лучше видѣть дальнѣйшее.

Между двѣнадцатью патриотами, которые корчились на крестахъ какъ черви на удочкѣ, теперь показались пять человѣкъ, одѣтые въ красное платье, и стали строить поможь.

-- Это—палачи на могилѣ императора!—сказалъ еврей.—

Противъ Кресцентія я ничего не имѣю. Онъ былъ благородный человѣкъ и боролся за римское государство. Но все-таки однимъ христіаниномъ меньше!

— У христіанъ есть два объясненія тому, почему человѣкъ страдаетъ. Если онъ невиненъ, то мученіе является испытаніемъ, а если виноватъ, то, значитъ, заслужилъ свою участь. Вотъ онъ идетъ!

Кресцентія, послѣдняго римлянина, вывели впередъ. Его голова скатилась, и вмѣстѣ съ этимъ Римъ сталъ нѣмецкимъ, или Германія стала римской, до 1806 года.

Послѣ полудня въ тотъ же день произошло назначеніе новаго папы (нельзя было сказать: выборы), и папой сталъ Гербертъ, овернецъ, подъ именемъ Сильвестра II.

* * *

Императоръ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ на Авентинѣ, не рѣшаясь выѣзжать, потому что римляне ненавидѣли его.

Въ маленькой кельѣ, на склонѣ горы, гдѣ прежде жилъ недавно убитый другъ его, миссіонеръ и мученикъ Адальбертъ Пражскій, заперся онъ со своимъ учителемъ, новымъ папой Сильвестромъ II.

Этотъ французъ слушалъ лекціи въ Кордовѣ, гдѣ калифы основали университетъ и гдѣ преподавались арабскія

науки, имѣвшія, тѣмъ не менѣе, въ основѣ греческую и индійскую мудрость. Въ послѣдствіи онъ самъ читалъ въ Реймсѣ лекціи по философіи, математикѣ, астрономіи и химіи. Онъ былъ игуменомъ въ Боббіо, архіепископомъ въ Реймсѣ и Равеннѣ и, послѣ того какъ на нѣсколькихъ церковныхъ соборахъ выступалъ съ рѣчами противъ испорченности папъ, самъ сдѣлался нѣмецкимъ папой въ Римѣ.

Возмущеніе послѣ казни Кресцентія принудило его искать защиты на Авентинѣ у своего ученика, императора. Изъ кельи маленькаго монастыря, рядомъ съ капеллою Адальберта, управлялъ онъ судьбами Европы, отдавая свободныя минуты своимъ наукамъ, главнымъ образомъ — астрономіи и химіи, такъ что его прославили чернокнижникомъ.

Однажды ночью, когда, углубленный въ размышленія, онъ сидѣлъ за своимъ заваленнымъ письмами рабочимъ столомъ, къ нему вошелъ императоръ, не предупредивъ о своемъ посѣщеніи. Это былъ высокій юноша, одѣтый въ совсѣмъ необычное платье: въ стихарь, на которомъ были нарисованы изображенія изъ Книги Откровенія: Звѣрь, Блудница, Книга Печатей и еще тому подобное.

— Мнѣ нужно поговорить,—сказалъ онъ.—Я не могу спать.

— Что случилось, сынъ мой?

— Пришли письма предостереженія. Я видѣлъ сны.

— Расскажи!

— Да, ты слушаешь меня, но не вѣришь мнѣ, когда я говорю тебѣ правду; и ты какъ-то боишься всѣхъ новыхъ мыслей...

— Что можетъ быть новаго подъ солнцемъ? Не говорить ли отецъ церкви Августинъ даже относительно нашего святаго вѣроученія: «То, что въ наши дни называютъ христіанствомъ, было еще у древнихъ и существовало всегда со времени происхожденія человѣчества до Рождества Христова, когда начали называть христіанствомъ ту истинную религію, которая давно уже была налицо. Христовы истины — не какія-нибудь иныя, чѣмъ у древнихъ, а все тѣ же, только подробнѣе изложены».

— Еретикъ, раскольникъ, берегись! Ты не знаешь, что дѣлается въ мірѣ.

— Расскажи!

— Пришли пилигримы изъ разныхъ странъ и рассказываютъ про знаменія, видѣнія и чудеса. Въ южной Франціи возникли чума и голодъ, и въ мясныхъ лавкахъ продавали человѣческое мясо; въ Германіи видѣли на небѣ огненный жезлъ; а здѣсь, въ Италіи, опять началась эта безконечная ходьба по богомольямъ. Въ Иерусалимѣ ограблена церковь Святого Гроба и воздвигнутъ храмъ «Великаго Обманщика». Народъ, все христіанство содрогается, потому что въ развратныхъ папахъ послѣдняго вѣка, избиравшихся блудницами, увидѣли антихриста. Посланныхъ Христа убиваютъ! Да, послѣднимъ изъ такихъ былъ мой другъ Адалбертъ въ Польшѣ. Язычники отобрали обратно всѣ завоеванія Христа въ Азіи и въ Африкѣ; народъ «Обманщика» занялъ Испанію, Сицилію, а здѣсь — Неаполь и угрожаетъ Риму. Это значитъ, что предстоить Страшный Судъ и конецъ свѣта, какъ это предсказано въ Апокалипсисѣ.

— Такъ! Старая исторія начинается снова!

— Исторія? Отойди, сатана, потому что «тебѣ не пріятно то, что отъ Бога, а пріятно то, что отъ челоуѣковъ».

— Ты меня называешь сатаной?

— Да, потому что ты отрицаешь Слово Божіе. Развѣ не написано въ Откровеніи Іоанна слѣдующее: «И когда исполнится тысяча лѣтъ, сатана освободится изъ своего заключенія и изыдетъ собрать язычниковъ съ четырехъ концовъ свѣта, Гога и Магога»... Вотъ тебѣ они, сѣверные народы, которые живутъ въ Англіи, въ Нормандіи, въ Сициліи... Развѣ Θεодора — не Великая Вавилонская Блудница? Развѣ обманщикъ Магометъ — не Звѣрь?..

— Подожди, мой сынъ, я хотѣлъ бы тебѣ процитировать одинъ стихъ изъ той же главы. Тамъ, рядомъ, раньше написано: «Кто будетъ участникомъ перваго воскресенія, будетъ царствовать со Христомъ тысячу лѣтъ». Итакъ, теперь начинается тысячелѣтнее царство и потому не можетъ окончиться.

— Старое кончается, а новое начинается!

— Именно! Старое мрачное прошло, и мы стоимъ передъ вторымъ пришествіемъ Христа на землю. Если бы ты скромно надѣялся, то видѣлъ бы новое!

— Я не вѣрю ни одному слову изъ того, что ты говоришь. Послѣдній годъ тысячелѣтія наступилъ, и я ухожу въ пустыню, чтобы въ постѣ, молитвѣ и покаяніи ожидать дня Господня и пришествія моего Искупителя. Я буду молиться за тебя, отецъ мой; но здѣсь наши дороги расходятся, и ты больше меня не увидишь!

Императоръ ушелъ. А Сильвестръ остался одинъ.

— Я жду! — сказалъ онъ самъ себѣ. — Но пока что приведу въ порядокъ наши мірскія дѣла!

И онъ раскрылъ карту тогда извѣстнаго міра. Краснымъ мѣломъ сталъ онъ намѣчать на ней кресты и короны, главнымъ образомъ на сѣверѣ, а надъ Іерусалимомъ нарисовалъ знамя съ копьемъ.

* * *

999-ый годъ приближался къ концу, и христіанскій міръ жилъ въ смертельномъ страхѣ. Въ Римѣ и окрестностяхъ замерла всякая жизнь. Поля не засѣвались и лежали подъ мусоромъ; торговля остановилась; лавки были заперты. Кто имѣлъ какую-нибудь собственность, отдавалъ ее да еще долженъ былъ искать желающаго принять подарокъ. Церкви стояли настежь днемъ и ночью въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и каждый день походилъ на воскресеніе еще потому, что всѣ одѣвались въ лучшее свое платье, такъ какъ не было смысла беречь его и такъ какъ каждый хотѣлъ хорошо одѣтымъ встрѣтить пришествіе Искупителя.

Рождество праздновали съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ, и люди жили въ мирномъ согласіи. Стражѣ города нечего было дѣлать, потому что страхъ грядущаго поддерживалъ скромность и порядокъ. Спали съ откры-

тymi дверями, и никто не рѣшался красть или обманывать; да въ этомъ и не было нужды, потому что желающій получалъ просимое даромъ; булочники даромъ раздавали хлѣбъ, а хозяева гостинницъ оказывали неограниченный кредитъ. Церкви были переполнены днемъ и ночью. Говѣнiе, отпущенiе грѣховъ, обѣдни и вечерни не прекращались весь день.

Наступилъ день передъ кануномъ новаго года. Мнѣнiй о характерѣ катастрофы была два: это будетъ или наводненiе или землетрясенiе. Большинство жителей пребывало подъ открытымъ небомъ, одни—на ровномъ мѣстѣ, другiе—на холмахъ; но взоры всѣхъ были устремлены къ небесамъ.

Марсово поле было съ утра полно народомъ, и одна группа образовала кружокъ возлѣ кучи дровъ; какой-то сумасшедшiй стоялъ на кучѣ и говорилъ, держа въ рукахъ свертокъ бумаги и пергаментовъ.

Это былъ богатый горожанинъ, который въ теченiе трехъ мѣсяцевъ предавался покаянiю и самоусовершенствованiю, и теперъ, похожiй на скелеть, хотѣлъ избѣжать наступающаго гнѣва. Ради этого онъ принесъ сюда большую охапку сухихъ дровъ подъ предлогомъ, что хочетъ согрѣть всѣхъ носильщиковъ тяжестей и вьючныхъ животныхъ. Такъ какъ никто не обращалъ вниманiя на то, что дѣлаетъ другой, то ему предоставили свободу.

Рядомъ съ кучей дровъ стояли обломки старой ораторской каеэды. Зажегши огонь, онъ взобрался на нее.

— Во имя Вѣчнаго Бога,—заговорилъ онъ,—такъ какъ я теперъ сжигаю долговья расписки, Господь Богъ мой вычеркнетъ изъ Книги Живота мои прегрѣшенiя. За всѣ

страданія, которыя я причинилъ другимъ, я буду теперь мучиться самъ. Очищающій огонь, сожги мое несчастное тѣло со всѣми его грѣхами; вздымающееся пламя, позволь мнѣ подняться за тобой къ небу! Господи Иисусе, прими духъ мой!

Онъ спрыгнулъ съ каедры и упалъ въ середину огня, гдѣ и остался, стоя на колѣняхъ, со сложенными руками, пока не задохнулся и не умеръ.

На Форумѣ какой-то человѣкъ раскапывалъ ломомъ кучу щебня, которая должна была его засыпать. «Скажите горамъ: покройте насъ!» пѣлъ онъ.

Съ моста Сублиція бросилась въ рѣку молодая пара, такъ тѣсно обнявшись, что даже смерть въ волнахъ не могла разнять утонувшихъ.

Въ полдень были открыты тюрьмы, и арестантовъ встрѣчали какъ героевъ и мучениковъ. Ихъ вводили въ знатнѣйшіе дома, сажали за столъ, и сенаторы и ихъ жены обмывали имъ ноги.

— Всѣ мы—грѣшники, и у насъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы мы могли похвалиться. Эти заключенные терпѣли свое наказаніе, въ то время какъ мы гуляли на волѣ!

Такія говорились рѣчи.

Никогда еще, со времени первыхъ дней христіанства, не выказывалось столько человѣколюбія и состраданія.

Больнымъ въ госпиталяхъ тоже захотѣлось на воздухъ, и кровати ихъ выносились на улицы и на площади. Все живое хотѣло быть подъ открытымъ небомъ, и семьи выносили свою мебель на улицу.

Птицъ выпустили изъ клѣтокъ, а лошадей—изъ конюшенъ. Сначала онѣ бѣгали по городу, но когда почувяли

волю и достигли городскихъ воротъ, то устремились по дорогѣ въ Кампанью, въ луга; нѣкоторыя, впрочемъ, остались въ городѣ, лежа въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ дѣти залѣзали къ нимъ на спину.

Единственно только дѣти не испытывали никакого страха. Они прыгали и играли какъ всегда, радуясь свободѣ и тому, что все такъ необыкновенно. Никто не останавливалъ ихъ, и они, не понимая въ чемъ дѣло, оставались беззаботными и забавлялись своими играми.

Наступилъ вечеръ новаго года, и страхъ увеличился. Можно было видѣть господъ, съ плачемъ обнимающихся со слугами, при чемъ первые сознавались въ своей жестокости, а вторые—въ своей безчестности. Старые враги, встрѣчаясь на улицѣ, брались за руки какъ дѣти и, ведя другъ друга, бродили взадъ и впередъ; распѣвая хвалебныя пѣснощѣнія.

Все было какъ въ золотомъ вѣкѣ или такъ, какъ отцы церкви представляли себѣ тысячелѣтнее царство. Воздухъ былъ теплый какъ въ весенній день, и небо было ясное до самаго обѣда. Потомъ оно покрылось тучами.

Никто не ѣлъ, не пилъ; но всѣ мылись и одѣвались по-праздничному. Послѣ полудня по городу потянулись процессіи священниковъ и монаховъ съ пѣніемъ акафистовъ, которымъ вторилъ народъ.

— Господи, помилуй!—раздавалось по всему городу.—
Господи, сжался, Христе, сжался!

Весь Римъ готовился къ своей казни.

Но была кучка невѣрующихъ и отпѣтыхъ, которые не ожидали ничего новаго. Они собрались внизу, въ катакомбахъ и развалинахъ, и устроили тамъ вакханаліи и оргіи.

Въ развалинахъ золотого дома Нерона распутники и блудницы города затѣяли пиръ на большую ногу. Въ серединѣ, на землѣ, горѣлъ костеръ, окруженный столами и скамьями. Ъды и вина было въ изобиліи, потому что ихъ стоило только достать изъ кладовой или изъ погреба. Были музыка, пѣніе и танцы; а въ антрактахъ находили удовольствіе въ томъ, что летучія мыши и совы обжигались объ огонь и жарились живыми.

Веселье было шумное, но отсутствовала непринужденность. И здѣсь тоже философствовали и пророчествовали:

— Сегодня не наступитъ страшный судъ,—сказалъ молодой человѣкъ, который могъ быть потомкомъ императора Нерона.

— Впрочемъ, если онъ и наступитъ, смерть не можетъ предложить намъ чего-нибудь хуже того, что мы видѣли въ жизни.

— Я всегда находилъ, что мы жили въ аду! Каждое утро головная боль, долги, срамота и время отъ времени отсиживаніе въ тюрьмѣ.

— Императоръ сидитъ нагой въ пещерѣ, у подножія Соракта...

— «*Vides, ut alta stat nive candida, Soractel!*»

— «Посреди начатой рѣчи бѣжить отъ насъ завистливая жизнь! Пользуйся днемъ, не надѣясь на слѣдующій».

— А папа будетъ служить полуночную мессу! Онъ, который въ нее не вѣритъ!

— Но онъ долженъ дѣлать благочестивое лицо и поступать такъ...

— Я знаю одну женщину, которая сегодня ночью не пойдет къ мессъ...

— Это—красавица Стефанія, вдова Кресцентія...

— Но она бодрствует какъ мечь...

— Что нужно этимъ тевтонамъ въ Римѣ? Я желалъ бы, чтобы хозяинъ этого золотого дома возсталъ изъ мертвыхъ. Это былъ послѣдній римлянинъ!

— Это былъ мужчина, который не церемонился со своими врагами. Онъ не боялся ничего ни на землѣ, ни на небѣ, даже—молніи. Она ударила разъ въ его столовую, когда онъ возлежалъ за столомъ. Знаете, что онъ сказалъ? «За твое здоровье!» сказалъ онъ и поднялъ кубокъ.

Въ это мгновеніе со свода свалился въ огонь раскаленный камень,—такъ что посыпались искры. Черезъ образовавшееся отверстіе ворвался ночной вѣтеръ, навѣвая дымъ въ лица пирующимъ; сначала это приключеніе показалось имъ забавнымъ; но вскорѣ они были принуждены покинуть пещеру.

— Давайте, пойдёмъ посмотримъ на конецъ свѣта?—закричалъ одинъ изъ юношей. Образовалось шествіе изъ вакханокъ и менадъ съ полнымъ мѣхомъ вина во главѣ, за которымъ слѣдовали флейтисты и всѣ пирующие съ кубками въ рукахъ.

Внизу, въ старой базиликѣ св. Петра, передъ алтаремъ стоялъ папа и служилъ полунощную мессу.

Церковь была переполнена, и люди стояли на колѣняхъ. Тишина была настолько велика, что былъ слышенъ

шорохъ бѣлыхъ рукавовъ рубашки священнослужителя, когда онъ поднималъ чашу.

Но еще слышался и другой звукъ, какъ бы отми́чавшій послѣднiя минуты тысячелѣтiя. Онъ отдавался точно пульсъ въ ухахъ больного и отбивалъ какъ разъ столько же ударовъ. Дѣло въ томъ, что дверь въ ризницу была отворена, и часы, висѣвшiе тамъ, тикали спокойно и увѣренно разъ въ секунду.

Папа, который былъ такимъ же спокойнымъ человекомъ, оставилъ дверь открытой, вѣроятно для того, чтобы въ великiй моментъ достигнуть наибольшаго впечатлѣнiя. Лицо его отъ волненiя было блѣдно какъ у мертвеца, но не двигалось, и руки не дрожали.

Месса отошла, и наступило гробовое молчанiе. Ожидали, что служитель Господа передъ алтаремъ скажетъ нѣсколько словъ утѣшенiя; но онъ не сказалъ ничего, а, повидимому, былъ погруженъ въ молитву и воздѣлъ руки къ небу.

Часы тикали, народъ вздыхалъ; но ничего не происходило. Какъ дѣти, боящiяся темноты, лежали молящiеся лицами на полу и не рѣшались встать. Потъ отъ страха капалъ у многихъ съ холодныхъ какъ ледъ лбовъ; затекшiя колѣни ныли или теряли чувствительность, точно ихъ отняли.

Вдругъ тиканье часовъ прекратилось...

Не остановился ли механизмъ? Не знаменiе ли это, что все должно остановиться, время пришло къ концу, и начнется вѣчность?

Среди молящихся разомъ послышались крики, и убитыя ужасомъ нѣсколько тѣлъ упали на каменный полъ.

Тутъ стали бить часы: разъ, два, три, четыре... Пробыть двѣнадцатый ударъ, п....., .., и затѣмъ вновь наступило гробовое безмолвіе.

Тогда Сильвестръ обернулся и съ гордой улыбкой побѣдителя протянулъ руки къ благословенію. Въ то же мгновеніе радостно и торжествующе зазвонили всѣ колокола на колокольнѣ, а съ возвышенія, гдѣ былъ органъ, зазвучалъ хоръ молодыхъ и старыхъ голосовъ, сначала немного неувѣренно, а потомъ крѣпче и яснѣе:

— Te, Deum, laudamus!

Молящіеся присоединились къ хору, но прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ онѣмѣвшія спины смогли выпрямиться, и люди отдохнули отъ вида умершихъ подъ вліяніемъ страха.

Пѣніе кончилось. Люди бросались другъ другу въ объятія, плакали и смѣялись какъ безумные и лобызали другъ друга.

Такъ кончилась первая тысяча лѣтъ послѣ Рождества Христова.

Императоръ въ строжайшемъ постѣ и покаяніи проводилъ святки и канунъ новаго года въ небольшой крѣпости Патерно у Соракта. Но когда наступилъ день Новаго Года и все осталось безъ перемѣны, онъ пріѣхалъ въ Римъ, чтобы повидать Сильвестра и позаботиться о будущемъ.

Старшій другъ и учитель принялъ императора съ улыбкой, которая не осталась непонятною; но монархъ былъ еще настолько подъ вліяніемъ своего страха, что не рѣшился проявить гнѣва.

— Не собрался ли ты теперь вернуться въ міръ, мой сынъ, для устройства твоихъ мірскихъ дѣлъ? — сказалъ Сильвестръ.

— Да; но я долженъ сначала выполнить два обѣта, ex voto, которые я далъ въ часъ скорби.

— Такъ выполни ихъ!

— Я пойду на могилу моего друга Адальберта въ Гнѣзно и посѣщу гробницу Карла Великаго въ Аахенѣ.

— Сдѣлай это, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты долженъ исполнить нѣсколько порученій, которыя я дамъ тебѣ на дорогу.

На томъ и покончили.

* * *

Прошло два года, когда однажды, въ январѣ, папу Сильвестра позвали въ Патерно, маленькую крѣпость у Соракта, гдѣ жилъ нѣмецко-римскій императоръ и лежалъ тогда больной.

Когда Сильвестръ вошелъ въ комнату больного, то императоръ сидѣлъ, но имѣлъ печальный видъ.

— Ты боленъ; душою или тѣломъ?

— Я усталъ.

— Уже въ возрастѣ двадцати двухъ лѣтъ!

— Я — въ уныніи.

— Ты въ уныніи, несмотря на то, что видѣлъ, какъ

міръ пробудился отъ своего кошмара! Подумай только, неблагодарный, чего не принесли эти два года, какія побѣды Христа, который воистину, повидимому, пришелъ вторично? Я перечислю ихъ; слушай! Чехія получила герцога, который уничтожаетъ язычество; Австрія соединилась въ Дунайское государство; язычникъ Мадьяръ принялъ крещеніе и получилъ изъ нашихъ рукъ корону подъ именемъ Стефана I; Болеславъ польскій тоже получилъ корону и архіепископа; новое государство русскихъ приняло крещеніе, и Владиміръ Великій охраняетъ насъ отъ клонящихся къ упадку сарацинъ и возвышающихся сельджуковъ, или турокъ; Гаральдъ датскій и Олафъ шведскій укрѣпили христіанство; Олафъ Тригвазонъ сдѣлалъ то же въ Норвегіи, Исландіи, на Фарерскихъ островахъ, въ Шетландѣ и Гренландіи; а съ датчаниномъ Твесчегомъ христіанство обезпечено въ Британіи. Во Франціи царствуетъ благочестивый Робертъ II изъ новаго рода Капетинговъ, но саксонскаго происхожденія, какъ и ты. Въ Испаніи сѣверныя государства Леонъ, Кастилія, Арагонія, Наварра окончательно соединились и защищаютъ насъ отъ кордовскихъ мавровъ. Все это — въ пять лѣтъ и подъ эгидою Рима! Развѣ это — не второе пришествіе Христа, и понимаешь ли ты теперь, что Провидѣніе разумѣло подъ тысячелѣтнимъ царствомъ! Тѣ, кто будетъ жить черезъ тысячу лѣтъ, увидятъ, можетъ быть, зрѣлые плоды того, что цвѣтетъ передъ нами! Правда, это не рай, но лучше, чѣмъ прежде, — немного лучше, чѣмъ тогда, когда у насъ были дикари на Сѣверѣ и Востокѣ. И всѣ получаютъ свои короны и плащи отъ Рима. Ты — властитель народовъ, мой императоръ!

— Я? Ты управляешь душами, а не я; и я не хочу властвовать.

— Да, я это слышалъ, такъ какъ ты поставилъ надъ собою властительницу!

— Кто же она такая?

— Говорятъ, и ты знаешь слухъ такъ же хорошо, какъ и я, что это — вдова Кресцентія, прекрасная Стефанія. Ну, это — твое дѣло, но Соломонъ совѣтуетъ: «Берегись твоихъ враговъ, но будь остороженъ тоже и съ друзьями!»

Императоръ, казалось, хотѣлъ защищаться, но не смогъ, и такъ разговоръ былъ оконченъ.

Нѣсколько дней спустя Оттонъ III умеръ, по сказанію, такъ или иначе отравленный прекрасной Стефаніей.

А годомъ позднѣе умеръ Сильвестръ II.